

Ю. КУРОЧКИН
Легенда о золотой бабе

1549г.
С. ПЕРБЕРШТЕЙН

SLATA BABA

СТЕРБЕРШТЕЙН
1557г.

СТЕРБЕРШТЕЙН
1551г.

Slata baba

Abi gold

С. МЮНХЕН
1552г.

Slata baba

1555г.
АНТ. ВИА.

ЗОЛОТАЯ
БАБА

АТЕВЗ
1575г.

SLATA
BABA

А. ДЖЕНКИНСОН
1562г.

Solataia baba
hoc est aurca

XVIII карта
Герберштейна и
Дженинсона

ЗОЛОТАЯ
БОГОМАТЕРЬ
АМБЕНА

ВОЗМОЖНЫЕ ПРОТОТИПЫ
ЗОЛОТОЙ БАБЫ

Богиня
Гуань-инь

СТАТУИ И МАРИОНЕТЫ
из ПИЛАНДО БАРБЕРИНИ

ТРИ
ПОКОЛЕНИЯ

А
В
И
Н

МИР
и БОГАТСТВО

СТАТУИ И МАРИОНЕТЫ
из ПИЛАНДО БАРБЕРИНИ

ДЕМЕТРА

Ю. Курочкин

**ЛЕГЕНДА
О ЗОЛОТОЙ
БАБЕ**

П о в е с т ь

ХУДОЖНИК Н. КАЗАНЦЕВА

К читателю

Перед вами второе издание приключенческой повести. В основе ее лежит разгадка тайны Золотой Бабы — древнего идола северных народностей Урала. Автор использует литературный сюжет как средство исторического исследования легенд о Золотой Бабе, привлекая богатый краеведческий материал.

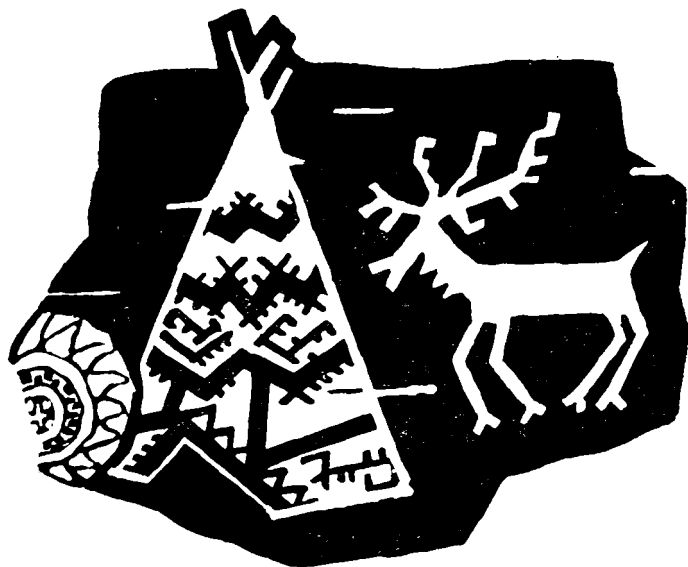
О Золотой Бабе, этой древней загадке истории, за многие годы написано многое. И все-таки загадка еще далека от разрешения. Откуда Золотая Баба пришла на Урал? Куда девалась? Была ли она золотой или ее только так называли? Кочевала ли она или так и «сидит» где-нибудь в тайге с давних пор, забытая всеми?..

Сама по себе вроде бы не существенная, загадка эта, став предметом исследования, помогает прочесть забытые страницы истории маленьких народностей Уральского Севера.

Много лет автор собирал материалы, старые и новые, на эту тему. Систематизировал их, чтобы попытаться дать если не решение, то хотя бы какие-то предварительные выводы. Материалов собралось уже изрядно, но поиск продолжается и каждый год приносит что-нибудь новое. Иногда — кроху, а иногда такой сюрприз, как неизвестная рукопись писателя-публициста К. Д. Носилова — путешественника, этнографа, географа, эитузиаста исследования Уральского Севера. Находка эта внесла ясность во многие спорные вопросы, позволила развязать некоторые туго затянутые узелки...

«Уральская библиотека путешествий, приключений и фантастики», таким образом, предлагает читателю новый — исправленный и дополненный — вариант «Легенды о Золотой Бабе»,

Тетрадь
первая

**РЕФЕРАТ И ПРИМЕЧАНИЯ К НЕМУ,
СОЧИНЕННЫЕ
СТЕФАНОМ АРИСТАРХОВИЧЕМ
ЗАКОЖУРНИКОВЫМ**

Мне было совсем не до того, чтобы заниматься какой-то там Золотой Бабой. Ну, пришло письмо, ну да, я старый краевед — и что из этого? Ради чего я должен перерывать стопы пахнущих крысами старых книг и отвлекаться от столь интересной и важной работы, как обобщение материалов по исторической топографии города? Ко всему тому, я пенсионер. И я не обязан. Да-с!

Тем более, что письмо, с которого все началось... Извольте полюбоваться!

«Прошу срочно сообщить, какие материалы о Золотой Бабе можно найти в нашем городе. Нет ли в музее чьей-нибудь работы, обобщающей материалы на эту тему? Это нужно для проведения антирелигиозной работы во время туристских походов в северные районы Урала. О Золотой Бабе должен что-то знать старый краевед Степан Аристархович Закожурников».

Вместо подписи — какая-то немыслимая завитушка.

Адреса тоже нет. Кому отвечать, куда? На деревню дедушке?

Впрочем, сбоку карандашом записан номер телефона. Наверное, его, вопрошателя. Значит, найдется, если будет нужен.

Но — каков?! Ему, видите ли, нужно не как-нибудь, а именно срочно. И — извольте видеть! — некий краевед скрывает тайну Золотой Бабы. Это-то он разузнал, а точное имя краеведа разузнать не постарался. Может быть, имя Степан мне и самому нравится больше; но если я по паспорту Стефан, то зачем коверкать мое имя — это просто неприлично.

И — самое главное — ему нужно что-нибудь готовенькое!

Откуда идет это стремление ко всему готовенькому? Иной едва оперившийся птенец, натянувший брюки поуже и рубашку попестрей, так и считает: весь мир

создан для него и должен поставлять ему все, что он — пуп земли! — пожелает. Самому надо постигать и добывать. Ножками, ножками! Ручками, ручками! Головкой, головкой!

Вот и автор послания наверняка длинногривый, нечесаный нахал в узеньких зеленых брючках с молниями.

А может быть, я ошибаюсь? Все же антирелигиозная пропаганда, туристский поход... Может, просто папа и мама не научили его вежливости, а он вовсе не лохматый нахал, и ему в самом деле нужно? К тому же не надо забывать, что современной молодежи нужно знать много такого, чего не знали, да и не могли знать мы: радио, кибернетику, атом, космос... А я, сознаюсь, даже «Волгу» от «Победы» с трудом отличаю.

Нет, надо парню помочь.

Я отложил в сторону незаконченную главу об истоках речки Малаховки. Это ведь на день, на два, не больше...

* * *

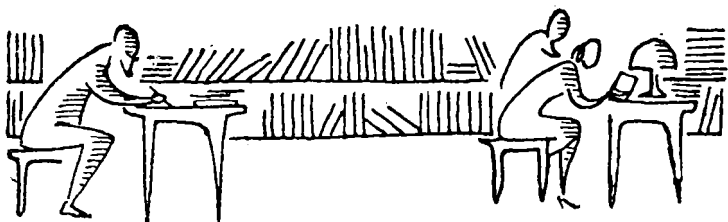
...Увы! Незаконченная глава о Малаховке перекочевала со стола в ящик, а я бегал из библиотеки в библиотеку и лазил по трехметровым стеллажам, рискуя сломать голову. Я уже целую неделю не измерял кровяное давление и поэтому если бы умер, то даже не знал бы — отчего. Монбланы книг на моем столе грозили обрушением. Я злился на самого себя, на студента, которого снова стал мысленно звать лохмачом, на эту чертову — виноват, Золотую! — Бабу. Но бросить разыскания уже не мог.

И я снова карабкался по складным лестничкам к полкам библиотечных хранилищ (самое нужное почему-то всегда находишь в самых труднодоступных местах!), снова чихал, поднимая облака пыли с давно никем не троганных фолиантов.

Да, к сожалению, давно никем не троганных! Молодежь начинает терять вкус к старой книге. А напрасно! Какие залежи полезных знаний скрыты в них! Как много незаслуженно забыто! Сколько иногда напрасно тратится сил на второе открытие Америки! Взять лишь одного старика Чупина с его знаменитым «Географическим и статистическим словарем Пермской губернии».

Я знаю, как один геолог «открыл» ценное месторождение минеральных красок не в поле, а на страницах чупинского словаря: о нем знали еще древние насельники края. Знаю, как тот же Чупин помог однажды изыскателям найти кратчайший и удобнейший путь к урочищу, ставшему вскоре аренной большой стройки. А «Записки УОЛЕ», Уральского общества любителей естествознания, до революции — одной из сильнейших в мире самодеятельных краеведческих организаций? Это же энциклопедия ураловедения! Кривошеков, Шишонко, Дмитриев, Клеры, Анфиногенов — они заслуживают того, чтобы книги их и сегодня лежали на почетном месте в шкафу краеведа.

Но на этот раз и они что-то плохо помогали мне. Золотая Старуха (идола, оказывается, звали еще и так) будто пряталась от меня, как пряталась от всех тех, кто искал ее. Она меняла то свое обличье, то место пребывания, то свое назначение, то имя.

Я бы не сказал, что это «проблема номер один» для уральского краеведения. Но надо же в конце концов разрешить тайну этой Золотой Карги, или как там еще ее называют.

Однако не будем спешить с выводами. Мое дело — собрать исторические известия об этом идоле.

Нашел я, увы, не так много. Это отнюдь не «обобщающая все материалы» работа, как этого требовало письмо лохмача. Но, я думаю, с него хватит. Для ведения антирелигиозной пропаганды.

А не хватит — пусть ищет сам. Ориентиры показаны.

Реферат о Золотой Бабе

1

Начало истории Золотой Бабы затерялось где-то в веках. Как известно, наши далекие предки не усложняли свой быт избытком писанины. Ни докторских, ни даже кандидатских диссертаций о Золотой Бабе они не оставили, хотя тогда — десять веков назад — тема эта могла быть актуальной. Но простим предкам их упущения и попробуем хотя бы выяснить, кто и какие свидетельства оставил о Золотой Бабе позднее.

...Конечно, первыми вести о ней принесли на Русь новгородцы. Еще тысячу лет назад они добирались до таких дальних земель, о которых в просвещенной Европе и не слыхивали. Кто — в погоне за мягкой рухлядью (как тогда называли меха), кто — спасаясь от местных неурядиц и обид.

Где под парусами, где на веслах, а где и волоком пробирались на легких вездеходных ушкуях ватажки отчаянных сынов Нова-города, богатого и сильного государства славян.

По голубой паутине рек, покрывшей северо-восток Европы, доходили ушкунники до глухих, забытых богом краев, где все было необычно — и природа, и люди. Если забраться подальше, то там даже ночь и день не такие, как на родине, как везде: полгода — темь, полгода — незакатное солнце. И люди неизвестные. Впору сказки о них сочинять: с ног до головы в шкурах, ездят на собаках да на оленях, хлеб не сеют, домов не строят, ибо живут день в одном месте, а день — в другом.

И молятся странно: то дереву поклоняются, то красному знамени, то камню иссеченному, а то Золотой Бабе. А какая она — эта Баба, — говорят разное, от показа же таятся. Кто посмелее да любопытнее, может, и видел ее. Только тот уж не расскажет: крепко хранят инородцы тайну главного идола, не прощают излишнего любопытства.

А следом за первыми ватагами землепроходцев, возвратившимися с грузом драгоценных мехов и запасом баек о полуночных странах, шли другие. Новооткрытые земли записывались волостями новгородскими, поданными Господина Великого Новгорода.

Научились разбираться и в «человецех незнаемых»: где пермичи, где печора, где югра, а где самадь. А то раньше огулом весь этот край землей Югорской звали, а народы — чудью.

А Баба... Что ж, Баба — хоть и золотая, а на что она? Пусть себе молятся. Сами новгородцы давно ли из язычников в христианство перешли. Да и золотая ли она — кто знает! Вот соболя — это дело верное и доходное.

Одна из древнейших новгородских летописей — Софийская — так и повествует о Золотой Бабе как о чем-то всеизвестном и неудивительном. Сообщая о кончине в 1398 году великопермского епископа-миссионера, бывшего устюжанского инокa Стефана, летописец свидетельствовал, в каких затруднительных условиях приходилось жить и «работать» первому епископу сих земель:

«Живяше посреде неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведающих, молящихся идолам, огню и воде, и камню, и Золотой Бабе, и волхвам и древью».

Даже пояснить не захотел летописец, что это за штука — Золотая Баба, какова она видом и где находится. Что-де разглагольствовать, коли всем известно.

Правда, к тому времени Новгороду было уже не до идолов, хотя бы и золотых. Северо-восточные волости числились еще за ним, но более сильный его сосед — Московская Русь — уже поглядывал и на эти волости, и на самого их хозяина. Великий Новгород доживал последние годы своей самостоятельности. Битва на реке Шелони в 1471 году решила его судьбу. Семь лет спустя он окончательно перешел под власть московского князя Ивана III.

С тех пор москвиты сами пошли на Югру. Еще, вероятно, не вернулись из дальних походов последние новгородские посланцы, сборщики дани, когда в 1483 году князь Федор Курбский-Черный и Иван Салтык-Травник с дружиной дошли уже до Иртыша и спустились вниз по Оби до Югорской земли.

Если при новгородцах югричи были фактически самостоятельными, отделяваясь лишь данью, то москвиты осели в крае прочно и всерьез.

Молодой государь Василий III, вступив на престол в 1505 году, уже мог не без основания писать в своем пышном титуле «Государь всея Руси и великий князь...

Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных... Нова-города Низовской земли... и Удорский, и Обдорский, и Кондинский, и иных...»

Государю вся Русь до Золотой Бабы дела никакого не было, а вот церковь о ней вспомнила. В 1510 году митрополит Симон в специальном послании «пермскому князю Матвею Михайловичу и всем пермичам большим людям и меньшим» упрекает их в поклонении Золотой Бабе и болвану Войпелю. В послании весьма недвусмысленно дано понять, что с этим-де грехом пора кончать.

С тех пор летописи и другие русские документы молчат о Золотой Бабе. То ли исчезла она, захваченная каким-то вороватым воеводой, то ли спрятана была подальше от всяких глаз — своих и чужих.

2

Зато о Золотой Бабе вспомнили иноземцы. Они проявили к ней гораздо больше интереса, чем хозяева земель, где находился этот идол.

Московия — таинственная страна на востоке Европы — с годами все более заинтересовывала ее западных соседей. Фактические сведения об этих краях, сообщаемые в сочинениях античных писателей и некритически повторяемые их поздними коллегами, перестали удовлетворять европейских купцов, жадно оглядывавших открывающийся перед ними мир.

А мир этот открывался все шире и шире. Колумб на снаряженных испанским королем каравеллах открыл Америку. Португальский мореплаватель Васко да Гама указал морской путь в сказочную Индию. Корабли Магеллана обошли вокруг света. За каких-нибудь два десятилетия на рубеже двух веков — XV и XVI — открыто больше, чем за целое тысячелетие. Космографы уже берутся чертить карты «всего света» и давать описания его.

А эта страна, отнюдь не такая далекая, как Индия и Америка, все еще оставалась *terra incognita* — неизведанной землей. С ней уже торговали, обменивались посольствами, выдавали за ее правителей дочерей и сестер своих государей, а знали по-прежнему до смехотворного мало.

Знать же ее стало необходимым: ведь именно через нее лежал путь в еще одну сказочную страну, при рассказах о которой у европейских купцов текли слюнки,— в Китай.

Неудивительно поэтому, с каким интересом встретили в Европе вышедшую в Польше в самый разгар эпохи великих открытий, в 1517 году, книгу ректора Краковского университета Матвея Меховского «Сочинение о двух Сарматиях». Хотя этот ученый медик и не бывал в странах, описанных им, а лишь собрал сведения о них от бывалых людей, в том числе и от пленных московитов, книга его произвела впечатление еще одного великого открытия.

Она впервые рассказала о Московии и ее соседях такое, о чем в печати не рассказывал еще никто, развенчивала многие легенды и сказки. Автор не побоялся посягнуть на незыблемый до него авторитет великого географа древности Птолемея и преемников его.

В этой книге и прочитали впервые на Западе о Золотой Бабе. Меховский писал: «За землю, называемую Вяткою, при проникновении в Скифию, находится большою идол *Zlota Baba*, что в переводе значит золотая женщина или старуха; окрестные народы чтут ее и поклоняются ей; никто проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует ее с пустыми руками и без приношений; даже если у него нет ценного дара, то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную из одежды шерстину и, благоговейно склонившись, проходит мимо».

Возможно, что и сами московиты знали в то время о Золотой Бабе не больше того, что сообщил о ней Меховский. По крайней мере, в русских летописях ничего более точного не сообщалось.

О книге Меховского много спорили в Европе. Одни признавали ее за достойнейший труд, другие с негодованием отвергали.

3

В те же годы, когда вышла книга Меховского, в Московии побывал Сигизмунд Герберштейн, посол могущественного Максимилиана I, императора Saint empire — священной Римской империи германской нации.

Молодой, но не по годам степенный, Герберштейн был уже видным дипломатом Европы. Важный и чинный, в пышном, шитом золотом одеянии, он внушал к себе уважение и почтение.

Миссия Герберштейна была тонкой и щекотливой. Максимилиан желал склонить великого князя московского Василия III к миру с Польшей, чтобы начать совместную борьбу с набиравшей силу Оттоманской империей. Как ни был хитер и опытен Герберштейн, его миссия не увенчалась успехом, хотя посол и прожил в Москве со своей свитой почти три года.

Однако ревностный служака своего повелителя, он не терял времени даром. Хорошее знание русского языка позволило ему вести обстоятельные беседы с москвитями на самые различные темы. Он внимательно читал русские летописи, рылся в государственных архивах, заводил знакомства среди царедворцев, служилых и торговых людей. Не брезговал общением и с холопами. И всех дотошно расспрашивал о стране и землях, подвластных ей.

Далеко за полночь просиживали с ним посольские толмачи Григорий Истома и Василий Власов, рассказывая все, что знали о Московии и ее соседях. А знали они немало.

Возможно, что редкостная любознательность посла была в его натуре, но она могла быть и следствием тайных инструкций Максимилиана. Во всяком случае, составленные Герберштейном по возвращении на родину «Записки о московитских делах» можно признать выдающимся для своего времени географическим, этнографическим и политическим трактатом. Конечно, после появления их космографам следовало бы внести генеральные поправки в свои труды и карты. Но — странное дело! — составленные еще в 1519 году, «Записки» не появились на свет.

Может быть, Герберштейн хотел еще дополнить их? Не за этим ли он в 1526 году вновь поехал в Московию с новым тонким дипломатическим поручением... заранее обреченным на неудачу. Миссия опять не имела успеха, но посол не спешил уезжать. Снова беседы с бывалыми людьми, раскопки в архивах, изучение летописей...

К чему бы сие? Ведь книга и на этот раз не была издана. Прошло целых тридцать лет с первого приезда

Герберштейна в Московию, прежде чем «Записки» его увидели наконец свет. Было это уже в 1549 году, автору в то время шел шестьдесят четвертый год.

Успех книги можно смело признать огромным. Меньше чем за полстолетия она выдержала тринадцать изданий: шесть на латинском, пять на немецком и два на итальянском языке. Отрывки из нее переводились на чешский и голландский. «Записками» зачитывались, как увлекательным романом (кстати сказать, именно тогда вошедшим в моду). Они почти с исчерпывающей для того времени полнотой отразили географию Московского государства.

Конечно, читали их и москвиты, владевшие иноземными языками. Вот что могли они, например, узнать из «Записок» о Золотой Бабе: *«Вниз по реке Оби, с левой стороны, живет народ Каламы, которые переселились туда из Обиовии и Позозы. Ниже Оби до Золотой Старухи, где Обь впадает в океан, находятся следующие реки: Сосва, Березва и Данадим, которые все начинаются с горы Камень Большого Пояса и соединенных с нею скал. Все народы, живущие от этих рек до Золотой Старухи, считаются данниками Государя Московского.*

Золотая Баба, то есть Золотая Старуха, есть идол, находящийся при устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу... По берегам Оби и по соседним рекам, в окрестности, расположено повсюду много крепостей, властелины которых (как говорят) все подчинены Государю Московскому. Рассказывают, или, выражаясь вернее, болтают, что этот идол Золотая Старуха есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук. Кроме того, будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб. Если это так, то я думаю, что это происходит от сильного непрерывного дуновения ветров в эти инструменты».

Вот она, оказывается, какова! Не только золотая, но еще и с фокусами. И адрес уточнен: не просто «за рекою Вяткой», а при устье Оби.

Как понимать слова о детях в утробе, Герберштейн не пояснил — вероятно, и сам не очень понял.

А что в этом описании правдоподобно, что вымысел, установить трудно. Приведа описание Золотой

Бабы, автор спешит оговориться: «Все то, что я сообщал доселе, дословно переведено мною из доставленного мне *«Русского Дорожника»*. Хотя в нем, по-видимому, и есть нечто баснословное и едва вероятное, как, например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой Старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе с человеческим образом, и хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог указать ничего наверное от какого-нибудь такого человека, который бы видел это собственными глазами (впрочем, они утверждали на основании всеобщей молвы, что это действительно так)».

То есть предупреждает: «За что купил, за то и продаю». А где «купил» — откуда взял?

Интересно бы, конечно, заглянуть в этот самый «Дорожник» — ценнейший географический документ того времени. Может быть, там Золотая Баба описана подробнее? Может быть, Герберштейн, не в совершенстве зная язык, перевел что-нибудь неточно, понял не так, как следовало понимать?

Увы! Напрасно бросились бы искать москвиты «Дорожник». Этот документ, интересный сейчас лишь для освещения истории развития географических познаний наших предков, для них самих имел, однако, совершенно иное — особо важное, прямо-таки государственное значение. Ведь в нем описывались наиболее удобные пути в восточные дальние страны, так интересовавшие тогда Европу.

Но «Дорожник», или, точнее, «Указатель пути в Перчору, Югру и к реке Оби», исчез! С тех пор как он побывал в руках у Герберштейна, больше никто не видел его.

Не оттуда ли попали в «Записки» Герберштейна и карты? О, это были хорошие карты! Не созданные по разноречивым слухам полукарты, полурисунки, что имели распространение на Западе со времен Птолемея, государя всех космографов. Нет, этими картами северо-востока Европы можно было пользоваться всерьез, для дела, а не только для схоластических споров в университетах.

По обычаю тех лет, на картах, приложенных к «Запискам» Герберштейна, помещались и рисунки: изображения городов, горных хребтов, людей, животных.

И если взглянуть в правый верхний угол одной из карт Герберштейна, то можно увидеть и Золотую Бабу. Над ее изображением написаны латинскими буквами слова: *Sлата Баба*. А сама она нарисована между Обью и Уральским хребтом, где-то на широте современного города Березова.

Вид ее... Как ни странно, в разных изданиях книги она выглядит по-разному. И то, что изображено, не вяжется с текстом «Записок».

Нет никаких детей в утробе, не видно труб или каких-нибудь других инструментов.

На карте издания 1549 года Золотая Баба изображена стоящей в длинном платье, в простом головном уборе и с копьем в левой руке. На другой карте она уже в широкой царственной одежде поверх платья, на голове какой-то замысловатый убор, копье из левой руки перекочевало в правую.

В книге, изданной в 1551 году, статуя на рисунке уже без головного убора, в довольно простой одежде. Копье снова в левой руке.

Наконец, на карте 1557 года — опять новый вид. Старуха сидит на троне, в длинном просторном платье, на голове что-то вроде короны, в правой руке — жезл, подобный скипетру, а на левой — сидит ребенок.

Зато на карте, приложенной к итальянскому изданию 1550 года, изображения Золотой Бабы нет совсем.

Вот тут и разберись, какая же она была на самом деле. Вероятно, что ни такой, ни этакой.

Но какой же?

4

С легкой руки Меховского и Герберштейна Золотая Баба вскоре довольно прочно и надолго осела на страницах географических книг и карт.

Она попала в написанную ученым монахом-францисканцем Себастианом Мюнстером знаменитую «Космографию», о знаменитости которой можно судить уже по одному тому, что за сто лет она выдержала сорок четыре издания.

По описанию Мюнстера, женщина («старуха») держала в руках не ребенка, а «дубинку» (скипетр?). На рисунке же было иное — столб с головой рогатого жи-

вотного наверху и перед ним коленопреклоненный человек.

Золотую Бабу можно было увидеть на карте литовского географа Антона Вида, изданной в 1555 году. А. Вид составил ее со слов московского окольного Ивана Ляцкого. Идол помещен также близ устья Оби, а изображению его (статуя с ребенком) сопутствует надпись русскими буквами: «Золотая баба».

Рассказ Герберштейна повторил в 1556 году англичанин Клемент Адамс, докладывавший королеве Марии о первом плавании ее подданных в Белое море. Шесть лет спустя его соотечественник Антоний Дженкинсон на составленной им карте России также поместил Золотую Бабу («Старуха с двумя детьми»), сопроводив изображение ее надписью, в которой сообщил об идолу нечто новое:

«Золотая Баба (Zlata Baba), то есть Золотая Старуха, пользуется поклонением у обдорцев и югры. Жрец спрашивает этого идола о том, что им следует делать или куда перекочевывать, и идол сам (удивительное дело!) дает вопрошающим верные ответы, и предсказания точно сбываются».

Значит, идол исполнял также обязанности оракула!

Об истукане, которого зовут «Златою Бабою» и числят «за Рифейскими горами в царстве сибирских татар», сообщает в 1565 году с чьих-то слов итальянец Рафаэль Барберини — дядя римского папы Урбана VIII, предприимчивый и начитанный человек, заядлый путешественник, удостоившийся благосклонного приема у самого Ивана Грозного.

Француз Андре Тевэ, сменивший сутану монаха-францисканца на плащ путешественника, а распятие — на перо, семнадцать лет колесивший по белу свету (но до России так и не добравшийся), тоже передает слухи о Золотой Бабе, слышанные им в своих скитаниях. В объемистой — из двух фолиантов — «Всемирной космографии», вышедшей в 1575 году, он дает рисунок этого идола, полученный, по словам автора, от одного поляка, которого он встречал в Турции.

Что-нибудь новое? Нет, — тоже женщина на троне, не то в мантии, не то в хитоне, с шарфом на голове, со спящим ребенком на руках. Впрочем, может быть, поляк дал Тевэ рисунок из какого-нибудь малоизвестного

польского издания книги Меховского? Современники Тевэ немало ругали его за некритический отбор материала для своих сочинений.

Однако его противник Бельфорэ, выпустивший в том же году свою «Космографию» (впрочем, это скорее был просто обработанный перевод книги Мюнстера), писал о Золотой Бабе примерно то же самое:

«...Там до сих пор вопрошают и поклоняются идолу «Златой бабы», представляющему собой статую старухи, держащей ребенка, о которой некоторые думают, что это изображение богини Кибелы».

Даже знаменитейший и авторитетнейший Гергард Меркатор — фландрский географ, заложивший основы научной картографии, — и тот не удержался, чтобы не поместить на своей карте 1580 года легендарного идола. Он взял его, очевидно, у Герберштейна.

После этого неудивительно, что Золотую Бабу не обошел своим вниманием полонизированный итальянец Алессандро Гваньини, brave вояка, оставшийся под конец жизни не у дел и переквалифицировавшийся в плодовитого компилятора. Он, между прочим, в войсках Стефана Батория сражался с Москвией и около пятнадцати лет был начальником Витебской крепости.

В своем «Описании Европейской Сарматии» (1578 год) Гваньини писал о Золотой Бабе: *«В этой Обдорской области около устья реки Оби находится некий очень древний истукан, высеченный из камня, который москвитяне называют Золотая баба, т. е. золотая старуха. Это подобие старой женщины, держащей ребенка на руках и подле себя имеющей другого ребенка, которого называют ее внуком. Этому истукану обдорцы, угричи и вогуличи, а также и другие соседские племена воздают культ почитания, жертвуют идолу самые дорогие и высокоценные соболы меха, вместе с драгоценными мехами прочих зверей, закалывают в жертву ему отборнейших оленей, кровью которых мажут рот, глаза и прочие члены изображения; сырые же внутренности жертвы пожирают, и во время жертвоприношения колдун вопрошает истукана, что им надо делать и куда кочевать: истукан же (странно сказать) обычно дает вопрошающим верные ответы и предсказывает истинный исход их дел. Рассказывают даже, что в горах, по соседству с этим истуканом слышен какой-то звон и громкий*

рев: горы постоянно издают звук наподобие трубного. Об этом нельзя сказать: ничего другого, кроме как то, что здесь установлены в древности какие-то инструменты или что есть подземные ходы, так устроенные самой природой, что от дуновения ветра они постоянно издают звон, рев и трубный звук».

Похоже, что это описание составлено из всех других более ранних. Но в нем есть важные, хотя и вызывающие недоумение строки, что идол высечен из камня. Почему же тогда он зовется золотым?

Однако вот еще рисунок. Это на карте, составленной неизвестным космографом во второй половине XVI века. Простоволосая и, кажется, не одетая женщина с ребенком на руках сидит на скале, как на троне, как бы вырастая из скалы. Есть здесь и надпись, повторяющая слова Герберштейна о детях в утробе Старухи.

Выходит, Гваньини не одинок. Фигуру на карте неизвестного космографа вполне можно принять за высеченную из скалы.

Но есть еще свидетельство. Оно стоит особняком в ряду других известий о Золотой Бабе.

Английский дипломат Джилз Флетчер, посол королевы Елизаветы к Федору Иоанновичу, выпустил в 1591 году книгу «О государстве русском». Его не зря называли самым образованным человеком из всех, посетивших Россию в XVI веке. Помимо многочисленных печатных источников, Флетчер широко использовал для своей книги новые данные, полученные им от Антона Марша — английского подданного, отменного плута и оборотистого торговца (дело о плутнях которого и приезжал распутывать Флетчер в Москву).

Марш в 1584 году нанял себе в агенты двадцать пустозерцев и тайно отправил их на Обь, чтобы исследовать морской путь туда и условия сибирского рынка, а попутно вывезти контрабандой добрый транспорт драгоценных мехов. Однако царские служилые люди, имевшие на этот счет строгие инструкции, словили агентов, меха отобрали в казну, а инициатора предприятия привлекли к ответу. Маршу пришлось улаживать свои дела с помощью дипломатов.

Кем он был больше — торговцем, контрабандистом или разведчиком, — сказать сейчас трудно. Но Флетчеру для его книги он сообщил немало нового и важного.

В частности, Флетчер с его слов писал: «Я говорил с некоторыми из них (то есть с пермяками и самоедами) и узнал, что они признают единого бога, олицетворяя его, однако, предметами, особенно для них нужными и полезными. Так, они поклоняются солнцу, оленю, лосю и проч., но что касается до рассказа о золотой бабе, или золотом идоле, о которой случилось мне читать в некоторых описаниях этой страны, что она есть кумир в виде старухи, дающей на вопросы жреца прорицательные ответы об успехе предприятий и о будущем, то я убедился, что это пустая басня. Только в области Обдорской, со стороны моря, близ устья большой реки Оби есть скала, которая от природы (впрочем, отчасти с помощью воображения) имеет вид женщины в лохмотьях с ребенком на руках (так точно, как скала близ Нордкапа представляет собою монаха). На этом месте обыкновенно собираются обдорские самоеды, по причине его удобства для рыбной ловли, и, действительно, иногда (по своему обычаю) колдуют и гадают о хорошем или дурном успехе своих путешествий, рыбной ловли, охоты и т. п.»

Вот как! Флетчер, имевший данные от весьма сведущих людей, отрицает существование Золотой Бабы. Идол не золотой, а каменный!

А что скажут другие, писавшие после него?

И тут новая странность. В следующем, XVII, веке сообщения о Золотой Бабе как бы перестают интересовать географов и путешественников. Словно идол исчез.

И это несмотря на то, что в начале века в Россию потянулась вереница политических авантюристов, искателей наживы, согладатаев и разведчиков различных иностранных торговых фирм, прекрасно понимавших, что для овладения этой страной потребно прежде всего отличное знание ее. Уж они-то не преминули бы сообщить о Золотой Бабе как о предлоге для исследования сибирских земель по реке Оби, все еще манившей к себе как к возможному пути в сказочный Канбалык — столицу богатейшего Китая.

И это несмотря на то, что именно XVII век был веком наибольшего наплыва иностранцев в Россию, веком, когда познания Европы о России необычайно расширились.

Ничего не сообщают о Золотой Бабе ни английские

торговые агенты Логан, Персглоу, Финч — участники экспедиции на корабле «Дружба» в 1611 году; ни нидерландский купеческий сын, впоследствии дипломат и писатель Исаак Масса, восемь лет изучавший торговое дело в Москве и издавший на родине два сочинения о Сибири; ни ученый немец Адам Олеарий, бывший секретарем голштинского посольства в Москве в 1633 году; ни другие, немало разузнавшие и немало написавшие о Сибири.

Разве только шведский дворянин Петр Петрей де Эрлезунд, трижды побывавший в России, в 1620 году единичным запоздалым эхом повторил в своем сочинении старые рассказы о Золотой Бабе. С чьих-то слов он сообщает, что *«Золотая Баба имела внутри пустоту, что она стояла на берегу Оби, и что она издавала звук, вроде трубного, когда жрецы совершали перед ней моления, что ей приносили в жертву черных соболей и куниц, а также убивали диких зверей и мазали кровью их ее рот и глаза. Жрецы спрашивали ее о будущем, и она давала ответы, подобно дельфийскому оракулу»*.

Но что стоит свидетельство одного Петрея, к тому же явно заимствованное из других источников!

О Золотой Бабе забыли. Но, кто знает, может быть, она жива до сих пор?

Реферат я закончил, но оказалось, что он никому не нужен. За столь «срочно нужной» работой никто не являлся.

Я позвонил по номеру, который был записан карандашом сбоку письма. Мне ответили раздраженно, что никаких студентов в этой квартире не проживает и не проживало и что ни золотыми, ни какими-либо другими бабами здесь не интересуются.

Хорошенькая история!

Я сходил в поликлинику, измерил наконец свое кровяное давление, достал из стола успевшую запылиться рукопись незаконченной главы об истоках Малаховки и начал понемногу забывать о Золотой Старухе и о каком-то лохмаче, втянувшем меня в оказию, стоившую месяца трудов.

И, наверное, вскоре бы благополучно забыл. Если бы не...

Однажды, когда я, закончив свои дела в библиотеке, собирался уже уходить, меня остановил молодой человек с фотоаппаратом, висевшим через плечо. Он еще не успел заговорить, как я понял, что это он — искатель Золотой Бабы, турист и антирелигиозник по совместительству.

Да, я не ошибся: он был довольно лохмат (хотя и не очень), в узеньких зеленых брючках (хотя и не на молниях) и в пестром сером пиджаке. Усиков, правда, не было. Внешне его стоило признать даже приятным — темные большие глаза, любезная улыбка, вежливые манеры.

— Вы не скажете, как найти Степана Аристарховича? — спросил он меня.

— Скажу, — ответил я. — Он перед вами. Хотя, с вашего позволения, меня зовут Стефаном. Вы насчет Золотой Бабы?

Он как-то удивленно взглянул на меня и, помявшись, подтвердил мое, очевидно, неожиданное для него, предположение.

— Да... Не совсем... Но все-таки...

— Слушаю вас, — сказал я.

— Сурен, — отрекомендовался он, пожимая мою руку.

Мы уселись за одинокий столик в углу читального зала, пустынного в этот день.

Мой новый знакомый оказался очень любезным и почтительным юношей. Насчет «нахала» я сразу же снял свои подозрения.

Молодой человек предупредительно осведомился о моем здоровье, уважительно упомянул о моих статьях и заметках по истории города, с сожалением отметил, что в последнее время не видит их в местных газетах. (Знал бы он, что причиной этому — его письмо и Золотая Баба!)

Сурен сообщил мне, что составляет фотоальбом выдающихся деятелей Урала, своих современников, и хотел бы включить в него и мой портрет. Довольно упорно отказывался я от этой чести, не считая себя вправе... Однако он настоял, утверждая, что альбом этот не выйдет за стены его комнаты и нужен ему исключительно как память о лестных встречах. То забираясь с аппаратом на стол, то совсем ложась на пол в поисках точки

съемки, Сурен терзал меня добрых десять минут, пытаясь сделать снимок пофотогеничнее. И только потом скромно задал свой главный вопрос.

Ласково поглаживая лежавший перед ним футляр с фотоаппаратом, он нерешительно, словно извиняясь за неуместное любопытство, сказал:

— Я, знаете ли, очень люблю наш край. Особенно его историю. Да, вы угадали: меня, в частности, интересуют легенды о Золотой Бабе. Не правда ли, как это поэтично? — И, видя, что я собираюсь возражать ему, быстро продолжал: — Мне довелось слышать, что где-то на севере еще должен быть жив старый шаман. Несколькими годами назад его видел молодой геолог Петров. Этот шаман, наверное, мог бы рассказать много любопытного. Да вот беда: запамятовал название селения, где он живет. Не помните ли вы, дорогой профессор? Молодой Петров, кажется, внук вашего старого друга...

Я профессором никогда не был и никогда никому не рекомендовался так и поэтому, вначале оторопев от изумления, немного рассердился:

— Это вы оставьте, милейший! Я, кажется, не давал повода... — Но сразу же остыл: молодой человек мог назвать меня профессором из уважения к моим сединам. — Петрова я действительно знал, знаю и внука его.

Хитрец! О письме он смолчал: конечно, чувствовал себя виноватым, потому что так долго не заходил за ответом. За это время он и сам успел многое узнать о Золотой Бабе и пришел только лишь уточнить некоторые неясные вопросы. Нет, что ни говори, а и лохматая молодежь может быть не такой уж глупой!

Название селения я, конечно, не забыл. Это в районе Шаманихи — священной горы манси. Знаю и о шамане. Памятка о нем стоит на моем письменном столе. Покойный Павел Никифорович, дружбой с которым я очень гордился, рассказывал мне о давнем таежном приключении, когда спас от гибели этого шамана, а в благодарность получил от него замечательный штуп горного хрусталя. Незадолго перед смертью Павел Никифорович подарил штуп мне...

Я пообещал сообщить юноше возможный «адрес» шамана. Сурен суетливо поблагодарил и... собрался уходить. А мой реферат?!

— Позвольте,— остановил я его.— А разве вам больше ничего не нужно? Я мог бы дать записи некоторых интересных легенд о Золотой Бабе. Многие из них вам, вероятно, неизвестны.

— Ах да, конечно...— как-то безразлично ответил он.

— Так вот, вы их можете получить,— торжественно заявил я и с улыбкой добавил: — Для антирелигиозной пропаганды пригодится.

— О, я буду очень благодарен,— заявил Сурен, пропустив намек мимо ушей.— Если позволите, я зайду завтра.

Извинившись за причиненное беспокойство (что ни говорите, а есть еще вежливые молодые люди в наше время!) и почтительно попрощавшись, он удалился.

Собирая бумаги, я обнаружил под столом, у которого мой визитер возился с выбором точки съемки, какую-то бумажку. На сложенном вдвое листке, вырванном из записной книжки, были записаны имена и даты:

Марго — вторник, 10 утра. Плотина. 180 гр.

Толстуха — четверг, 6 часов. «Савой». 50 гр.

Если не придет, зайти на квартиру.

Признаюсь, записочка покорила меня. «Крутить» — как говорит молодежь — сразу с двумя девушками, одну из которых называть так пренебрежительно — Толстуха! И — какие-то граммы! Неужели он ведет учет выпитого с ними вина? И почему именно «50 гр.»?

Впрочем, это его дело. Может быть, я чересчур стар и многого не понимаю.

* * *

В назначенное время, взяв с собой реферат, я пришел в библиотеку. В читальном зале было немного народу: лишь две заочницы с унылым видом листали подшивки «Уральского края» да какой-то солидный дядя в очках азартно выписывал страницу за страницей из «Горного журнала». Наркис Константинович Чупин и Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк спокойно глядели со стен из багетных рам на эту мирную картину. Привычная, давно знакомая рабочая обстановка.

Прошло десять минут, прошло полчаса, а тот, кого я ждал, не появлялся. Я уже стал жалеть о потерянном

вечере, когда вошел юноша. Нет, не Сурен. Совсем другой.

В темной рабочей куртке из чертовой кожи и в кирзовых сапогах, робковатый и нескладный, он являл собой полную противоположность тому, кого я ждал. Противоположное лицо с детскими ямочками на щеках могло бы, пожалуй, вызвать симпатию, если бы не глаза. Темные, колючие, они, казалось, хотели протвердить меня.

Подойдя, он остановился, словно раздумывая — поздороваться или нет. Но не поздоровался и сел, хотя я встал навстречу ему.

— Так что вам стало известно о Золотой Бабе? — спросил он без предисловий, пристально глядя на меня.

Как?! И этот о Золотой Бабе? Постойте... постойте... А может быть, именно он и писал ту — странную — записку? Конечно, он. Но почему говорит так строго и... не совсем вежливо? Смущенный прямым и колющим взглядом собеседника, я несколько неуверенно ответил:

— Да кое-что все-таки стало известно... Это, знаете ли, не так просто...

— Я думаю! — перебил он меня. — Итак, где тетрадь?

Нет, каков?! Он не просит, а требует... Вот это нахал! Как можно спокойнее я с достоинством заметил:

— Тетрадь, с вашего разрешения, у меня с собой. А вот с кем имею честь?...

Он с возмущением посмотрел на меня:

— Дайте сюда тетрадь, тогда будем разговаривать.

— Но позвольте...

— Дайте мне тетрадь, — упорно повторил он.

Я наконец взорвался:

— Послушайте, молодой человек! Мало того, что вы мистифицируете меня каким-то нахальным... да, да — нахальным... своим письмом, мало того, что я больше месяца трудился для вас, перерывая Гималаи книг, и что я уже сколько времени названиваю по вашему телефону, так вы еще забываете прибавить слово «пожалуйста» к вашей обаятельной просьбе дать вам тетрадь! А я пенсионер, и меня ждет своя работа!.. И я не обязан. Да-с!

Лицо юноши стало меняться. Отмякла жесткость взгляда, появилась нерешительность, сменившаяся затем самым простодушным удивлением.

— Какое письмо?.. Какой телефон?.. У меня нет телефона...

Он еще отпирается!

— А это? — я с возмущением сунул ему под нос злополучное письмо.

— Это не мое... Я не писал его!

Настала моя очередь удивиться:

— А чье же это письмо?

— Я... не знаю.

Мы оба растерянно помолчали.

— Так что же вам от меня угодно, милостивый государь?

— Мне нужна моя тетрадь. И... деньги, которые были в ней.

Я опешил.

— Знаете что... Давайте разберемся по порядку...

И мы начали разбираться. Начали в шесть часов в читальном зале библиотеки, а закончили в полночь у меня дома. Рассказ Миши (так зовут моего нового знакомого) заслуживает отдельного изложения, и я не премину это сделать дальше. Пока же скажу, что тетрадь, которую искал Миша, была в самодельном парусиновом переплете с тесемочками. А мой гость — фотограф — показался ему подозрительным.

С этим я позволил себе не согласиться: людям надо верить!

* * *

Много дней мы ждали возможного прихода фотографа Сурена. Но он, словно почуяв что-то, не появлялся. Зато мы всласть наговорились за это время с Мишей и очень подружились. Мне давно не хватало юного друга, так любящего свой край, так умеющего слушать (о, это большое искусство, свидетельствующее о бездне других хороших качеств!), которому я мог бы передать свои знания о крае, накопленные в моей голове и в моих архивах за пятьдесят с лишним лет краеведческих занятий.

Но вчера фотограф попался-таки мне. Он прохаживался по набережной около плотины с неизменным фотоаппаратом через плечо и беспокойно оглядывался по сторонам. Мое появление явно не обрадовало его. Он даже попытался укрыться за толстым тополем.

Но когда понял, что это бесполезно, то выдавил из себя подобие улыбки и поспешно — даже слишком поспешно — направился ко мне.

— А!.. Здравствуйте, глубокоуважаемый... Простите, что был столь неаккуратен. Болел. Этот идиотский вирусный грипп... Но я вам непременно занесу ваши карточки.

Он хотел улизнуть, но я взял его за пуговицу:

— Да, да, пожалуйста. Я очень прошу вас. Хотя бы завтра, часов в семь. Конечно, в библиотеке.

— М-м... Завтра я, вероятно, не смогу...

— Нет, я очень прошу вас: зайдите завтра. Тем более, мне надо передать забытую вами бумажку.

— Какую бумажку? — с улыбкой спросил он, хотя глаза были злыми.

— Довольно странную: «Толстуха — четверг...»

Фотограф смутился.

— Да... я, кажется, забыл... Дайте же эту бумажку, пожалуйста!

— К сожалению, не могу. Она дома. Если хотите, могу завтра принести ее. И адрес шамана Золотой Бабы, как обещал в прошлый раз.

— Хорошо, завтра так завтра. А сейчас, простите, спешу.

Я освободил наконец его пуговицу, и он почти побежал от меня, придерживая рукой трепыхающийся фотоаппарат.

Я свернул в переулок. Но что-то заставило меня через минуту осторожно выглянуть из-за угла. Мой фотограф словно никуда не убегал. Он стоял у парапета набережной и разговаривал с толстой накрашенной дамой. «Не «Толстуха» ли это? Ну и вкус», — подумал я...

Сегодня на целый час ранее назначенного я пришел в библиотеку и уселся на свое постоянное место, чтобы в ожидании фотографа пополнить эти записи.

Кстати, мой реферат неожиданно пополнился интересной находкой.

Николай Веселовский в работе «Мнимые каменные бабы» приводит много весьма ценных соображений, полемизируя с Уваровым, Домбровским, Ганушем, Нарушевичем, Костомаровым. Конечно, Золотая Баба — не из семейства каменных баб, с этим нельзя не согласиться...

Миша в соседней комнате, где-то под потолком, роется в «Записках УОЛЕ». Сердитый. Он уверен, что фотограф — жулик. Ах, Миша, Миша! Ты милый парень, но ты, конечно, ошибаешься. Людям надо вер...

(На этом записи обрываются. На странице темнеет какое-то ржавое пятно.)

Тетрадь
вторая

ВОСПОМИНАНИЯ
СТАРШЕГО ТОПОРАБОЧЕГО
МИШИ ЛЕБЕДЕВА

Я должен подробно описать эту историю, чтобы не забыть ничего, так как, мне кажется, она еще не окончена и за нею может крыться что-то значительное.

Она началась в тот день, когда в нашем стройуправлении выдавали зарплату.

Старший геодезист Иван Петрович, с которым мы в тот день разбивали трассу водопровода на дальнем участке, решил закончить работу пораньше.

— Ты того... Управься уже сам... Мне к начальству успеть надо, — сказал он, поглядывая на часы.

Я знал, куда нужно было успеть Ивану Петровичу. Его Марья Ивановна — весьма решительная женщина. Она обычно подстерегала нашего геодезиста у кассы и, нагрузив сумками и авоськами, под собственным конвоем отправляла домой, тогда как Ивану Петровичу это было «решительно ни к чему», — ибо так любимого им пива дома не полагалось даже в получку.

И все-таки Иван Петрович славный мужик. Это он зазвал меня к себе топорабочим, когда я пришел наниматься на стройку обязательно бетонщиком. Он убедил меня, что в бетонщики нужны люди посильнее и постарше, что бетонщиков на стройке и так достаточно и что если в современных романах и повестях молодой человек на стройке всегда только бетонщик или монтажник, то это не значит, что народному хозяйству не нужны рабочие других специальностей. А толкового рабочего, годного в помощники геодезисту, найти бывает куда труднее, тем более что бетонщик — специальность отмирающая: везде в дело идет сборный железобетон.

В прочитанной за мои семнадцать лет литературе героев-геодезистов не встречалось, но я со вздохом вынужден был согласиться идти в топорабочие, потому что вакансий бетонщиков не оказалось.

Вскоре я поблагодарил Ивана Петровича за хороший совет. Во-первых, в литературе и в истории, оказывается, известно немало выдающихся геодезистов: только мы о них, к сожалению, мало знаем. И, право, если я в будущем стану хорошим геодезистом, многие из моих желаний могут осуществиться: осваивать новые районы страны и при этом быть первым, тем, кто пролагает путь остальным,— разве этого мало?

Во-вторых, сама работа оказалась не столь уж легкой, как думалось мне вначале: требовала много внимания, сообразительности и знаний. А освоить нивелир, установить его по уровню за полторы-две минуты, как это почти шутя делает Иван Петрович,— это тоже чего-нибудь да стоит. Тем более, что в полевых условиях, в тайге, когда иной раз дорогá каждая минута светового времени, такой момент может оказаться залогом успеха изыскательской партии,— так сказал Иван Петрович. В-третьих, геологический институт, как сказал Иван Петрович, можно окончить заочно, если все время работать при этом деле.

Когда Иван Петрович ушел, я уложил теодолит и нивелир в ящик, протёр и свернул мерную ленту, отнес инструмент в прорабку и только тогда не спеша пошел в управление — все равно очередь у кассы должна была рассосаться через час, не меньше.

И очень хорошо, что шел не спеша и не кратчайшим путем к трамваю, а поквартальными зигзагами, как любил в детстве. Иначе я бы не встретил Павлинову, и тогда...

А детство мое прошло именно здесь — на старой городской окраине. Радостно было смотреть на серые коробки новых четырехэтажных домов, поднимающихся из-за почерневших от времени и заводского дыма хиборок с обязательными ставенками на окнах — то синими, то зелеными, то коричневыми. Тут, в этих домах, и моя доля труда. Вон для того — углового — мы с Иваном Петровичем разбивали оси. К тому — желтому, что выходит в переулок, — «тянули» теплотрассу. А у детского садика задавали отметки под планировку. Значит, есть тут доля труда и старшего топорбочего Михаила Лебедева! Правда, младших рабочих в штате нет: дополнительных помощников Иван Петрович берет по потребности у прорабов на час-два из числа свободных подсоб-

ников. Но это уже детали, о которых можно не упоминать.

Не утерпев, я прошел и по знакомой улице. Пройти бы по ней, как прежде, вприпрыжку, гоня перед собой консервную жестянку! Но разве можно: старший топорбочий — и вдруг такое... Нет, надо пройти солидненько, степенно, чуть раскачиваясь с боку на бок, усталой, но твердой походкой — как-никак, рабочий класс!

Вот и дом, где прожили столько лет и откуда уехали в тот страшный год, когда погиб Тима. Не могли тут жить после этого... Пусть меньшая и худшая квартира, но — не здесь. Эх, Тима, Тима...

Вот и знакомый подъезд с обшарпанной, исписанной ребячьими мелками дверью. Может, сохранились и мои упражнения? Пружина у дверей всегда была тугой, чтоб не открывались зимой и не студили подъезд. Маленькому не справиться, всегда приходилось просить взрослых.

Да и сейчас какая-то старушка силится одолеть ее. А руки заняты бидоном и раздутой авоськой. Я поспешил помочь и увидел, что это Павлиновна — та самая, с которой мы поменялись квартирами.

— Спасибо, сынок, — не удивилась она, увидев меня. — Хоть бы на лето пружину эту ослабили, силушки нет... Живешь-то как?

— Ничего, живем. Работаю вот... Старшим... — не утерпел я похвастаться.

— Это ладно, — согласилась Павлиновна. — Работать всем надо. — И, оглядев меня внимательно, но думая о чем-то своем, спросила: — Мать-то как? Плачет, поди, все? Ты не давай ей думать, дума — она, как ржа, всю душу съесть может.

Я хотел попрощаться, но Павлиновна остановила меня.

— А ты бы зашел. Сестра Фаина книги какие-то принесла. Его, говорит. Думала, что по-прежнему живете здесь. Я уж не понесла вам: не к спеху, а только лишние слезы матери. В избушке лесной, слышь-ко, книги-то нашли. Геологи. А на книгах-то адрес его.

«Его» — это, конечно, Тимы.

Павлиновна принесла мне две книги: Обручевский «Спутник краеведа и путешественника», томик стихов Симонова и Тимину походную тетрадь-портфель. Он

сам делал для нее корочки, оклеил парусиной и приделал тесемочки — завязки из ботиночных шнурков.

Я помню их — книги и тетради лежали в кухне на табуретке у рюкзака. Вначале их было больше, но потом Тима отобрал только эти, а остальные вручил мне и сказал, ласково толкнув в спину: «Волоки обратно в шкаф. Рюкзак, к сожалению, не резиновый».

Поблагодарив Павлиновну, я побежал к трамваю. Пока ехал до управления, сумел бегло заглянуть в одну из тетрадей (их оказалось две в одной папке).

Тетрадь содержала записи о Золотой Бабе. Их было очень много — хватило бы на целую книгу. Так вот над чем сидел ночами мой брат, проглатывая книгу за книгой, делая выпiski и подолгу задумываясь. Даже когда готовился к экзаменам. Значит, Тима это почему-то считал важным. Не за этим ли он шел в тот поход?

Во вторую тетрадь — она принадлежала Фаине, подруге Тимы, — мне заглянуть не удалось: пора было выходить из трамвая.

* * *

Очередь у кассы была еще изрядной: подъехали бригады с дальних участков. Но мне удалось пробраться вперед — там стоял Эдька, однокашник по школе, сосед по дому, а ныне монтажник-подсобник. Он подмигнул мне, улыбнувшись во всю «шанежку» — как он любит называть собственную, действительно круглую физиономию, — и крикнул:

— Чего бродишь! Скоро очередь подойдет — не пустят.

Я понял: надо встать как ни в чем не бывало впереди его.

Зажав в кулаке хрустящие бумажки вместе с холодной ладонь мелочью, мы выскочили из тесной клетушки, где помещается касса, и плюхнулись на скамью в коридоре, потеснив какого-то невзрачного старца, в одиночестве сидевшего на ней.

— Сколько у тебя? — осведомился Эдька, раскладывая на коленях деньги на две кучки. — У меня пять. Для расчета неплохо. Две бумажки — предкам, остальные — потомку. — И он соответственно разложил деньги в разные карманы своей лыжной куртки.

— У меня поменьше,— сказал я, укладывая свою получку в Тимину тетрадь.

— Все домой? — кивнул Эдька на мой «бумажник».

— Маме. Когда надо, могу взять.

— Ну, у моих обратно не возьмешь,— вздохнул Эдька.— На киношку даже не подкинут. Приходится комбинировать. Так ведь, дед? — обратился он к соседу.

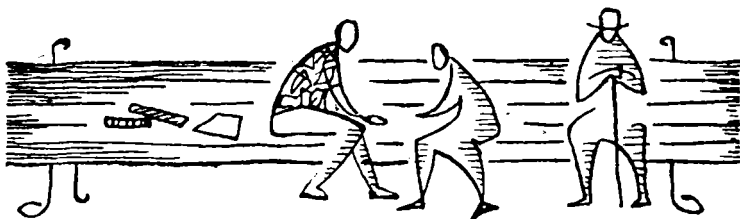
Старик недружелюбно посмотрел на него и, пожевав губами, раздельно ответил:

— Нет, не так! И я вам, молодой человек, не дед к тому же. А если бы и был дедом, то, наверное, высек бы. Такой зеленой молодежи незачем иметь много денег и говорить таким корявым языком.

— Ишь ты! — удивленно сказал Эдька и с любопытством оглядел старика.

Но тот уже отвернулся от нас, блеснув очками в старомодной железной оправе.

Однако Эдька не закончил бы разговор, если бы не подошел наш главный инженер. Поглаживая по всегдашней привычке свою досиня бритую голову, он озадаченно посмотрел на нас, словно вспоминая что-то.

— Ну что, хлопцы, премию получили? — вспомнил он наконец.

— Какую? — почти в голос спросили мы.

— Как какую? За досрочную сдачу сорокаквартирного. Что за безобразие: работать умеют, а премии получать не научились! — шутливо набросился он на нас.— А ну, марш!

Мы переглянулись и, не заставив просить себя второй раз, бросились в кассу.

Кассирша немного поворчала, пока искала премиальную ведомость, по которой уже почти все получили деньги, но, выдавая премию, улыбнулась:

— Детишкам на молочишко?

— И на пивышко, Марина Ипполитовна! — провозгласил Эдька, укладывая деньги в «девый» карман.

Денег причиталось немало, почти столько же, сколько зарплаты. Но... мне их некуда было положить.

— Ты что, обомлел от радости? — спросил Эдька, видя, что я растерянно держу деньги в руках.

— Тетрадь... у тебя? — смог только пробормотать я.

— Вот лапоты! Она же на скамейке осталась.

Выбежали в коридор. «Спутник краоведа» и Симонов по-прежнему лежали на скамейке. А тетради не было. Исчез и старик.

— Это, конечно, он! — решил Эдька. — Больше никому. Я же говорил — вредный. Бежим догонять — наверное, к трамваю топает.

Но старика не оказалось ни по дороге к трамваю, ни на остановке. Наверное, успел уехать.

Тетрадь исчезла. И получка. И тайна Золотой Бабы. Возможно даже, что и какие-то еще неизвестные нам обстоятельства гибели Тимофея.

* * *

Они вышли в зачетный туристский поход высшей категории трудности. Поход долго не утверждали, так как почему-то считалось, что Урал для таких маршрутов не подходит; для этой цели всегда выбирали Памир, Забайкалье или, на худой конец, Алтай. Ребята же доказывали, что наш Северный Урал вполне отвечает всем условиям и, кроме того, такие походы помогут лучшему освоению нашего края.

Группа составила очень надежная: пять студентов последнего курса института, опытные и дисциплинированные туристы. Тщательно отработан и изучен был маршрут.

Ничто не предвещало несчастья. Аккуратно, по графику поступали вести с контрольных пунктов. Ребята шли даже с опережением графика. Успешно была пройдена самая сложная часть пути — стокилометровая «ненаселенка». Маршрут близился к завершению. Но в назначенный день с последнего контрольного пункта сообщения почему-то не поступило. Не было телеграммы и на следующий день... И еще на следующий. Три дня спустя начались поиски.

...Не забыть этот вьюжный февральский вечер, такой черный, что в трех метрах от фонаря уже ничего не было видно. Не закрыв за собой двери, вбежала Вера Андреевна — мать Фаи, спутницы Тимы по походу, — и с воплем бросилась к ногам мамы, сидевшей на диване. Как сейчас, помню остановившиеся, расширенные мамыны глаза — незнакомые, дикие, такие страшные, что хотелось кричать.

...Их нашли в стороне от маршрута, по дороге к вершине, восхождение на которую не входило в план похода. Зачем они там оказались, никто не знал. Вещи были сложены отдельно, в лесной избушке на маршрутной тропе. А сами ребята — всегда такие дружные, по праву заслужившие звание «могучей кучки», — лежали разрозненно, далеко друг от друга: Тимофей — у подножия горы, трое ребят — километрах в трех от нее, в стороне от прямого пути к вершине, Фая — километрами двумя ближе их.

Ходили слухи, что их убили или хотели убить манси, не желавшие допустить чужих на вершину, считавшуюся у них священной. Но Тима всегда говорил о манси с уважением и симпатией. Говорил, что они добродушные, приветливые люди, что без нужды и мухи не обидят.

Без нужды... А может, в этот раз была нужда? Ведь говорят же, что гора считалась священной...

Что значила для мамы гибель Тимы, об этом я рассказать не сумею. Скажу только, что Тима был ее надеждой после гибели нашего отца, ушедшего на фронт в последний год войны. Его никак не снимали с брони и отвечали отказом на каждое его заявление, утверждая, что он незаменим на своем участке. Лишь когда отец сумел тайно подготовить себе преемника и убедил начальство, что он незаменим, его отпустили. В это же время появился и я.. хотя еще и не на белый свет.

С трепетом ждала мама с маленьким Тимкой прихода почты. Письма шли нечасто, но аккуратно. Отец писал, что война, судя по всему, идет к концу, близка победа, просил не волноваться за него и как-нибудь проскрипеть до его возвращения. А маме — с нами двумя — жилось нелегко. Так нелегко, что она не любит даже вспоминать об этом времени. Ее заработка трестовской машинист-

ки едва хватало на то, чтобы отоварить карточки и уплатить за квартиру. Тима уже ходил в школу, а одеть его было совсем не во что. И пальто и шубой ему служила перешитая отцовская телогрейка. В доме была одна простыня и две наволочки, но и те перешили на пеленки, когда родился я. Одеялом мне служила старая скатерть. Но, я знаю, мама никогда не жаловалась, не отчаивалась. Она ждала и надеялась.

Пришел День Победы, и мама спокойно вздохнула: опасность для отца миновала и теперь можно было ждать его домой. Вот почему месяц спустя подsunутое почтальоном под дверь письмо встретили как радость, как возможное сообщение о скором приезде отца.

Но в письме было другое. То, что называли похоронной. Отец погиб при разминировании жилых домов под Берлином.

Он так и не увидел меня: я родился после его отъезда.

Так мы остались втроем — мама, Тима и я.

Тима очень походил на отца, и мама могла часами смотреть на него спящего, воскрешая в памяти дорогие ей черты.

Тима был и надеждой. Мама изнемогала, работать ей становилось уже не под силу. Он должен был стать кормильцем. Не раз порывался он бросить учебу и пойти работать, но мама настояла, чтоб он окончил институт.

И вот накануне выпуска... Нет, мне и сейчас трудно говорить об этом...

* * *

Понятно поэтому, каким волнующим событием была для меня находка Тиминой тетради и каким горем — потеря ее.

Я решил найти похитителя.

Эдька настаивал, что это — старик. Пожалуй, и вправду больше некому. Как истый почитатель «Библиотеки военных приключений», Эдька разработал обстоятельный план поисков преступника. Он поджидал меня после работы и ошарашивал новыми деталями своего фантастического плана.

То он предлагал отнести Обручева и Симонова в лабораторию и снять там отпечатки пальцев, непременно

оставшиеся на книгах (как будто старик перед похищением тетради обязательно трогал книги). То осматривал с лупой скамью в надежде найти ниточку одежды или пепел с папиросы (хотя старик, по-моему, не курил). То что-нибудь еще.

Я же предложил обойти все комнаты управления и узнать, к кому приходил старик и кто он такой. Однако хотя мы и побывали у всех, за исключением разве только начальника и главного инженера, никто ничего о старике не знал.

Мы стали дежурить, поджидая его возможного прихода, но он не появился даже в день получки. Не помогли и десятки других, вычитанных у Шерлока Холмса, Шпанова и прочих классиков детектива, способов и методов розыска преступников.

Я потерял надежду найти тетрадь. Скис и Эдька. И вот однажды, когда я ехал в трамвае по плотине и безразличным взглядом скользил по веренице идущих по тротуару людей, мне показалось, что я увидел его — старика.

Вскочив, я бросился к выходу. Выпрыгнуть на ходу не удалось: помешали автоматические двери. А на площади, как назло, нас задержал светофор. Хоть плачь!

Наконец, наш вагон подошел к остановке, и я, сбивая прохожих, помчался к плотине. Где там! Даже черепаха за это время могла бы далеко уползти с того места, где я увидел старика.

Чуть не плача от досады, я побродил еще десяток минут по плотине, а затем, злой и унылый, сел на скамью у памятника Бажову. Павел Петрович, мудрый и сосредоточенный, со спрятанной в бороду ласковой улыбкой, смотрел на пеструю толпу земляков. И он когда-то не спеша хаживал по плотине, в привычной темной блузе, в простенькой рабочей кепке, приветливо раскланиваясь с многочисленными знакомыми. Развевалась по ветру седая, такая знакомая по портретам борода. Он шел в горсовет, а может быть, в архив или в научную библиотеку...

В библиотеку? А не мог ли и мой старик идти в библиотеку — ведь она тут недалеко? Я побежал туда. Еще подымаясь на крыльцо, увидел в окно читального зала — он тут.

Он был тут и сидел как ни в чем не бывало, хотя увидел меня, как только я открыл дверь. Более того, он любезно поднялся навстречу мне, словно ждал меня и был уверен, что я пришел именно к нему.

Подойдя к столу, за которым сидел старик, я увидел, что на лежащей перед ним конторской книге крупно написано: «Реферат о Золотой Бабе». Значит, действительно он взял мою тетрадь!

Зло вновь поднялось во мне. Не здороваясь, я сел и есьма недружелюбно начал свой «допрос».

Как же я был посрамлен!

...Мы долго бродили в тот вечер и поведали друг другу все, что знали об этой истории. Да и не только об этой.

Почти час мы просидели на набережной, под густыми тополями у старинного особняка с колоннами. Глядя на полыхающие отблесками заката окна домов по ту сторону пруда, на нелепую в этом красивейшем месте города трубу какого-то заводика, на колокольню бывшей церкви, я слушал рассказ Стефана Аристарховича — так звали моего собеседника, — старого уральского краеведа, о таинственном письме, полученном им несколько месяцев назад, о его поисках материалов о Золотой Бабе, о фотографе, интересующемся ею...

Еще час мы шли по гранитным тротуарам изгибающейся дугой набережной, останавливаясь в наиболее важных местах моего рассказа о пропаже тетради, о Тиме, о себе...

И я уж не знаю, сколько мы просидели в заставленной от полу до потолка книгами уютной комнате Стефана Аристарховича, то вспоминая еще и еще новые детали дела, то обсуждая план нашей «операции».

Могу сказать также, что именно в этот вечер я стал краеведом. То есть у меня появилось желание стать им. Свой край, свой город я, конечно, любил и раньше, но как-то очень поверхностно интересовался им.

— Чтобы крепко любить, надо знать! — говорил Стефан Аристархович, удивляя меня все новыми и новыми сведениями о городе, который, казалось мне, я хорошо знал, а на самом деле знал очень плохо.

Мог ли я думать, например, что на территории города некогда протекала не одна река, а еще много мелких,

впадающих в нее речушек и что они есть даже и сейчас — одни взятые в железобетонные трубы, другие — пробивающие себе путь где-то под землей; что, не зная этого, проектировщики и строители нередко попадают в неприятные положения. Именно в связи с этим приходил тогда старый краевед в стройуправление — проконсультировать проект застройки одного городского квартала. Стефан Аристархович заходил к главному инженеру, а мы с Эдькой — только в его кабинет и не заглядывали в поисках похитителя.

Я узнал, что мы, горожане, ходим по золоту: район города золотоносен. Еще лет тридцать назад на берегах городского пруда можно было видеть старателей с вальгердами. Узнал, что в городе есть минеральные источники. Один из них действовал лет восемьдесят назад на территории старой фабрики.

А какой интересной оказалась история площадей города! А правда о подземных ходах под знаменитым дворцом уральского золотопромышленника?!

Слушая, я ругал себя за то, что был до этого таким нелюбопытным, и давал себе слово обязательно стать краеведом.

Рассказал Стефан Аристархович и о Золотой Бабе, о том, что ему удалось узнать о ней.

Да, эта загадка далекого прошлого так еще и не решена. А за ней может крыться много интересного. Не исключена возможность, что Тима занимался ею не только из любопытства и что тот поход имел отношение к Золотой Бабе.

Но зачем Золотая Баба «фотографу»? Что-то не похоже, чтобы она интересовала его с научной точки зрения... Откуда он знает о ней? И уж не у него ли тетрадь Тимы? Почему он, задав вопрос о Золотой Бабе, затем перестал ею интересоваться и даже избегает встречи с Закожурниковым? Он или не он писал ту записку?

Эти вопросы мы со Стефаном Аристарховичем задавали друг другу и искали ответа на них.

Старенький домик на набережной стал моим вторым домом — здесь я проводил почти все свои свободные вечера.

Но «фотограф» не появлялся, и нам оставалось только строить предположения. Разгадка от этого не приближалась.

Как ни велик мир, а встретиться в нем двум людям — пусть даже один из них не желает этой встречи — все же, оказывается, возможно.

Хотя, судя по всему, встреча совсем не входила в планы Сурена, Стефан Аристархович не только сумел задержать его и поговорить с ним, но и назначил новую встречу — в библиотеке.

Мы пришли задолго до назначенного часа. Стефан Аристархович уселся за свой любимый столик и занялся какими-то записями; а я, забравшись в книгохранилище, удобно устроился на переносной лесенке и просматривал «Записки УОЛЕ» — эту краеведческую энциклопедию Урала.

Прошло уже немало времени, а «фотограф» все не появлялся. Наверное, обманул, хотя приманка, которой располагал Стефан Аристархович, должна была бы привлечь его.

Время шло, и я так увлекся листанием «Записок», что прозевал момент, когда «фотограф» появился. А в читальном зале разговор, судя по донесшимся до меня отрывкам, вошел уже в решающую фазу.

— Записку и адрес я не отдам, пока вы не отдадите тетрадь... хотя бы без денег, — это голос Стефана Аристарховича.

— Видите ли... Как я вам уже говорил, тетради у меня нет. Но завтра я принесу ее, только дайте сегодня записку и адрес! — это бубнил голос «фотографа».

— Никаких условий — отрезал Стефан Аристархович. — Записка и тетрадь переходят из рук в руки.

Наступило молчание. Осторожно, стараясь не скрипнуть ступенькой, я стал слезать с лесенки, чтобы прийти на помощь Стефану Аристарховичу. Но, как на грех, зацепился за что-то хлястиком куртки.

— Покажите записку, что она действительно у вас, — возобновил разговор «фотограф».

— Пожалуйста.

Проклятый хлястик все не отцеплялся.

— Позвольте! Куда... — раздался вдруг вопль Стефана Аристарховича.

Я дернулся и с грохотом полетел вместе с лестницей на пол. Из глубины хранилища к месту падения спешила библиотекарьша.

Когда мы вбежали в читальный зал, «фотографа» уже не было. Стефан Аристархович в неудобной позе склонился на стол. Голова его лежала на раскрытой тетради. Седая прядь волос на затылке стала красно-бурой, по шее стекала струйка крови.

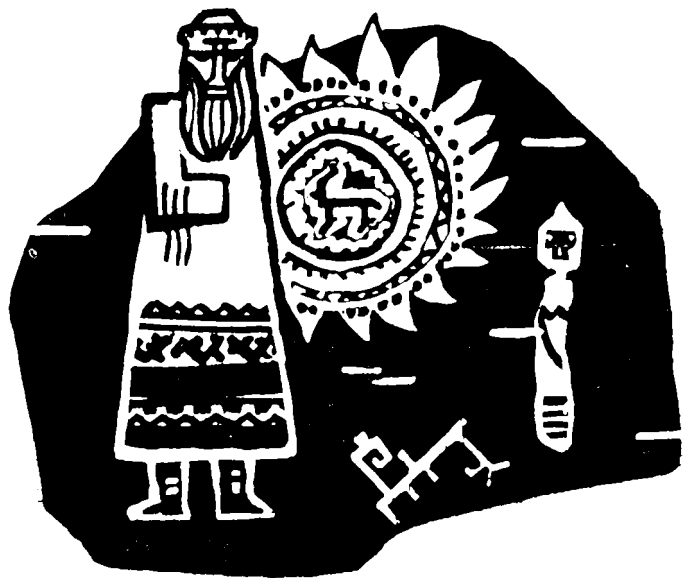
Я бросился на улицу. В несколько прыжков преодолел дворик и, вылетев в переулок, увидел, что «фотограф» быстро — очень быстро, но все-таки шагом, а не бегом, — беспокойно оглядываясь, идет в сторону улицы. Он был уже далеко. Я побежал за ним (какой дурак!). Заметив погоню, «фотограф» побежал тоже. Пожалуй, бегать он мог! Но необходимость оглядываться чуть не привела его к катастрофе — запнувшись, он упал.

Из отлетевшей в сторону папки вывалился ворох бумаг и фотографий. Стоя на четвереньках, преступник наскоро запихал их в папку и припустил дальше.

Мне оставалось догонять его еще метров сто, но он, успев выбежать на магистральную улицу и чуть не попав под встречную машину — такси с зеленым огоньком, — остановил ее, хлопнул дверцей и был таков.

Я побежал в библиотеку. И тут увидел лежавшие за гранитной тумбой какие-то тетради. Собирая в спешке рассыпанные бумаги, «фотограф» не заметил потери. Это были тетрадь Фаи и записки Сурена.

Когда я вернулся, в библиотеке ждали «скорую помощь»: Стефан Аристархович был без сознания.

Тетрадь
третья

**РАЗОБЛАЧЕНИЯ
НУТИКА ЛАБКОВСКОГО**

Если бы кто-нибудь еще неделю назад сказал мне, что я буду писать какие-то «Записки», я бы ответил ему: «Вы мне делаете смешно!»

Как говорится, увы и ах, это не моя сфера. Я надеюсь, что те, кто будет читать мою тетрадь, примут во внимание данное обстоятельство. Как и то, что я, увы, не ангел. Сознаю, что я бяка. Более того, я лицо, действия которого довольно часто приходили в противоречие с основами уголовного законодательства. Но имею же я право попытаться утопить того, кто топит меня!

Цель создания сего первого и, надеюсь, единственного творения за всю мою почти полупримечательную жизнь состоит не в исповеди (это мне всегда было противопоказано). А в том, что если завтра-послезавтра на территории города или его окрестностей будет найден мой холодный красивый труп, то виновник (прямой или косвенный) этого негуманного деяния, наверняка уверенный в том, что он останется неизвестным, получил бы коварный удар в спину. От покойника. Этой рукописью, которая, надеюсь, попадет компетентным органам. Так сказать, последний привет с того света. Если «Боливар не вынесет двоих», как говаривал Акула-Додсон в рассказе О'Генри, то пусть он не вынесет ни одного.

А обстоятельства складываются так, что возможность отправиться на тот свет становится все более вероятной. И если такое случится,— пусть эти записки помогут разыскать руку, организовавшую покушение на мою юную жизнь. Благо, что за этой рукой числится немало других, не менее интересных для следственных органов дел.

Я — что! Я лишь шестерка в колоде этой акулы. Мои грехи нетрудно замолить трех-пятилетним пребыванием в местах не

столь отдаленных. Ни одна из моих операций не составит интересного сюжета для детективного романа, если даже перевернуть всю мою биографию.

Марочки, содранные тринадцатилетним пацаном со старых бабушкиных писем и принесшие первую лепту в фарфорового слона со щелкой в голове? Разные мелкие перепродажи, в том числе и рыночная афера с листьями Аполлона, в просторечии именуемыми лавровым листом? Снабжение (конечно, не бесплатное) золотыми рыбками жен композиторов и актеров, которых (я имею в виду рыбок) так и не догадываются продавать дяди из горторга? Это же все семечки по сравнению с деятельностью моего Шефа! Деятельностью, в которую он, хотя бы и боком, втянул меня.

...Он встретил меня у входа в городской сад, откуда я был не совсем вежливо выставлен какими-то юнцами с красными повязками на руках. Из кабины песочной «Победы» он брезгливо наблюдал за моей перепалкой с дружинниками, а когда увидел, что дело подходит к финалу, и мне предстоит прогулка за угол — в отделение милиции, то предложил свои услуги по доставке меня в это самое отделение. Я забрыкался, но он довольно обстоятельно продемонстрировал знакомство с джиу-джитсу и впихнул меня в «Победу».

Однако у отделения мы не остановились, а когда проехали его, он отпустил мою закрученную назад руку, провел по лбу надушенным платочком и, буркнув что-то шоферу, обратился ко мне:

— Я не альтруист, но считаю, что идиоты тоже достойны сочувствия. Вы, милочка, очень любите визиты в милицию? Вас там развлекают, поят коньяком и танцуют перед вами рок-н-ролл?

Я что-то промямлил в ответ, не понимая, в чем дело.

— А вам не кажется, синьор, что избавление от лап этих неловких молодцов не мешало бы sprysнуть? — спросил он, не слушая меня. — Ваш друг (я надеюсь, вы уже убедились, что я вам друг?) едет на аэродром. Там есть скромная харчевня, где можно достать бутерброд с килькой. Ну и... скажем, бутылочку хорошего коньяка. Если пан не возражает, он может сопроводовать меня.

Пан, то есть я, не возражал. Дорога до аэродрома прошла во взаимном прощупывании — кто из нас чего стоит. Как будто обе стороны остались довольны зна-

комством. Оно достойно завершилось в ресторане авиа- вокзала.

На свету я рассмотрел его. Он был того неопределенного возраста, о котором можно только догадываться. Вид его... На месте следователя я бы не затруднился, составляя список его особых примет. Высокий и худощавый, коротко подстриженные седеющие усики. Заметна лысинка. Если бы не легкий восточный акцент, его легко можно было бы принять за русского. Широкое золотое кольцо на руке. Темные глаза. Тонкий нос с небольшой горбинкой. Одет в светлый костюм с несколько легкомысленным галстуком. Что еще? Разве только то, что одна бровь казалась выше другой, а в минуты, когда нужно было изобразить удивление, взлетала почти совсем вверх, словно отрываясь от своего привычного места.

Он не ошибся, предположив во мне делового парня. Ему нужен был свой человек в нашем городе. Он будет раз в месяц прилетать из Москвы и забирать улов, который его агентура по мере возможности доставит мне.

— Я бы только предостерег вас, сэр, от сделок на сторону. Это карается... — напутствовал он меня, прочищая спичкой в ухе. — Я могу вас, мосье, поставить в угол. Или устроить чик-чик. Я уже не говорю о том, что вы останетесь без сладкого. В случае измены нашему общему делу я не гарантирую ваше душевное спокойствие. И даже целостность вашей драгоценной жизни, милорд.

Мне не улыбалось ни чик-чик, ни лишение сладкого, ни тем более угроза моей жизни. Мы покончили как джентльмены, и я выехал из ресторана уже не кем иным, как полномочным представителем Шефа по Уралу и Сибири. Это звучит! Стало звучать и у меня в кармане — аванс был весом.

Дело, предложенное им, было, конечно, опаснее операций с пластинками Лещенко или с перепродажей аквариумных мальков. Однако оно сулило шикарные прибыли. И, главное, верные.

Раз в месяц Шеф прилетал из Москвы. Мы проводили час-полтора за столиком ресторана, смакуя под коньячок нежно-розовую семгу и замысловатые салаты; а затем, перед выходом на посадку (у него всегда был заготовлен обратный билет на ближайший самолет), он получал хорошо упакованную тяжелую коробочку и от-

считывал определенное количество бумажек очень приятного достоинства.

Иногда этот распорядок несколько нарушался. Иной раз перед тем, как зайти в ресторан, он приглашал меня в уборную и, убедившись, что в ней никого нет, хорошо тренированным ударом «обновлял мне икону». Первый раз он этим убедил меня не преувеличивать сведения о весе передаваемой коробочки. Как-то после — рекомендовал не подсыпать в благородный металл медных опилок. Особо значительная трепка мне была за то, что я прозевал и чуть не завалил приезжего поставщика.

— Потеря клиентуры, кабальеро, — это больше, чем потеря хлеба насущного. Это ваш конец, моя ласточка, — приговаривал он, упражняясь на мне.

В ресторан мы в тот день не пошли. Шеф перестарался. Остался я и без сладкого — проценты за этот месяц остались в его кармане.

Но это было ничего, как говорится, терпеть можно. Если бы не последовавшие вскоре события...

* * *

Как это было?... Ах да, примерно так...

В последнее время домоуправ что-то слишком часто стал вести со мной душеспасительные беседы о пользе труда, приводя вычитанные из газет примеры, как детки, которые этого не понимают, получают по заслугам, сиречь высылаются из города.

Я не очень хотел на работу, но и перспектива выселения тоже не улыбалась. Однако почему бы и не сделать одолжение — зачислиться где-то в штат, получить спасительный штамп в паспорт и... приходить на работу два раза в месяц, чтобы оставить свой автограф в платежной ведомости. Зарплату может получать какой-нибудь добрый дядя, который устроит это семейное счастье, — мне их гроши не нужны.

В поисках подобного варианта я и бродил как-то по стройуправлениям города; со строителями легче иметь дело: у них, по-моему, беспорядка больше, чем у других.

В одной из таких контор выдавали зарплату, и потому добраться до начальства было трудновато. Я остановился в глубине полутемного коридора, не без любопытства глядя на незнакомую для меня учрежденческую суету.

Кто-то взлохмаченный, с пуком бумаг в руках, бегал из кабинета в кабинет, ловил кого-то в коридоре, прижимал к стене и яростно доказывал что-то, тыча бумагами собеседнику в нос.

Три девушки в запачканных раствором комбинезонах пошли от кассы, бережно завертывая в платочек деньги. Какой-то сердитый старикан в потертом бумажном костюме сидел на скамье и о чем-то сосредоточенно думал, рассеянно оглядывая проходящих.

Два парня плюхнулись рядом с ним на скамью и восторженно потрясали разноцветными ассигнациями.

Один из них распихал деньги по карманам куртки. Другой сунул в тетрадь в самодельном парусиновом переплете и завязал ее тесемки. Подошел солидный лысый дядя, что-то сказал им — и ребята, обрадованные, бросились в кассу. Начальник подошел к старику, вежливо поздоровался с ним и, взяв его под руку, увел к себе в кабинет. Скамья осталась пустой. Впрочем, не совсем — на ней лежали две книги и тетрадь. Та самая, с деньгами. Я не сторонник приобретения чужой собственности средствами, преследуемыми Уголовным Кодексом; карманники и их коллеги всегда казались мне существами низшего порядка. Но здесь тугрики сами шли в руки. Они прямо-таки просились прибрать их.

Словом, тетрадь уютно устроилась у меня под распашонкой за поясом брюк, а идти к начальству после этого по вполне понятным причинам решительно расхотелось.

Мой обратный путь, конечно, отличался от того, коим пользовались все. Я предпочел менее торный и более запутанный. Задами, через щелку в заборе, выбрался на стройплощадку, а с нее — в переулок и зигзагообразным маршрутом доплелся аллюром два креста до скверика. Здесь можно было отдохнуть и поразмыслить над проблемами современности, одна из которых — сколько же монет должно сейчас перекочевать из тетради в мой карман? — волновала меня более остальных. В тетради оказалось пять бумажек самого приятного достоинства.

Сама тетрадь меня привлекала менее. Что может быть интересного в ней? Наверное, какие-нибудь учебные конспекты. Однако внутри была вложена еще одна тетрадь — нетолстая, в бумажной обложке, на которой сто-

яло имя владелицы: Фаина Крылова. Записи имели даты. Любопытно!

Я сунул дневник за пазуху, завернул деньги в какой-то листок из тетради и положил в задний карман брюк. Теперь следовало избавиться от лишних вещественных доказательств — этой нелепой тетради в корочках из холстины. В урну она лезть не захотела: горловина была узка, а корочки не сгибались. Я стал вырывать листок за листком и незаметно отправлять их в урну. Так удалось избавиться уже от доброй половины тетради, когда мне показалось, что за мной кто-то следит.

Обернувшись, я прирос к месту. Сзади, шагах в десяти, стоял Ярослав. Человек, которого я ненавидел больше всего на свете!

Бросив остатки тетради в газон, я смылся из скверика, стараясь не оглядываться.

* * *

Хоть это, кажется, совсем не к месту, но я не могу отказать себе в праве на небольшое лирическое отступление.

Ярослав! Это имя всегда вызывало во мне лютую ненависть. И оно стоит того.

Надо заметить, что я всю жизнь прожил без друзей, без товарищей. Никто из сверстников не привлекал меня: у нас были слишком разные интересы, слишком разные взгляды на жизнь.

Когда-то мы с Ярославом учились вместе. Еще в первых классах я потянулся к нему — меня привлекало его красивое лицо, его отглаженные костюмчики, которые он умудрялся выносить чистыми из любых ребячьих приключений, его умение вкусно и как-то красиво съесть свой завтрак, его удачливость и успехи во всем, за что он ни брался, его умение быть приветливым со всеми и ни с кем особенно не дружить. И встретил презрительное отчуждение, холодное, даже брезгливое пренебрежение. Он третировал меня невниманием, словно я был пустым местом.

Первая наша стычка произошла, когда мы учились в пятом классе. Он уличил меня в том, что я обманул какого-то первоклашку на марках. Увидев этого плачущего в углу коридора салажонка и узнав в чем дело, Ярослав громко — так, что все слышали, — предложил мне

возвратить мальчишке марки. Я повернулся, чтобы уйти, но Славка, взяв меня за шиворот, притиснул в угол и тихо, но четко прикрикнул:

— Отдай, скотина! И сейчас же, пока ты жив...

Ну, не стал бы он в самом деле убивать меня, а я все-таки покрылся липким потом, и что-то противно защемило в сердце.

Я бросил марки и под насмешливые взгляды столпившихся вокруг ребят пошел в класс. С этого дня за мной в школе утвердилось прилепленная мне, несомненно Ярославом, кличка — Нутик-меняла.

Почему Нутик? Меня и дома так звала только покойная бабушка. Я предпочитал, чтобы меня называли полным именем — Натан или, в крайнем случае, Нат. Нат Лабковский. Это звучит!

Из девятого класса меня вышибли в самом начале года. Тоже по его милости. Откуда он узнал, что я даю деньги в долг под залог ценных вещей и, конечно, под проценты — ведь в своей школе я старался избегать этих операций? К этому примешалось дело с лавровым листом, и мне пришлось оставить стезю учения. Я не очень горевал, но ненависть к моему врагу возросла вдвое.

Наконец, третья стычка произошла в парке культуры и отдыха, около пятачка, где шла танцулька.

Мне приглянулась одна из двух подружек, с явным интересом наблюдавших за танцами. Золотоволосая, тоненькая, она была очень просто одета и не менее просто причесана; однако живые карие глазки вкусно блестели, так аппетитен был ее вишневый, без следа помады, ротик, что я не удержался и пригласил ее на слоу-фокс. Ну, словом, подошел, взял за руку и сказал:

— Пройдемся, крошка!

Она недоуменно посмотрела на меня и, выдернув свою руку из моей, как ни в чем не бывало продолжала следить за танцами. Я повторил приглашение, взяв ее за подбородок. В этот момент и появился Ярослав. На глазах у обрадованных девиц и хихикающих пижонов он отхлестал меня по физиономии, вытер руки носовым платком и, бросив мне его в лицо, пропел:

— Уй-ди, скотина! Пока не поздно...

Конечно, я смылся, унося в сердце новую обиду и еще большую ненависть к моему давнему врагу.

Последняя знаменательная встреча — в сквере возле урны. Знаменательная потому, что, придя домой, я прочитал дневник Крыловой и сразу понял: наконец-то можно отомстить этому чистоплюю.

Дневник погибшей туристки с несомненностью свидетельствует о некрасивой роли моего врага в этой трагической истории.

А листок из тетради, в который я завернул деньги, оказался сюрпризом номер два.

На оборотной стороне листка — я вначале не заметил этого — были наспех записанные карандашом несколько строк. Вот они:

«Геолог в поезде рассказывал: где-то за Ивделем жив старик. Наследник трех поколений шаманов. Шаманил еще в двадцатых годах. В его капище должны скопиться дары богам лет за двести: золото, серебро, меха. Говорили, что там идол Золотой Бабы, а перед ней — горшок с золотом. В капище никого не пускал. По дороге туда установлены самострелы, капканы, волчьи ямы. У него нет рук — обморожены. У старика должен храниться план троп к горе, на которой есть пьезокварц. Где найти шамана — должен знать краевед Стефан Аристархович Закожурников. Он на пенсии, но в музее знают».

Этим стоило заняться. Пронести такой лакомый кусочек мимо рта, право же, неразумно. Как это поется? «Рюкзак за плечи — и в поход...» А уж как порекомендовать старику раскошелиться — придумаем. Зато овчинка, наверное, стоит выделки. Горшок с золотом! Золотую Бабу, если она действительно золотая, можно будет тоже прихватить вместе с горшком. Тогда никакие шефы мне больше не понадобятся.

Я решил улизнуть из тенет, где мне было не совсем уютно — ежеминутный страх выматывал нервы. При очередной встрече я сказал Шефу, что меня высылают из города как тунеядца.

Шефа передернуло.

— Поздравляю. Я считал вас, гидальго, начинающим обормотом, а теперь убедился, что вы законченный идиот.

— Данке шён, — поблагодарил я.

— Вы, конечно, покаяться, не забыв упомянуть и о нас, грешных? — прошипел Шеф.

Не скрою, меня порадовала его растерянность, его сразу покрывшееся красными пятнами лицо. Я не удержался от возможности еще поволновать его.

— Пока нет. Для воспитательного разговора в соответствующих инстанциях меня вызывают завтра.

Шеф напряженно о чем-то раздумывал. Затем, успокоившись, снова перешел на свой обычный говорок:

— Ну что ж! Как говорится, ни пуха ни пера! Желаю успехов. Рассчитываю, что мы еще встретимся. Не так ли, маэстро? Впрочем, мне тоже пора на покой. Сегодня прощаюсь с седым Уралом. Уеду на Кавказ выращивать розы. Ответственные работники золотого фронта тоже имеют право на отдых. А пока — адью.

И он ушел к самолету, помахав мне на прощание.

Но в сердце у меня защемило. Что-то уж очень быстро он смылся после моей неосторожной шутки. Задумал что-то недоброе? А что, если он решит убрать меня? Впрочем, он уже улетел, и какой смысл ему возвращаться? Ведь он и не подозревает, что мне удалось узнать его имя и фамилию, а также и московский адрес (подсмотрел однажды в гостинице аэропорта, когда трассу из-за погоды закрыли до утра и Шефу пришлось заночевать).

А пока я пошел искать Закожурникова.

Собственно говоря, искать его было нечего — он сидел в библиотеке, уткнув нос в какие-то пыльные фолианты. Оказалось, это тот самый старикан, который тогда в стройуправлении сидел на скамье возле тетрадей.

Наша милая беседа кончилась тем, что он обещал мне дать заветный адрес. Правда, чтоб размягчить сердце старца, пришлось разыграть маленькую комедию, поснимав его на незаряженный аппарат. А моей вежливости мог позавидовать сам маркиз де Помпадур, если такой существовал.

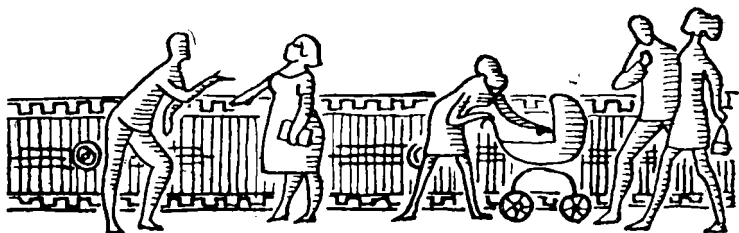
Но до того, как я получил от него адрес шамана, мы еще встретились. Он задержал меня в скверике на набережной, когда я, разыгрывая влюбленного, поджидал своего нового клиента. Я узнал недавно, что одна дама желает обратить в благородный металл свои сверхплановые доходы от махинаций с пивом. Узнал даже коли-

чество металла, потребное ей для первого раза. А в последние месяцы я наловчился-таки скрывать от Шефа истинную цифру поступлений крупки и кругленьких желтяков от его уральской агентуры и находил способы сбывать разницу налево. Пивная дама была бы одной из надежных клиенток.

Улизнуть от старика мне не удалось. Он цепко впилился в мою пуговицу и довел свои излияния до конца. И слава Аллаху! Иначе я бы не узнал, что тогда — при первой беседе — оставил в его руках листок с памяткой и адресами. Придется как-то выцарапывать его.

Расставшись со стариком, я направился к толстухе, нетерпеливо прохаживавшейся вдоль решетки набережной. Высокие договаривающиеся стороны встретили друг друга изучающими взглядами и, кажется, не очень понравились взаимно. Однако дело есть дело, и я начал переговоры.

Через пять минут операция была закончена. Пряча куда-то за ворот (тоже мне хранилище!) пакетик с десятью золотыми пятерками, тумба игриво пролепетала:

— Ну, вот я и с зубками.

— Рад служить, мадам, — заметил я.

Клиентка оживилась:

— О! Теперь я верю в солидность вашей фирмы.

— Ваш слуга... — уклончиво пробормотал я.

— Тогда знаете что... Не могли бы вы завтра доставить мне коробочку крупки? Не гречневой, конечно, а скорее грешной...

И дама захихикала, прикрывая рукой изрядно набитый золотом рот.

— Сколько?

— О, я клиентка солидная. Могла бы взять сразу

на хорошую кашу — с полкило. Чтоб не возиться по мелочам. А то я женщина нервная, пугливая...

Полкило! Я оторопел. Шутит она, что ли! Это же, в самом деле, не гречневая крупа...

— М-м... — замялся я.

— Плачу сразу же. Наличными. По высшей ставке, — подогревала она меня. — Хочу уезжать в другие края, и, сами понимаете, имущество нужно надежное и транспортабельное.

«А что, в самом деле, — подумал я. — Хотя у меня и нет такого количества, но я его могу сделать. Кусок медного подсвечника и напильник... Едва ли эта пивная торговка понесет с собой пузырек с кислотой для проверки. А потом — ищи ветра в поле. Зато какая сумма в руках! О такой мне и не мечталось...» И я ответил:

— Будет сделано.

— Ну, вот и хорошо, — обрадовалась дама и заторопилась. — Завтра в десять вечера... Раньше я не могу: сдаю смену. Но, прошу вас, — не здесь.

— Где?

— Поближе к моему дому. Это, правда, не близко — за парком культуры и отдыха, но зато спокойнее.

Мы условились, и она, подав мне руку, затянутую готовой лопнуть перчаткой, поплыла к переулку. Естественно, я направился в другую сторону.

Однако мной сразу же овладело беспокойство. «Что-то тут не так, — думал я. — Подозрительно крупный заказ...»

Оглянувшись и отметив, что толстуха уже скрылась в переулке, я круто повернулся и бегом направился следом.

В конце переулка уходила песочная «Победа». Песочная! Как та, на которой когда-то подобрал меня Шеф у городского сада. Эх, если бы такси! Увы, когда нужно, их никогда нет... Однако шофер, дремлющий в «Москвиче» у подъезда какого-то института, согласился прокатиться по городу.

Нам удалось сесть на хвост песочной «Победе», и я, делая вид, что обзираю незнакомый мне город, заказывал повороты, повторяя путь «Победы».

Как ни странно, машина вначале прошла... прямо к моему дому! Замедлив около него на некоторое время

ход, она опять рванулась в возможный на городских улицах аллюр и пошла в сторону парка.

У меня засосало под ложечкой. Что ей нужно было у нашего дома? Древнее одноэтажное частное владение на отшибе грязной площади, окруженное густыми кустами акации... В такой домик нетрудно забраться смелому человеку!.. А?

«Победа» затормозила у парка. Я остановил «Москвича» несколько в отдалении, восхищаясь вслух неуклюжей аркадой главного входа.

Открылась дверца. Из машины вместе с толстухой вышел... Если бы мне было куда упасть!! Вышел Шеф! Так он здесь?! А как же Кавказ и розы?

Толстуха довольно хихикала. Шеф был сдержаннее, мефистофельски улыбался и, изредка рубя воздух рукой, что-то доказывал вылезшему из машины третьему спутнику — здоровенному верзиле, с которым мне не хотелось бы встретиться наедине ни в десять вечера, ни в десять утра.

Я погнал «Москвича» обратно. Все ясно: они хотят заманить меня в ловушку. Но ведь я могу не прийти на свидание! Я не кролик, чтобы лезть в пасть удаву...

А осмотр моего дома? Это что — любознательность или рекогносцировка арены возможной операции? Да, пожалуй, он достанет меня своими холеными руками даже в родной постели. Не звать же мне в этом случае милицию для защиты.

Отпустив машину, я поплелся, не различая дороги... Домой? В дом, который может стать моей могилой?! Но если не туда, то куда же? Жил одиноко и умирать нужно одиноко...

Я все же пришел домой. Завернувшись в бабушкин изъеденный молью салоп, я завалился среди старого хлама в сараюшке, чутко прислушиваясь к каждому шороху на дворе.

Как ни странно, ночь прошла спокойно. Утром я осмелел. Решение было принято еще до того, как я выбрался из своего ночного убежища. Мне осталось немного: уложить чемоданчик, сдать его в камеру хранения на вокзале, оставить дома записку, что уезжаю на юг, подкинуть кому-нибудь тетрадь Фаины с адресом Ярослава и отправиться в гости к Золотой Бабе.

Но... адрес! Адрес этой Золотой Карги остался не-

выясненным. Я должен вырвать его у старика. Если не вырву, мне некуда ехать. И незачем. Мне остается смиренно, сжавшись в комок, ждать, когда выхоленная рука Шефа дотянется до меня.

Итак, или я вырву адрес и, благополучно выскользнув из уготованной мне петли, жгу эти записки. Или... читайте их, гражданин следователь. Вы найдете записки в тайнике. Адрес его, как и адреса действующих лиц — Шефа, толстухи и верзилы, а также перечень их уголовно-наказуемых деяний будет храниться на главпочтамте в письме до востребования... на мое имя. Да, на мое. Если я останусь жив, никто, кроме меня, не получит письмо. Если — нет, то за истечением срока хранения оно придет по обратному адресу, указанному на конверте. А это адрес одного из служителей Немезиды — богини правосудия.

А сейчас — пора. Через час я войду в библиотеку, встречу со стариком и...

Была не была!

Тетрадь
четвертая

**ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ
ФАИНЫ КРЫЛОВОЙ**

12 февраля. 10 часов.

Как томительно тянется время! Если бы не усик секундной стрелки, деловито ошупывающий циферблат, можно было бы подумать, что часы стоят.

Чтобы хоть как-то скоротать время и отвлечься, взялась за карандаш.

Тимка, дорогой! Только сейчас я поняла, как бесконечно дорог ты мне. Вот ты ушел, тебе грозит опасность, и я уже ни о чем другом не могу думать, не могу ничего делать. Не могу, не могу...

Ребята сидят у порога. Нахохленные, как вороны после дождя,— и Петро, и Василек, и даже Саша-неунывака. Он хотя и насвистывает что-то, но художественный свист сегодня ему явно не удастся.

И надо же было случиться такому, когда все трудное осталось уже позади, когда лишь два перехода отделяли нас от конца маршрута, когда все прошло так успешно.

Да и могло ли быть иначе, если поход готовил Тима: тщательно готовился сам и готовил нас, контролируя каждую мелочь со свойственной ему основательностью.

Стоит вспомнить, как он доказывал чиновникам от туризма, что зачетные походы высшей категории трудности можно проводить не только в Забайкалье, на Алтае или на Памире, а и на Урале. Он говорил, что Северному Уралу предстоит в скором времени стать ареной больших преобразовательных работ и что туристы (между прочим, он не любит этого слова и все ищет замену ему) обязаны внести в них свой вклад — проторить пути к неизведанным, труднодоступным местам. Что турист должен быть не экскурсантом-потребителем, заботящимся только о личных удовольствиях, получаемых в путешествии, а пионером-созидателем, человеком дела и долга.

— Туризм — отдых? — негодовал он. — Кто придумал такую скользкую формулировку, позволяющую некоторым толковать туризм как безделье? Туризм — это дело, при котором отдыхаешь. Лев Толстой отдыхал за шитьем сапог. Петр Первый — за токарным станком. Почему отдых — это обязательно безделье?

Он не очень убедил туристское начальство критикой формулировки, но своего добился — поход разрешили.

Тогда он обегал (и заставил бегать нас) десятки институтов и учреждений, собирая заказы, выясняя, где нужнее разведать дороги, где какие собрать сведения и образцы, что сделать на месте.

Составляя маршрут, мы словно проходили семинар по ураловедению: Тимофей ташил книгу за книгой и заставлял нас изучать и историю мест, где нам предстоит пройти, и географию, и геологию, и флору, и фауну, и все-все! Сам-то он это «все» знал дотошно.

Мы перечертили от руки карты похода. Мы отказались от стандартного, рекомендуемого инструкциями набора снаряжения, одежды, запасов — все было критически обдумано, многое переделано, сконструировано заново.

Тима так заботился о нашем здоровье и физической подготовке, даже о нервах, будто готовил группу к побитию мирового рекорда. Особенно придирчив он был ко мне, опасаясь, что поход будет мне не по силам. Я лезла из кожи, чтоб доказать ему обратное, и, кажется, убедила.

— Такие трудные переходы не для девиц. Для них это ненужная перегрузка. Но поскольку остальные ребята голосуют за тебя... Я рад, что ты пойдешь с нами, — сказал он.

Короче — поход готовил Тимофей, и этим все сказано.

Зато и прошел поход на славу. Представляю, сколько восхищения вызовут наш отчетный доклад и выставка!.. Впрочем, Тима сейчас осудил бы меня — он так не любит бахвалиться, да еще раньше времени.

Но, в самом деле, я уверена, что многое-многое пригодится тем, кто будет осваивать эти края: и изыскателям трасс железных дорог, и геологам, и биологам, и лесовикам, и гидротехникам... Тьфу! Опять я... Нет, мне, наверное, никогда не стать такой, как Тима, даже наполовину.

И вот надо же! Осталось два последних нетрудных перехода — и мы у пункта, откуда добраться до дому уже совсем несложно. А там — «кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали»... Но вместо этого — непредвиденная задержка, нарушение графика (чего не случилось за весь поход, несмотря на трудности) и опасная отлучка Тимофея.

Скорей бы вечер (Тима раньше не вернется), скорей бы он возвратился!

И подумать только, что все началось с...

12 февраля. 11 ч. 15 м.

Саша просит есть. Говорит, что массы проголодались. Но хотя сегодня дежурю по пищеблоку я, он не дал мне готовить обед, забрал продукты и ушел мудрить с ними. «Я еще в детстве читал творения классиков кулинарии, включая Елену Молоховец!» — и пытается создать из крупы и тушенки какие-то замысловатые беф-кру-ля-ля, которые даже сам не всегда решается попробовать. Намудрит, наверное, и сегодня. Ну да мне не до еды.

Итак, все началось с картошки.

Вчерашнее утро застало нас в селении — последнем перед конечным пунктом похода. Предстояло двадцатикилометровым броском успеть добраться засветло до лесной избушки, где и устроить ночевку.

После завтрака Тимофей ушел к какому-то старому охотнику расспросить о дорогах и тропах, ребята обсуждали насчет пожевать, а мне... мне захотелось картошки. У хозяев, где мы остановились, лишней не было; и я пошла купить, поискать ее в остальных семи домиках этого миниатюрного заброшенного в далекой тайге поселочка.

Мне повезло. В первом же домике, стоящем несколько на отшибе, картошка нашлась. Хозяйку, широкоскую пермячку, я встретила в дверях уже одетую — она собралась уходить. Но картошки продала.

— И что ты в эку даль, голубушка, поплелась? — жалостливо спросила меня хозяйка, когда я рассчитывалась с ней.

Я не успела ответить — в избу вошел парень, таща за собой рюкзак.

— День добрый! — приветствовал он нас. — Можно у вас, хозяйюшка, остановиться? Вижу, здесь уже есть представители туристского племени...

— Да не, они не у меня, они у Марьи, — пропела хозяйка своим северным говорком. — Садись, гостем будешь. А я пойду ино. Поскучайте тут...

Парень забросил рюкзак на лавку и, сняв шапку, уселся.

Я узнала его. И покраснела. Это был Слава.

Мы познакомились летом в парке, когда ко мне у танцплощадки пристал какой-то полупьяный чернявый нахал. Я, вероятно, сумела бы ответить ему сама; но подошел не знакомый ни мне, ни Светке (я была с ней) парень и, надавав чернявому оплеух, прогнал его. Видя, что мы собираемся уходить и что мы здесь одни, наш спаситель предложил проводить нас. Мне очень не хотелось этого, но отказаться показалось неудобным, да и Светка дергала меня за рукав, давая понять, что надо соглашаться.

Это был герой ее плана. Высокий, светловолосый, с правильными — я бы сказала, породистыми — чертами лица, с холодноватым, чуть насмешливым взглядом, очень вежливый и предупредительный, очень умеет носить костюм.

— Киношник! — шепнула мне Светка. В ее понимании все красивые мужчины — киноактеры.

Происшествие было тоже в ее вкусе — я чувствовала, что она вся дрожит от восхищения.

— Вы любите танцевать? — спросил Ярослав (так звали нашего нового знакомого), когда мы вышли из парка. Надо же было с чего-то начинать разговор!

— Да, очень! — успела предупредить меня Светка.

— Я тоже, — сказал Ярослав, — хотя, признаться, танцую редко. Танцы развивают грацию, чувство рит-

ма. Это красиво. И потом это естественная потребность человека. Вспомните, какую огромную историю имеет танец — наши древние предки устраивали пляски над убитым мамонтом, а позднее танцем выражали свою благодарность богам. Не так ли?

Я грустно смолчала. Его слова напомнили мне недавний разговор с Тимофеем. Я тоже люблю попрыгать на институтских танцульках, забегая иногда и в парк. Но Тимку вытащить на них нет никакой возможности. Я не раз говорила ему:

— Почему ты не танцуешь? Танцы развивают грацию.

— Я занимаюсь гимнастикой. Это дает не меньше.

— Но это же давняя человеческая традиция, даже больше, чем традиция! — не сдавалась я.

— Я не следую рабски всем древним традициям.

— Танцы — отдых.

— Хорош отдых! За десять минут затрачиваешь энергию, потребную на то, чтобы расколоть несколько кубометров дров. Вот и коли дрова — и отдых и польза. И туфли целее.

Его не переубедишь. Но на танцах я стала появляться реже.

— Приходите ко мне в день рождения, потанцуем. До упаду! — Это Светка пошла в атаку. — У меня ровно через неделю, в субботу. Придете?

— С большим удовольствием, — поклонился Ярослав и обратился ко мне: — А когда у вас день рождения, скоро?

— У нее не скоро, у нее зимой, двенадцатого февраля, — тараторила Светка, словно кто-то ее дергал за язык.

Мы дошли до угла, где Светке нужно было идти налево — она живет двумя кварталами дальше, — а мне направо, на трамвай. Светка двинулась направо.

— Вам на трамвай? — спросил ее Ярослав и легко прикоснулся к моему локтю, давая понять, что хочет взять под руку, чтобы идти дальше.

Светка изумленно уставилась на меня, готовая заплакать.

— Нет, это мне на трамвай. До свидания! — крикнула я и побежала к остановке.

Трамвая не было, и, прождав его минуты три, я по-

шла в надежде перехватить тот, что, возможно, стоял на конечной остановке. Я угадала. Трамвай уже трогался, когда я подбежала. Можно было еще успеть. Но у остановки... У остановки стоял он, Слава. Когда он успел?! Я повернула назад.

Я уже давно забыла о той встрече, но недавно, месяца два назад, мы встретились снова. В трамвае. Я прошла вперед, села на свободное место у окна и стала рыться в сумочке.

— Не беспокойтесь, я взял,— послышалось сзади. Это был Ярослав.

Я пробормотала что-то вроде «спасибо» и замолчала. Он стоял сзади и тоже молчал. Только когда трамвай остановился у рекламного щита, он взгляделся в афиши и сообщил:

— В «Урале» возобновляют «Без вины виноватые». Какой чудесный фильм!

— Да! — вырвалось у меня. Я тоже очень любила эту картину.— А какова там Тарасова! По-моему, это лучшая ее роль в кино.

— Ну, это едва ли верно,— мягко возразил он.— А Катерина в «Грозе», а другая Катерина в «Петре», ну, наконец, Анна Каренина?

— Все же в роли Отрадиной она лучше...

— Знаете что,— предложил неожиданно он.— Давайте сходим на «Без вины...» Я давно не видел ее и, может быть, тоже приду теперь к вашему мнению. Вот и билеты — сегодня в девять пятнадцать.

Смотрите, у него и билеты!

— Нет, нет...— замялась я.— Я не могу. У меня сегодня...

— Но не день же рождения? Кстати, я не забыл, что двенадцатое февраля — ваш день.

Я молчала.

— Тогда вот что,— Ярослав порвал билеты и кинул их в угол.— Завтра — на этот же сеанс. Идет?

— Идет...— чуть слышно сказала я и пошла к выходу.

Ох, и ругала я себя по дороге домой (я сошла остановкой раньше)! Как это у меня вырвалось это «идет»! Ведь он будет ждать. А я... конечно, я не пойду. Зачем мне это?

К «Уралу» я, конечно, не пошла.

12 февраля. 12 ч. 05 м.

Скоро начнет темнеть. Почти час стояла на пригорке и до рези в глазах всматривалась в мутно-белый горизонт, в зубчатую вершину той горы, как будто на таком расстоянии можно увидеть человека!

Скорее бы! Буду пока писать — все-таки отвлекаешься...

...На свидание я тогда не пошла. И хорошо сделала. Больше мы не встречались. Хотя иногда мне казалось, будто я встречаю его взгляд то в фойе театра, то на институтском вечере, то на улице в толпе. Но, может быть, это только казалось.

А вот теперь он здесь.

— Очень рад встрече с вами,— сказал он просто и, по-моему, даже с сожалением.

— А как вы оказались здесь? — спросила я, оправившись от смущения.

— Иду штурмовать одну вершинку. Давно не бродяжил. Взял небольшой отпуск — и сюда.

— Какую вершинку?

— Да вот,— кивнул он головой в окно.— Говорят, что ее зовут Шаманихой, хотя на карте этого имени нет. На нее, кажется, никто еще не подымался.

— Один? — удивилась я.

— Один.

Мы помолчали. Я стала не торопясь надевать рукавички.

— А вы? — спросил наконец он, словно для того, чтобы остановить меня.

— А мы домой,— и чуть не улыбнулась, увидев, как вытянулось его лицо.

— Вы уже были там... на Шаманихе? — спросил он обеспокоенно.

— Нет, но будем,— соврала я.

— Ах, вот как! — криво улыбнулся он.— Значит, соперники? Ну, я вас, пожалуй, опережу. Я не люблю быть вторым. Кстати... я не забыл: завтра ваш день рождения. И я посвящу это восхождение вам, как первооткрыватель могу назвать вершину вашим именем и оставить об этом записку в банке. Гора Фаины! Фаина гора! Это неплохо звучит.

Я вспыхнула:

— Идти на гору вы можете когда хотите, только, пожалуйста, не впутывайте сюда меня!

— Ну вот, вы уж и рассердились. А зачем? Разве я хочу вам дурного?

Мне показалось, что я и вправду зря погорячилась. Имени моего вершине присваивать не надо, но грубить, конечно, тоже незачем. И уже мягче я сказала:

— Пожалуйста, не делайте этого. Мне будет неприятно. К тому же вы не успеете отдохнуть перед трудным восхождением — позади у вас была такая дорога. И еще — надо подготовиться: разведать подходы, порасспросить людей. Нельзя же так поспешно, недаром на эту вершину никто не ходит.

— Ну, это все выполнимо. А коль не хотите, чтоб гора звалась вашим именем, я назову ее иначе — гора Рождения. Это тоже здорово звучит.

Я пожала плечами. Он между тем о чем-то думал. И, когда я взялась за скобку двери, встал мне навстречу.

— Однако позвольте мне все же подарить вам что-нибудь ко дню рождения. Вот хотя бы это... — И он достал из рюкзака компас. Точь-в-точь такой, как у нашего Петра, наручный. Красивый, удобный, надежный — его гордость.

— Нет, что вы, не нужно, — испугалась я. — Да и как же вы сами обойдетесь?

— У меня есть другой. Вот... — и он показал руку. — А это заветный. Он прошел со мной много тысяч километров в разных краях. И стал уже моим талисманом. На нем — даты самых важных и результативных моих походов. Возьмите, пожалуйста!

— Нет, нет! Ни в коем случае. Прощайте! — И я побежала к двери.

Он догнал меня и сунул компас в мой карман.

— Возьмите, прошу вас! Если не хотите, выбросите сами.

Я убежала.

12 февраля. 13 ч. 10 м.

Время, время! Стрелки — как примерзли... Ребята поели и легли в углу. Василек включил свой карманный приемник, и все слушают детскую передачу. Я есть не могу. Сашин «беф» стынет в котелке.

Как было дальше?

Вернувшись, я так и не смогла выбрать момент, чтобы рассказать о встрече Тиме или ребятам. Компас жег мне карман. Но и выбросить его я почему-то не могла.

Пообедав и отдохнув, мы вышли в путь и через несколько часов были в лесной избушке — там, где я сейчас пишу.

Дорога выдалась нелегкой. Вьюжило, снежные вихорьки, неожиданно бросаясь в лицо, ломали ритм хода, стесняли дыхание. Порядочно сил отнял и подъем — хотя и пологий, но затяжной, — на водораздел двух речушек, вытекавших из отрогов Шаманихи. Так что едва успели запасти дров, приготовить чай и разогреть тушенку, как все начали клевать носами. Тимофей развернул было карту и приготовился рассказать что-то интересное:

— А у меня сюрприз... — Но, оглядев усталые физиономии ребят, только улыбнулся.

«Военный совет» решили перенести на утро.

— Тем более, что завтра у нас будут новорожденные, — заявил больше всех любивший поспать Василек.

Этакая высокая, костистая орясина, а спит, как сурок!

Несмотря на усталость, я долго не могла уснуть и ворочалась в своем спальном мешке.

Да, завтра — то есть сегодня — я «новорожденная». Как я любила всегда этот день! Задолго начинала ждать его, хотя в общем-то ничем особенным он не отличался: мама стряпала мой любимый пирог с картошкой, отец, перед тем как сесть обедать, доставал из кармана скромный подарок, потом выпивал стопку водки и, крикнув, трепал меня по щеке:

— Раста большая, доча! По возможности умная...

Это повторялось каждый год, но каждый раз я счастливо улыбалась — и маленькая, и большая — и говорила отцу: «Спасибо, папа».

Дедушка свой подарок обязательно ставил у кровати, так, чтобы, открыв утром глаза, непременно увидела его первым. Обычно это была какая-нибудь самоделка: маленький, искусно сплетенный лапоток, забавный человечек из шишек и проволоки, корзиночка-плетенка из ивняка... А сам сидит в другой комнате и смотрит в открытую дверь — какое впечатление произведет подарок... Милый, уса́тый мой дед!

Нынче я первый год встречаю день рождения не дома. Обычно, отпросившись в институте, обязательно удираю на день в Тагил, на родную Гальянку — неблагоустроенную, деревянную, но такую милую сердцу старенькую рабочую окраину.

А нынче вот здесь, в лесу. Что ж, уже не маленькая... Двадцать три года — это много или мало? Очень мало, если вспомнить, что я еще ничего примечательного не успела сделать. Очень много, если вспомнить, что только училась целых пятнадцать лет.

По случаю торжества завтра решено полдня посвятить отдыху: мы все равно идем с опережением графика. Ребята шушукались сегодня; чую, что готовят «сюрприз». Саша, наверное, прочтет стихи. Он рад всякому поводу, чтобы сочинить эпиграмму, шуточную поэму, а то и целое либретто оперы или киносценарий, героями которых сделает всех ребят из группы. Каждому достается по серьгам. Не всегда остроумно, но всегда трогательно.

А Тимофей? Впрочем, у него столько забот... Да и не любит он сентиментов. А все-таки больше всего мне хотелось бы получить что-нибудь именно от него.

...Пятый год, как мы знакомы. Вначале он показывал мне строгим и скучным. Когда я вставала на учет (он был комсоргом), то, записывая мое имя, он переспросил:

— Фаина? Из Тагила, значит?

— Откуда вы знаете? — удивилась я.

— В Тагиле каждая десятая женщина — Фаина. Старинное кержацкое имя... Красивое имя, между прочим.

— А я не кержачка, — обиделась я. — А Тимофей — все комсорги и все из Свердловска? Неинтересное имя, между прочим.

— Нет, не все, — засмеялся он. Но, полистав комсомольский билет, строго добавил: — А взносы за два месяца не уплачены. Нехорошо.

Я стояла сбоку, и он не видел, как я показала ему язык.

Потом мне попало от него на собрании из-за хвоста по математике. Но из-за хвоста мы и подружился: именно он, отдавая мне все свое свободное время, не только помог сдать зачет, но и заставил полюбить математику.

За его напускной строгостью таится добрая и чуткая душа. Да, он чужд сентиментов — очень нелегко сложи-

лась его жизнь. Дети всех времен и всех народов играют в войну. А он из того поколения, которое в свои десять-двенадцать лет не играло в войну, а рвалось на фронт. Да, он тверд в своих мнениях и решениях, но не из упрямства, а из прочного сознания своей правоты.

В нашей дружбе с ним нет ничего от ухаживания, от увлечения. Мы никогда не гуляли с ним в пустынных аллеях. Даже в кино мы ходим вместе с ребятами.

Мы просто дружим. Нас зовут Тимофая, сдвинув два имени в одно. Может быть, иногда подтрунивают над нами. Но мы не сердимся — нам-то что, совесть наша чиста.

Правда, случалось, Тимка смущался. Однажды в походе я свалилась в грязь и сильно ушибла руку. На привале он, незаметно для других, выстирал мне куртку. А когда я удивленно и благодарно воззрилась на него, он, покраснев, пробурчал:

— Не обращай внимания. Я дома всегда сам стираю и мою полы. Так и отец делал. Это не женское дело. Стирка и мытье полов — тяжелая работа.

Но чего же тогда смущаться?

В походе он никогда не выделяет меня среди других. Ласковый взгляд его можно поймать только случайно, когда никто, даже я, не может видеть этого.

Мы никогда не разбирались в своих чувствах. Ничего не говорили о них. Мы просто дружим. Но где кончается дружба и начинается что-то другое?.. Может быть, это и есть что-то другое? Может, именно это и есть компас жизни?

Компас? Я с отвращением вспоминаю о том, что он лежал в моем кармане. Мысль, что я так и не сумела рассказать о встрече, мучила и угнетала. И во сне виделся компас, который сам бежал от меня по снежной целине, мигая фосфорной стрелкой. А где-то впереди, невидимый, шел Ярослав и кричал: «Я первый! Я первый!..» Я силилась остановиться и не идти за компасом, но ветер гнал меня в спину, и я, сопротивляясь ему, стояла от бессилия.

Проснулась я словно от толчка. В окне было уже светло. Ух, сколько проспала! Тимофей сидел у окна, опершись на локоть, и пристально смотрел на меня.

— Ты что? — спросила я испуганно.

— Видела нехорошее что-нибудь? — спросил он в ответ. — Ну, спи. Ты сегодня новорожденная, тебе можно.

Но я уже наполовину вылезла из мешка и сидела, сжав руки на груди.

— А где ребята?

— Ушли за дровами. Скоро придут. А это тебе от меня, — он протянул мне человечка, искусно сделанного из шишек и прутиков. — Раста большая...

Я закусила губу, чтоб не разреветься.

— Тима! — сказала я тихо. — Я забыла... Не успела... Нет, — не сказала тебе...

— Ну, скажешь потом.

— Нет, нет! — заговорила я торопливо, волнуясь. — Я должна сказать сейчас. Это нехорошо, что я не сказала тебе раньше. Ты выслушай и пойми.

Тимофей не шевельнулся, хотя глаза его посерьезнели.

— Скажи сейчас. Если важно.

— Слушай... Вчера в селении я видела Ярослава Мальцева. Ты его знаешь?

— Знаю. Слыхал. Первооткрыватель-одиночка. Охотник за славой. И что же?

— Он подарил мне компас... Сунул в карман. Вот он.

Тимофей повертел в руках компас.

— Красивая безделушка, но бесполезная. Видишь, стрелка не стальная, а, возможно, золотая.

Стрелка, действительно, беспорядочно бегала.

— И что же? — спросил Тимофей снова, положив компас на окно.

— Ты знаешь... Он сегодня идет на Шаманиху. В день моего рождения. Он хотел назвать ее моим именем, — выдавила я из себя. — Ты не думай, пожалуйста, что я...

— На какую Шаманиху? При чем тут день рождения? — встревоженно спросил Тима. — Что за черт! — выругался он и встал.

Я не отвечала. Тимофей молчал и глаза его наливались тревогой. К утру в избушке выстыло, и я, видимо, поэтому мелко дрожала.

— Вот что... — начал он после длинной паузы. — Надо собрать «военный совет».

12 февраля. 16 ч. 00 м.

Ракета! Наконец-то!

Значит, он прошел опасный участок пути и вышел к Шаманихе. Теперь он дождется Ярослава, предупредит его об опасности и, подав красную ракету, вернется. Обратный путь не страшен — он пойдет по своей лыжне.

Ребята, вдоволь набесившись от радости, занялись делами: Василек и Саша пошли готовить дрова на ночь, а Петро, настроив приемник, чинит рюкзак и слушает концерт по заявкам.

Я успокоилась, душа не болит. Но надо же чем-то заняться, чтобы по-телячьи не запрыгать от радости, не орать песни, не расцеловать чумазого сосредоточенного Петра, склонившегося над своим выдавшим виды рюкзаком. Буду опять писать.

— Надо собирать военный совет, — сказал Тима и встал.

Члены «военного совета» явились немедленно, по первому оклику. Они украшали «в честь новорожденной» елочку, растущую около избушки. Войдя, они выстроились у двери и хором начали читать стихотворное приветствие:

Фая Крылова,
Честное слово...

Однако, видя наши совсем не праздничные физиономии, в нерешительности остановились.

— Ребята, создалось чрезвычайное положение, — сказал Тимофей глухо.

Избегая смотреть на меня и пощипывая мочку уха (его «пунктик», когда он бывает взволнован), он поведал историю, которая в любое другое время показалась бы увлекательной, а сегодня была страшной.

Вчера в селении от старого охотника он узнал тайну Шаманихи. Уже несколько веков гора считалась у манси священной. На ней было капище какого-то древнего бога. Капище охраняли жрецы, никого не пуская туда. Шаманиху окружали непроходимое болото и густая буреломная тайга. Только тремя тропами можно было пробраться к горе. Но жрецы все тропы «заминировали» — наставили самострелы, капканы, ловушки, волчьи ямы.

Шаг вправо, шаг влево от тропы грозил гибелью. Ни один человек, осмелившийся нарушить запрет, не возвратился живым. Не возвратился, в частности, и топограф, лет шестьдесят назад задумавший установить там геодезический знак. Та же судьба постигла в 1920-х годах и молодого заготовителя пушнины, комсомольца, решившего «покончить с религиозным опиумом» и водрузить на вершине красный флаг. Но — странное дело! — комсомольца видели уже возвращавшимся, а до дому он не дошел.

Тайну троп жрецы передавали из поколения в поколение. Знать ее мог только один человек. Чувствуя приближение смерти, он передавал ее другому — давно назначенному и заранее подготовленному человеку. Говорят, что план троп и ловушек на них был нанесен на бересте и хранился у жреца.

В капище за несколько веков должны были скопиться огромные богатства: археологическое серебро, драгоценные меха, золото в монетах и в изделиях, сотни маленьких и больших идолов — деревянных, медных, серебряных, костяных. Говорят, что там хранился идол Золотой Бабы. Шаман ежегодно ездил собирать дань с соплеменников, вымогал меха, драгоценности, оленей. Вozил с собой этого идола и за цeлование его взимал дань.

Последний хранитель капища шаманил еще в двадцатых годах. Шел слух, что, собирая дары, он тайно спекулировал золотом и мехами, меняя все это на водку, и стал в конце концов алкоголиком. С его именем связывают убийство комсомольца, задумавшего развеять религиозный дурман вокруг Шаманихи и пропавшего без вести в тайге. Но на другой день шамана самого нашли полумертвого, с обмороженными руками. Начиналась гангрена. Врача не было на сотни верст вокруг. Простой пилой ему ампутировали кисти рук. Старик чуть тронулся, но остался жив. Однако шаманить бросил — что будешь делать без рук? Живет и сейчас где-то неподалеку, под присмотром старухи-дочери.

Историю Золотой Бабы я знала. Тимка дал мне тетрадь, куда заносил свои записи об этом идоле. За время похода, на привалах, я не раз перелистывала ее. Да она и сейчас со мной — толстая тетрадь в самодельном переплете. Я ее использую в качестве пюпитра.

— Шаманиха интересна для нас не только Золотой Бабой,— продолжал Тима.— Как-то в поезде я встретился с молодым геологом Петровым и записал от него рассказ о прекрасном штуфе горного хрусталя, несомненно пьезокварца, хранившемся у его деда, геолога. Этот штуф взят некогда с Шаманихи. Находка месторождения таких красавцев имела бы огромное значение. Вчера я случайно нашел одну штуку...

Ребята завопили от радости, когда Тимофей достал из рюкзака свернутый в трубку кусок бересты.

Тимка остановил их:

— Это все хорошо. Будущим летом мы обязательно пойдем на Шаманиху, обстоятельно подготовившись к походу. А сейчас... Сейчас создалось чрезвычайное положение,— продолжал он тихо и ровно, почти не волнуясь.— Сегодня утром на эту гору вышел человек. Он не знает тайны Шаманихи. И неизбежно погибнет.

— Какого рожна ему надо там, если прется в воду, не узнав броду? — заорал экспансивный Саша.

— Это другой вопрос. Но когда человеку грозит опасность, мы не можем пройти мимо. Не имеем права.

— Кто он? — спросил Петр, любивший всегда ставить точки над «и».

— Мальцев. Ярослав.

Тут ребята вскинулись. Особенно Василек:

— Этот первооткрыватель?! Ну его к пороссятам! Подумаешь, гордый одиночка, всегда ходит один. За славой, за эффектом гонится...

— Прошлым летом в Забайкалье ребята нашли на вершине записку,— прервал его Саша. — «Посвящаю это первовосхождение Ей. Ярослав Мальцев». А вершинка-то левая, на нее, наверное, десятки человек до него восходили.

Я похолодела. Тимофей насупил, и уши его заалели.

— Так ведь ему все равно ничем не поможешь,— обрадованно вмешался Петр.— Если он вышел сегодня утром, то предупредить его мы никак не успеем.

— Успеем,— сказал Тимофей.— Я пойду наперерез ему. Он наверняка пойдет по руслу речки, текущей от Шаманихи к селению. Здесь ему опасность не грозит. А вот когда он свернет сюда,— и он ткнул в карту,—

тут может попасть в целую серию ловушек. Здесь я его и перехвачу. Если сейчас выйти...

Ребята снова загалдели:

— К лешему! Рисковать жизнью ради этого пижона! Да на кой ляд он нужен?!

— Сам запутался, пусть сам и выпутывается...

— Никто в его гибели виноват не будет.

— Будет! — прервал их Тимофей.

— Кто?

— Мы. Знали, что человек идет на гибель, и не остановили.

Наступила долгая пауза. Ее прервал Петро:

— Ну что ж, будем собираться...

Тимофей посмотрел на него теплым взглядом. И, видя, как Василек и Саша тоже молча потянулись к рюкзакам, сказал:

— А собираться не надо. Пойду я один.

— Как один?

— Почему?

— Мы ведь это так, Тимка, — не любим мы его, поэтому и наговорили такое. Конечно, пойдем все. Парни, собирайтесь!

— Нет! — твердо заявил Тимофей. — Как руководитель группы я не имею права вести вас в такой... неизвестный путь.

— Все равно. Пойдем хотя бы втроем, — волновался Саша. — Нельзя же так...

— И так нельзя... Короче говоря, давайте, ребята, я скажу слово, которым я не пользовался никогда, хотя имел на это право: я приказываю вам остаться.

И он, наскоро собравшись, ушел. Мы должны ждать сигналов: зеленой ракеты — когда он выйдет к Шаманихе, и красной — когда он, дождавшись Ярослава, повернет назад.

— А что ты молчала, Тимофая? — накинута на меня Саша. — Тебя бы он, наверное, послушал. Идти так вместе!

Петро и Василек тоже смотрели укоризненно.

Что я могла им сказать?! Но, видимо, глаза мои о чем-то говорили, так как никто больше ко мне не приставал.

Но теперь основная опасность позади. Теперь можно...

12 февраля. 18 ч. 45 м.

Теперь можно... начинать все сначала: волнения, до-
саду, опасения, слезы. Даже эти записи — надо же чем-
то занять руки и голову, успокоиться...

Два часа назад, когда я, радостная и тихая, дописы-
вала последние строчки, Петро вдруг закричал:

— Тише!

Хотя, если не считать шелеста карандаша, кругом
была космическая тишина. Он поймал на свой приемник
сводку погоды.

— ...На севере области ночью ожидается сильный
буран. Ветер северный, до тридцати метров в секунду,
с порывами до урагана,— спокойно читала дикторша.

Спокойно — о таком!!

Уже начинало темнеть. Мы с Петром, оглушенные
сообщением, растерянно молчали. Радио передавало
вальс из «Веселой вдовы».

Оживленные, раскрасневшиеся, с охапками дров,
пришли Василек и Саша и, узнав, в чем дело, тоже сели
молча — злые и сосредоточенные.

— Да убери ты эту музыкальную трепотню! —
прикрикнул Саша.

Петро сбил настройку и, переключив диапазон, стал
машинально вращать колесико настройки. Эфир сухо
потрескивал далекими разрядами.

Но вот раздалась отрывки чьего-то взволнованного
разговора. Какая-то ведомственная станция, по-види-
мому геологической партии, передавала по радиотеле-
фону предупреждение своему удаленному от базы от-
ряду:

— Вылет вертолета запрещая. Отведите в укрытие,
поставьте на расчалки. Работы на буровой прекратить,
людей отвести в безопасное место, предупредить о за-
прещении отлучаться куда-нибудь...

— Понятно... Понятно... — отвечал другой, очевидно,
записывавший распоряжение.

— Надо идти, ребята! — прервал молчание Васи-
лек. — По проложенной Тимкой лыжне мы пройдем бы-
стрее и успеем до бурана догнать и предупредить его.
А то он будет еще ждать этого олуха до утра — красной
ракеты до сих пор нет.

— А если лыжню переметет? У Тимки был план, а

у нас нет,— спросил Саша, уже складывая спальный мешок и выбрасывая из рюкзака все лишнее.

— Дальше пойдем по компасу,— вмешался Петро.— Вещей никаких не брать, пойдем налегке. Главное — скорость.

Они собирались как по тревоге,— быстро, но без суеты. Собралась и я, но Петро молча взял из моих рук варежки, откинул их в угол и сказал твердо, не допускающим возражений голосом:

— А ты останешься здесь. Для связи... и прочего. Выходить запрещаю.— И, уже мягче, добавил: — Не скучай, Тимофей! Скоро вернемся.

Полчаса назад они ушли. Молчаливые, озабоченные, но твердые и собранные. Ребята, ребята! Вы уже совсем мужчины.

А я... Бегут по щекам горячие соленые капли, в горле стоит застывший крик, руки не находят себе места... Я все-таки маленькая, слабая девчонка. Мне трудно.

Сообщение о буране кажется недоразумением, ошибкой, наконец — розыгрышем. За окном тихий, мирный вечер, изредка падают крупные пухлые снежинки...

12 февраля. 20 ч. 30 м.

Нет!.. Нет!!.. Нет!!! Это не может... не должно случиться!

Самое главное сейчас — не распуститься, не зареветь, не запаниковать. Спокойно, Фаина! Надо унять противную мелкую дрожь, проглотить комок в горле, спокойно, деловито обдумать происшедшее и принять какое-то, единственно верное, решение. Пусть карандаш и бумага смирят хаос мыслей, помогут обрести твердость, так необходимую сейчас.

Итак, что же произошло?

...За окном падали снежинки. А на окне... На окне не было компаса! Еще до прихода ребят я смотрела в окно и, наткнувшись на компас рукой, брезгливо, как бы ожегшись, отодвинула его. Они в спешке взяли не свой компас!

Так и есть — в куче вываленных из рюкзаков вещей я нашла компас Петра.

За окном все темнее и темнее. Снег пошел мельче и чаще. В трубе порывами взвизгивает ветерок, шуршит по стеклу снежной крупкой... Где-то замечает лыжню... Они пойдут по компасу. По тому. Испорченному! Не спасут Тиму и заблудятся сами... Надо что-то предпринимать. Какое-то единственно верное решение. Единственно верное...

А оно — не только единственно верное, но и единственно возможное — уже ясно. Надо только взять себя в руки, собрать волю, проглотить этот противный комок в горле. И идти догонять. Что есть сил.

Сейчас иду. Побегу изо всех сил, как на соревнованиях. Только бы хватило их — моих, к сожалению, не таких больших, силенок!..

Тетрадь
ПЯТАЯ

ИСПОВЕДЬ ЯРОСЛАВА МАЛЬЦЕВА

Я должен сказать все это, чтобы заслужить прощение людей, заслужить право жить среди них, работать рядом с ними.

Вчера мне передали тетрадь — предсмертный дневник девушки, в гибели которой, как и в гибели ее товарищей, виновным считают меня.

Вероятно, это так и есть, хотя ни один уголовный кодекс в мире не содержит в себе статьи, по которой можно было бы осудить меня.

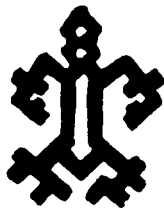
Но в этом ли дело... Человек сам себе — высший судья. Здесь невозможны ни обжалование, ни хотя бы частичное недовольство приговором, ни ссылка на судебную ошибку. И этот приговор — да, виновен! — я уже произнес себе.

Конечно, это было нелегко. Я солгал бы, сказав, что сразу понял свою вину и, ударив себя в грудь, воскликнул: «Ах, я такой-сякой!» Сутки раздумий — тяжелые, сумрачные сутки! — привели меня к выводу, не предвиденному вначале. Тут было все: и попытки найти смягчающие вину обстоятельства, и всякие логические лазейки. и надежда на юридическую недоказуемость, и... да мало ли чего не было за эти недобрые сутки!

Недобрые?... Нет, добрые. Ибо только беспощадность к себе — в тот миг, когда она появилась, — позволила мне легко вздохнуть и почувствовать себя человеком, способным смотреть в глаза другим людям, жить среди них, работать с ними... Если, конечно, они простят меня. Но надо ли мне искать прощения? Может быть, надо искать искупления?

* * *

Паренек — его зовут Михаилом — оказался братом того самого Тимофея Лебедева... Того самого!

Он нашел меня по адресу, кем-то услужливо подписанному в конце тетради.

Конечно, он не поздоровался, не произнес традиционной формулы знакомства и в ответ на приглашение сесть брезгливо присел на валик дивана. В глазах его были ненависть и презрение. Тетрадь в голубой корочке с портретом Пушкина, зажатая в руке гораздо крепче, чем следовало, чуть заметно дрожала. Он долго молчал, видимо, собираясь с силами, сдерживаясь, чтобы не выдать волнения, но это не удалось, — когда он заговорил, голос его предательски прерывался.

— Вот... прочтите. Это предсмертный дневник Фаи. И отдайте мне тетрадь Тимы. Я знаю, она у вас. Вы не имеете права...

Я сразу понял, о чем он говорит, хотя еще и не знал содержания голубой тетради, которую он протянул мне.

— Я должен отдать вам тетрадь, еще не прочитав того, что вы мне передаете, или после? — спросил я, не в силах отказать ему, что бы он ни сказал.

Паренек замялся. Он, видимо, не ждал такого безотказного согласия и был готов чуть ли не к драке. Мои слова обезоружили его.

— Как хотите... — пробормотал он.

И я увидел, что он совсем не злой и не колючий, как показалось вначале, а только очень взволнован, что ему больно и горько, что он готов на все.

— Тогда я попрошу вас прийти завтра вечером. Хотите, я принесу сам, куда назначите...

— Хорошо. Я найду. Вечером.

Мы помолчали. Он тупо смотрел в пол, медленно постукивая носком сапога, словно хотел сказать еще что-то. Молчал и я. Мне нечего было сказать, так как я не знал еще, в чем дело, хотя упоминание о тетради, хранящейся у меня, неприятно отдалось в душе.

Наконец, он встал. Глаза его снова были скорбными и колючими.

— Я — брат... — сказал он глухо. — И хочу знать правду. Судить вас, конечно, не будут, но я хочу не мести, а правды. Она — злее. Она... испепелит вас, если в вас есть хоть капля...

Он не договорил и ушел, стараясь ступать твердо и независимо.

Испепелит! Несколько высокопарное слово еще висело в воздухе, когда он вышел. Не заглушил его и стук захлопнутой двери.

Я еще не знал, как он прав, этот паренек в запыленных рабочих сапогах, с таким колючим и скорбным взглядом!

Уже темнело, но я сел к окну и, не зажигая огня, стал читать принесенную мне тетрадь.

Когда я кончил, на улице уже зажгли фонари и накрапывал дождь. Серебряными пятками он расплывался на крыше соседнего дома, покрывая ее все гуще и гуще, пока через минуту не выкрасил в лоснящийся бархатистый цвет. В комнате стало душно, и я, открыв окно, жадно вдохнул насыщенный озоном и запахами мокрой листвы воздух. Получилось что-то вроде всхлипа.

Да, правда злее. Он прав. А кто неправ? Я? Я сел на подоконник и, глядя на льющуюся из водосточной трубы на тротуар все утолщающуюся струйку, стал думать. Паренек, наверное, еще не добрался до дому; может, стоит где-нибудь под карнизом... Дождь помельчал, но стал гуще, и в его монотонной дробі явственно слышится:

— Ис-пе-пе-ля-ет...

Какое странное и... страшное слово.

* * *

Да, я помню этот поход и эту печальную зиму.

Шаманиха привлекла меня случайно: я услышал, что на нее никто еще не восходил, хотя, казалось бы, ничего сложного в этом не предвиделось — вершина не высокая и не трудная, не так уж далеко от населенных пунктов. Ее можно было одолеть одному, без группы. Одному — это меня особенно привлекало. Я не любил коллективные походы и штурмы, где подвиг становился строго рассчитанной работой, где возможность опасности взвешена на аптекарских весах и исключена тысячами пилюль предосторожности.

Я всегда думал, что подвиг — это аффект, душевный порыв, а не математический анализ, что он продукт взволнованного сердца, а не трезвого ума.

Я знал эти взлеты, они окрыляли меня — и тогда, когда я еще маленьким, слушая молотом стучавшее в груди сердце, пришел ночью на кладбище и, зайдя в

дальний его угол, сорвал цветок со свежего венка; и тогда, когда, привязав себя к плоту, бурной ночью носился по волнам Исетского озера; и тогда, когда один в чьей-то самодельной байдарке в половодье проплыл три дня по кипящей Катунь; и когда один взял вершину в Забайкалье, которую с трудом освоил большой туристский отряд.

Холодок пронесшейся за спиной опасности приятно щемил сердце. Я почувствовал себя покорителем в схватке со стихиями — я был сильнее их. Волновали и восхищенные взгляды знакомых, и слава неустрашимого.

— Ярый ты до славы-то, парень, — сказал мне как-то старик-алтаец, сидя у костра и слушая мой рассказ.

Он выловил меня, полуживого, из прибрежного тальника, куда забросили мой утлый челн вздыбленные ветром воды Катунь.

— А что, разве плохо? — спросил я его. — Чем плоха слава? Она движет людьми, толкает их на подвиги.

— Это ты верно, — заметил он мне, почесывая за ухом и прищурившись. — У нас вон Марья Оглоблина — доярка — лодырь была по всем статьям, а тут вдруг слышим — на собрании обязательство берет. Перегоню, говорит, Люську и все тут. А Люська — это, брат, деваха стоящая — самонаилучшая доярка то есть. До нее дотянуться — семь потов спустить надо. Ну, и перегнала Люську. В газетке писали.

— Ну вот видишь...

— А за Марью мы потом всем колхозом краснели, — продолжал, словно не слыша меня, дед. — Удвойто она водичкой разбавляла. А приемщик — прехехейный — помогал в этом. Ну, конечно, обоих погнажи...

— Ну это ты, дед, ни к селу ни к городу, — проворчал я недовольно.

— Не знаю, как к городу, а к селу — это уж верно получилось, правду говорю тебе, — сострил мой собеседник. — Славы ей, вишь, захотелось...

Нет, это не было голым честолюбием, хотя, не скрою, славы я не чуждался. Не это было главным. Мне казалось — сильные личности всегда нужны человечеству. И я воспитывал эти черты в себе. Но для чего нужны они человеку — не думал.

...Шаманиху я не знал, но особенно не смущался этим. В литературе о ней и не могло ничего встретиться: по-видимому, никто до меня не восходил на нее. Но это-то и было интересно — почему никто? Только ли потому, что она ничем не примечательна, или почему-то другому?

Знал лишь только, что подходы к горе очень заболочены, и поэтому пошел туда зимой.

Переход от конечной железнодорожной станции до далекого таежного селения, ближнего к Шаманихе, прошел великолепно. Вместе с ночевкой в лесу он занял полтора дня. В селение я пришел днем, чтобы, отдохнув и осмотревшись, через день двинуться к вершине. Но здесь мне предстояла встреча, которой я ждал давно, но только не в этот раз.

Там была Фая.

Чем занозила мне сердце эта дивчина? Собранный спортивная фигурка, непослушная копна золотых волос, простое, кругловатое лицо — во внешности ничего особенного. Разве только большие, то чуть печальные, то чуть озорные глаза.

Знакомство было несколько необычным. Впрочем, у Фаи в тетради оно описано довольно верно. Она только не знала, что негодяй, пристававший к ней, — мой давний знакомый Нутик-меняла. Мне доставило большое удовольствие нанести оскорбление действием этой скотине и защитить девушек. Знакомство состоялось, но продолжения не последовало: Фая избежала провадин, не пришла и на свидание, которое я попытался назначить при следующей — случайной — встрече. Это задело меня.

Я стал искать Фаю и ждать встречи с ней. Находить мне ее удавалось — трудно ли, зная, где она учится, — но встреч не получалось. Я не решался подойти к ней. Это и злило и радовало.

И вот она здесь — в тайге! Конечно, она была не одна, с группой. Они, кажется, тоже шли на Шаманиху.

* * *

Конечно же, мне не хотелось попускаться первенством. Тем более, что я заявил о желании посвятить свое восхождение дню рождения Фаи и назвать гору — пусть неофициально — ее именем.

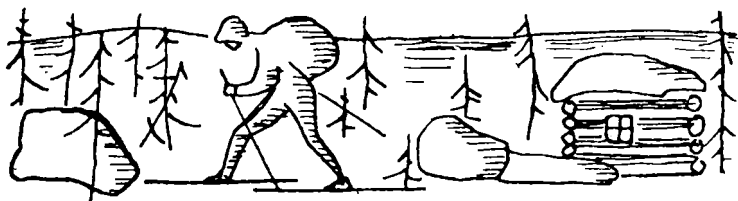
Правда, от этой чести она отказалась. Отказалась и от подарка. Но я сунул компас в карман ее штурмовки.

О, это был памятный компас — он прошел со мной почти все походы. Он был моим талисманом. Но он... не был компасом. Это — подарок покойной матушки. Весьма далекая от туризма и от физики, она решила как-то подарить мне в день рождения компас с золотой стрелкой. Ювелир удивился, но сделал, как заказали. На обороте стрелки было выгравировано: «Мама — Славе».

Компас, таким образом, стал только талисманом. Особенно после смерти матери. Я всегда брал его с собой.

Но я не подумал, что он может стать причиной несчастья.

...По карте я видел, что к Шаманихе легче всего пробраться по руслу замерзшей речушки, берущей свое начало у отрогов горы, а там — с километр пути, и я у подножия. Если выйти утречком, то к полудню я буду на исходном рубеже атаки, а к вечеру возьму

вершину. Вопрос казался настолько ясным, что я не стал никого спрашивать о маршруте.

После ухода Фаи я посидел у окна, глядя на багровый закат и чернеющий на фоне его конус Шаманихи, и залег спать. Утро вечера мудренее.

Оно действительно оказалось мудреным, это утро 12 февраля.

Хозяйка, узнав, что я иду на Шаманиху, заявила, что на гору у них никто никогда не ходит. Гиблая она. Раньше святой считалась, теперь, конечно, в это никто не верит, но небезопасно, однако — кто их знает, что там шаманы настроили. Я все же решил идти.

— Ну, твое дело. Прощай, ли чо ли! — напутствовала меня хозяйка. — Возвертайся живой.

— До завтра!

Однако вернуться мне пришлось сразу же. Не успел я отойти и десяти метров от дома, как вспомнил, что забыл термос — оставил его на шестке, когда наливал горячий кофе. Попуститься было нельзя, хотя возвращаться очень не хотелось.

Хозяйка встретила меня на крыльце с термосом в руках.

— Догнала бы, — сказала она недовольно. — А теперь вот удачи не будет. Хотя молодые вы, не верите... Да и чо на нас, старых дур, смотреть!

А я верил. Стыдно признаться, но верил. Верил, оправдывая себя то шуткой (чего с чертями связываться!), то историческими параллелями (Пушкин тоже был суеверным), то тем, что это не больше как случайное совпадение с моим желанием («я и в самом деле хотел не пойти»). А смысл был один — от греха подальше: кто его знает, вдруг сбудется!

В этот раз не идти было обидно, и я пошел дальше, гоня от себя неприятные думы и стараясь не вспоминать о приметах. Но они сами напомнили о себе. И как! Исторической параллелью. Я уже прошел, наверное, добрую половину пути. Лыжи легко и споро скользили по крепкому насту. Узкая лента речушки виляла среди болот, покрытых щетиной мелкого осинника с редкими, в беспорядке натыканными елками. Временами она словно ныряла в густой березняк и становилась там поуже и попрямее. На одном из таких участков — когда я приостановился, чтобы поправить крепление, — шагах в пяти от меня откуда-то из-под пня выскочил заяц.

Он замер, скорее с любопытством, чем испуганно глядя на меня и подергивая черненьким носом. Потом сердито топнул лапой и спокойно, не торопясь перебежал речку и скрылся в березняке — как растаял.

Он пересек мне дорогу!

В обход идти было бессмысленно: ни вправо, ни влево не проберешься.

Я долго простоял, опершись на лыжные палки. Вот и Пушкин не доехал до мятежного Петербурга в декабре 1825 года тоже из-за зайца. Почему он, умнейший человек эпохи, атеист и совсем не трус, повернул ки-

битку назад, завидя ковыляющего через дорогу косого? Причуда, странность? Но почему и я не имею права на странность, на причуду? Конечно, с Пушкиным что-то не то. Он был дитя века, хотя и стоял на голову выше его. Дуэль — предрассудок эпохи, теперь это понятно школьнику, но великий поэт не смог восстать против него. Великий человек — не значит святой. Да и был ли святой, не грешивший до того, как он стал святым?

«Если это и грех, то пусть и я согрешу», — сказал я себе не очень уверенно. И повернул назад. Черт с ней, с Шаманихой!

С гадким чувством в душе, не уважая себя, я плелся обратно по своей лыжне, уже не придумывая оправданий случившемуся. Мне просто было стыдно и гадко.

Ночевать я нарочно устроился на новом месте: новым хозяевам можно сказать что-нибудь другое.

Ворочаясь на широкой лавке, где мне постлали тулуп, я сквозь сон услышал, как хозяин с сыном заговорили о приближавшемся буране.

«Хорошо, что вернулся. Был бы мне капут... — подумал я, засыпая, но все еще злясь на себя. — Утром уйду».

Но уйти не удалось ни утром, ни днем. Всю ночь надрывно выл в трубе ветер, гудел за окном, дробно стучал в ставни снежной крупой, скрипел чем-то во дворе. Ночная, чернильная мгла сменилась дневной — молочно-белой. Тучи снега носились с ужасающим воем. Казалось, что это не снег несется мимо, а сам дом, взобравшись на какое-то сумасшедшее облако, несется в белесом вихре то вверх, то вниз.

— Не дай господи кто в пути, — скрипела древняя старуха, мать хозяина, теребя узловатыми пальцами концы своего черного платка и сердито глядя на меня, словно именно я виновник этого светопреставления.

К ночи буран начал стихать, и утром я, наспех попрощавшись с хозяевами, отправился в обратный путь. Через три дня я был уже в городе.

* * *

«Что их заставило свернуть с пути и отправиться на Шаманиху? Они хотели опередить меня, боролись за первенство?» — раздумывал я, когда месяц спустя узнал о гибели Фаи и остальных.

Мой компас был ни при чем, и все же сердце кровоточило. Душевный покой, которым я так гордился всегда, испарился. Забросив рюкзак в чулан, я больше не брал его в руки. Хватит походов, я отходил свое!

Я полюбил стихи. Чеканные строки Блока, обжигающие жаркой глубиной, мудрая проникновенность Тютчева, мятущаяся тоска Есенина, скорбные «Диалоги и мысли» Леопарди стали моими спутниками. Я разлюбил свою специальность — зачем мне радио и зачем я ему? А «кем быть»? И кому я — «зачем»? «Пойду в университет, — решил я. — Там можно сдавать экзамены экстерном». Это несколько отвлекло от дум, от стихов, от копания в себе. За два года я сдал все курсовые экзамены, осталась лишь дипломная работа. Будущим летом в мире должен был прибавиться еще один историк. Душевная смута как будто улеглась, но принимать яд воспоминаний я все же не решался.

Дело было за темой диплома. Я не очень раздумывал над нею. Что дадут. Дали «Коллективизацию сельского хозяйства у северных народностей Урала». Я безропотно согласился: чем эта тема лучше или хуже других? Мне не хотелось быть лучше других, прежде других... Мне вообще ничего не хотелось, и я злорадно твердил себе перед сном: «Ложись спать, неудавшаяся сильная личность! Завтра будет то же, что и сегодня, — серый день без солнца, но и без грозы. Ты этого хотел, Жорж Данден!»

Кажется, примерно это же я твердил себе, когда в тот неяркий весенний день шел по скверу к своей любимой скамье под акациями, чтобы в тишине и покое рассмотреть данные мне руководителем диплома материалы. Коллективизация малых народностей ждала своего историка. Что ж, она получит такового.

Но на моей лавочке сидел человек. Приглядевшись, я увидел, что это не человек. Это — Нутик. Долго же мы не виделись. Может быть, он все же скоро уйдет, этот слизняк? Я остановился на расстоянии нескольких шагов.

Меняла что-то читал. Нет, конечно, только просматривал: изящная, а тем более научная литература — не его призвание. Ну да, это тетрадь, а не книга. В серой парусиновой корочке с тесемочками, как у канцеляр-

ской папки. Зачем ему такая?.. Ага! Он хранит в ней деньги... Тогда зачем же перекладывает их в карман, завернув предварительно в клочок бумаги, взятый из тетради? Сама тетрадь летит в газон. В руках остается тоненькая, в голубой бумажной обложке. Он беспокойно оглядывается. Видит меня. Смывается, сунув тетрадку за пазуху. Ползи, слизняк! Ползи, пока тебя кто-нибудь не раздавит. Как тебя держит земля?!

Я сел на лавочку и хотел было приняться за чтение, но что-то не давало мне покоя. Что? Ах да, тетрадь в газоне. Нужно ли ее поднять? Пожалуй, можно. Я нашел ее в траве и начал просматривать.

Кем-то собран обширный материал о Золотой Бабе. И обстоятельно обмозгован. Есть интересные мысли. Это могло бы даже стать темой диплома. Нет, не моего, конечно!.. А чьего?

На обороте обложки я нашел имя автора записок: Тимофей Лебедев. Да... тетради, видно, как и книги, имеют свою судьбу.

Я знал его только заочно. Но как опытного и смелого туриста. Знал и то, что он не любил меня. Тоже заочно. Это его дело. Я же не питал к нему ни любви, ни ненависти. Мы были разные люди — вот и все. Но я уважал его. А он меня нет. Впоследствии я узнал, что чуть было не встретился с ним — тогда, у Шаманихи.

И вот его тетрадь у меня. Что с ней делать?

Я снова полистал ее.

«...Кстати, о «родственницах» Золотой Бабы. Если верить всем исследователям, то их у нее великое множество. Тут и Иомала (Юмала) древних скандинавских саг, и древне-славянская богиня Сива, и вогульская Куальтысь-Сан-торум, и зырянская Зарни-Ань, и древнеиндийское божество подземного мира Иома, и пермяцкая Кылдысин, и тибетская (и китайская тоже) богиня бессмертия Гуань-ин, и древнегреческая Артемида, и фригийская Кибела, и скифские «Каменные бабы»... Отталкиваясь от наружного сходства (по описаниям), зачисляли в родственники даже Будду.

Конечно, она похожа на многих, но...

Когда читал эти изыскания, меня не оставляла одна мысль. Вернее — цепочка мыслей...»

Любопытно, что это за мысли... Я и сам незаметно втянулся в логический поиск.

«...Что же все-таки известно о Золотой Бабе достоверного? А, пожалуй, ничего. Что идол существовал и существует? — Никто не взялся бы утверждать это. Да и был ли идол один или было несколько — все это неизвестно... Что он был золотым? А может быть, это только имя идола — ведь никаких подтверждающих деталей никем не приводилось. Обо всем остальном нечего и говорить, все это еще более противоречиво и неясно...»

Вернувшись домой, я снова набросился на тетрадь. Да, это увлекательно! Но где же начало? В чем должен быть свод исторических сведений о Золотой Бабе, тексты Меховского, Герберштейна, Гваньини и других. Интересно было бы познакомиться... А не работал ли кто-нибудь еще над этой темой? Схватив клочок бумаги, я наспех набросал небольшое письмо в музей. Для убедительности добавил что-то о туризме и антирелигиозной пропаганде. Потом, выяснив в справочном телефон Менялы, я записал его, кажется, на том же письме и позвонил ему, чтобы выяснить, откуда он добыл тетрадь. Оказалось, что этот телефон уже давно принадлежит кому-то другому. Я побежал опустить письмо. Только бросив его в ящик, вспомнил, что не подписал его и не указал адреса. Там стоял лишь номер телефона, который я не успел стереть. Неважно — приду сам!

Но не пришел. Наутро интерес к Золотой Бабе пропал. Воспоминания о Шаманихе и трагической гибели ребят снова повергли меня в хандру.

* * *

И вот этот визит.

Чтобы воспитать человека, нужны годы. Чтобы перевоспитать — тоже. Но иногда достаточно одной ночи, чтобы человек стал иным.

Тяжелые, сумрачные сутки... Сколько передумано, взвешено, сколько позади сожжено мостов, сколько переоценено ценностей!

И все-таки — светлые. Как на рассвете, когда сереет тьма и в комнате начинают неясно проступать силуэты вещей, обретая затем детали и форму. Я начал видеть себя со стороны, чужим взглядом.

Нет, виновен не заяц. Там, у подходов к Шаманихе, я сам перебежал себе дорогу. Рано или поздно это должно было случиться.

«В чем дело?» — думал я. Все меня считали способным малым, не обидела судьба и другими данными, люди щедро дарили меня своим участием, любовью, заботами, все в жизни мне давалось легко, а жизнь все-таки не получалась. Не было в ней изюминки, не было той светлой радости от содеянного тобой, которую я видел у других людей — даже менее даровитых и менее удачливых.

Вот Иван Назарович. Уже тридцать лет подряд он ежедневно уходит рано утром в свою спецшколу, чтобы учить грамоте глухонемых от рождения детей. Представляю, как это трудно! Зарплата его невысока, ходить на работу ему далеко. Я знаю, он блестящий математик, ему не раз предлагали хорошее место, но он неизменно отказывался. Он доволен жизнью, глаза его лучатся теплом и любовью, когда он говорит о своих воспитанниках: о том, что какой-то Вася, закончивший школу несколько лет назад, теперь заведует цехом в какой-то мастерской, а какая-то Маша замечательно рисует.

Вот телятница тетя Поля, которую я видел в деревне, когда ездили в колхоз убирать картошку. С какой любовью она возится со своими питомцами, ухаживая за ними, как за своими детьми! Какую радость она находит в этой невидной работе?

Почему довольны своей работой Иван Назарович и тетя Поля? Ведь они дают людям больше, чем получают от них.

А может, в этом-то и дело? Может быть, именно потому, что я больше заботился о себе, о радости и пользе для себя, — эта радость была непрочной и недолговечной?

Я жил в коллективе, но не с коллективом и не для коллектива. Мои туристские «подвиги» тоже были нужны только мне и не приносили никому ни пользы, ни радости. Подвиг стал для меня самоцелью.

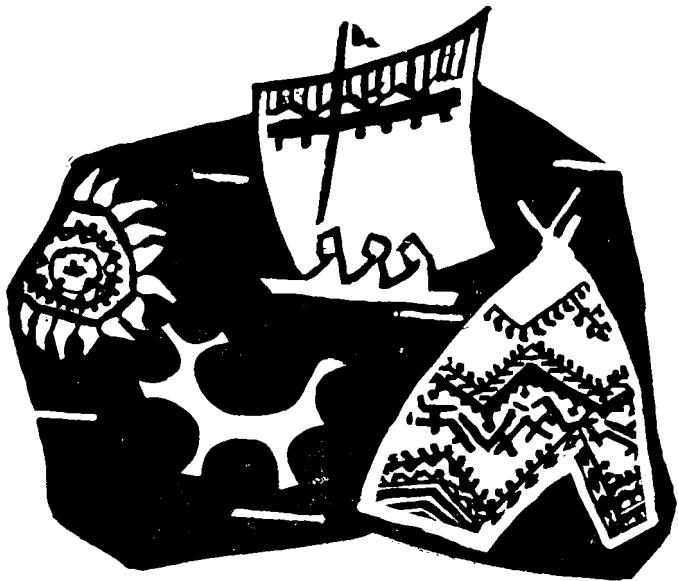
И вот итог. Я даже не подумал о том, что моя судьба может беспокоить ребят, что меня — соперника — они пойдут выручать, рискуя жизнью.

Но что же мне делать теперь, когда я знаю все, когда увидел себя в истинном свете?

Стиснуть зубы и начать жить по-новому! Начать «по капле выдавливать из себя раба», как сказал Чехов. Раба своего «я», раба славы и эффекта. Пока не поздно, пока болезнь не загнана внутрь и не стала неизлечимой. Северные народности Урала получают честного историка!

Пусть приходит брат Тимофея — я смогу теперь смотреть ему в глаза. Вместе с тетрадью брата он получит и эту тетрадь, мою исповедь.

Тетрадь
ш е с т а я

ЗАПИСКИ ТИМОФЕЯ ЛЕБЕДЕВА

В 1620 году шведский путешественник Петр Петрей де Эрлезунд писал: «...Ей приносили в жертву черных соболей и куниц, а также убивали диких зверей и мазали их кровью ее рот и глаза. Жрецы спрашивали ее о будущем, и она давала ответы, подобно дельфийскому оракулу». В XVII веке это, кажется, единственное свидетельство о Золотой Бабе. Поэтому я искал его особенно настойчиво. Оказалось — зря: ничего нового по сравнению с предыдущими он не добавил.

Впрочем, это тоже важно — узнать, что ничего нового он не добавил. Это дает простор для дальнейших размышлений и выводов.

* * *

Но пора сделать кое-какие обобщения. Переворочено изрядное количество книг и журналов, накопилась толстая тетрадь выписок. Однако все это сырье, руда, из которой надо выплавить металл — выводы. Установить главное — есть ли во всем этом что-либо полезное для сегодняшнего дня. Иначе эта Баба, будь она не только золотой, а даже брильянтовой, мне не нужна.

Вспоминаю сейчас, как я связался с ней.

Когда я проходил институтскую практику в леспромхозе на Северном Урале, старик, работавший сторожем на шпалорезке, рассказал как-то собравшимся на перекур ребятам одну историю.

— Живет тут у них в лесах Золотая Баба. Только где она, никто не знает. И какая она — тоже никто не видывал. Еще когда Ермак пошел на Сибирь, унесли ее вогулы — спасать. Кто говорит — в низовье Оби, кто — на Конду, а кто заверяет — здесь осталась. Только схоронили крепко. Молились ей когда-то, давно очень, а потом, видать, забыли. Нынешние-

то манси, вогулы по-старому, мало кто и знает, поди, о ней. А дед мой рассказывал: помнили старики, что была когда-то здесь такая. Потом уж другим богам стали молиться, а теперь и совсем никому. А Баба, я думаю, здесь где-то. Чего бы им так далеко тащить ее — на Обь там или на Конду? И здесь так упрятать можно, что никакой черт не найдет. Шаманы, которые прятали, померли, а другой никто не знает. Вот и потеряли ее.

Шпалорезчики, разморенные теплом сторожки, лениво посасывали «Север», слушали старика с интересом, но и не без доли недоверия. Даже вопросов лишних не задали — выслушали как обычную байку: не любо — не слушай, а врать не мешай.

Мне это тоже показалось сказкой, таежной легендой, каких немало ходит в этих краях. Но я был очень удивлен, когда, вернувшись домой, однажды встретил упоминание о Золотой Бабе в научной литературе. Оказывается, она известна еще с XI века. Значит, легенда, которую рассказал сторож шпалорезки, имела под собой что-то реальное! Может быть, он прав и в том, что Золотая Баба до сих пор стоит забытая где-то в уральской тайге? И если это такой древний идол, то он, наверное, будет очень интересен для науки.

Но где ее искать? Конечно, прежде всего — в книгах. Какая она была, кто ее видел, где, когда? Знакомство с литературой отняло у меня почти целый год. Теперь пришла пора попытаться систематизировать все сведения. Это поможет ответить и на главный вопрос — стоит ли ее искать.

Какая она?

Трудно представить себе что-нибудь более противоречивое, чем сведения о Золотой Бабе, скопившиеся почти за целое тысячелетие. Особенно — о внешнем виде ее.

Была ли Золотая Баба золотой? Может быть, она была каменной, деревянной, медной, серебряной? Мало ли почему ее могли называть Золотой!

В самом деле, почему бы ей не быть, например, каменной?

Вспомним, что первое русское известие о Золотой Бабе — в Софийской летописи — тоже говорило о камне: «...Молящиеся идолом... и камню, и Золотой Бабе...» Может быть, Золотая Баба была лишь одним из священных камней?

Гваньини свидетельствует без обиняков: «Истукан, *высеченный из камня*». Флетчер — «скала, которая от природы имеет вид женщины». Вот и Герберштейн, со слов русского толмача Григория Истома, упоминал о священных камнях-утесах на берегах северных русских морей. Венгерский путешественник Регули приводил данные о священной горе на притоке Печоры Щугоре. Гору называли Не-Пуби (или, по-ненецки, Нье-Хэге), что значит женский кумир. Русский этнограф Иславин описывал камень Неве-Хэгэ, т. е. Мать Болванов. Каменных идолов встречали на Конде и на Оби.

Почему бы ей не быть и *деревянной*?

Деревянных идолов у северных народностей было множество. И не случайно: материал всегда под рукой, обработка доступна примитивным инструментам.

Идолов изготавливали сотнями. Кто только из путешественников не описывал их! О деревянных идолах в Биармии сообщают норвежские саги. Английскому мореплавателю Степану Борро северный промышленник Лошек (Ложкин?) в 1556 году показывал где-то на острове кучу идолов «числом около 300». Они изображали мужчин, женщин и детей. Где-то у северных берегов России француз Мартиньер в 1647 году видел «обрубленные древесные стволы, на которых грубым рельефом была вырезана фигура человека». Он же добавлял, что «в этих идолах входит дьявол и произносит свои предсказания». Предсказания! Золотая Баба тоже занималась этим делом.

Уже упоминавшийся выше Иславин говорил о «древнейшем и знаменитейшем идоле... седмиличном (?), деревянном», которого в 1727 году сожгли миссионеры. Вместе со «Стариком» (так звали идола) тогда же сожгли около 400 деревянных истуканов.

Множество деревянных идолов уничтожал по Оби и ее притокам тобольский митрополит Филофей, о чем свидетельствует его сподвижник по «крещению инородцев» Григорий Новицкий.

Он же описывает найденного в Шоркоровских юр-

тах кумира: *«Бе... изсечен из дерева на подобие чело-
вече, сребрен, имеющ лице: сей действием сатаниным
проглагола бездушный и предвозвести находящее себе
близь разорение...»* Проглагола! И этот говорил и пред-
сказывал! Отчего бы и ему не быть названным Золо-
той Бабой?

Путешественник П. П. Инфантьев в 1910 году опи-
сал виденного в Печерах-Пауле деревянного идола
Чангва-еква, изображавшего женщину. Женщину! Бабу
(простите за выражение)!

Но, может быть, и не каменная и не деревянная, а
еще *какая-нибудь*?

Немецкий ученый Г. Михов, собравший сведения
о Золотой Бабе, в своей книге, изданной в Гамбурге
в 1884 году, предполагал, что она была «сделанной из
глины и позолоченной статуей».

Стоит вспомнить, что еще в XV веке (около 1480
года) римский историк Юлий Помпоний Лэт (по про-
званию Сабина) в своих лекциях упоминал: *«Угры
приходили вместе с готами в Рим и участвовали в раз-
громе его Аларихом... На обратном пути часть их
(угричей) осела в Паннонии и образовала там могущест-
венное государство, часть вернулась на родину, к Ледо-
витому океану, и до сих пор имеет какие-то медные ста-
туи, принесенные из Рима, которым поклоняются как
божествам».*

Позднейшими исследованиями ученых подтвержде-
но: да, современные ханты и манси — ближайшие братья
венгров. У них и в языке много общего. Так что изве-
стие Лэта об унесенных к берегам Ледовитого океана
медных статуях тоже может быть правдой. И не стала ли
одна из них тем самым идиолом, который потом получил
имя — Золотая Баба!

А что? Среди известных нам древнеримских скульп-
тур немало таких, которые чем-то напоминают описания
и изображения Золотой Бабы. Взять, например, статую
Августа из Прима Порта. Одежда — похожа на жен-
скую, в руке — копье, у ног ребенок (амур?). А статуя
римлянина из дворца «Палаццо Барберини» с портре-
тами предков в руках? Достаточно бегло взглянуть на нее,
чтобы убедиться, как легко принять ее за женскую фи-
гуру с детьми. Это — взятые наугад две статуи; а сколь-
ко можно найти еще более похожих, если изучить аль-

бомы всех сохранившихся скульптур — римских, греческих, египетских, восточных!

— А может, она была *серебряная*?

Закамская сторона издавна славилась обилием серебра, вернее изделий из него, хотя на Урале серебряных руд почти нет. До сих пор находят в земле искусной работы блюда, кубки, броши, браслеты и другие украшения, которые когда-то, очевидно, массой шли на Урал в обмен на пушнину.

О богатстве Биармии серебром знали скандинавы.

Летописи свидетельствуют, что югричи платили Новгороду дань, кроме пушнины, еще и серебром.

Археологи утверждают: «На территории Пермской области найдено больше половины всех известных в мире иранских серебряных изделий».

Почему так? Как и все в мире, это тоже имеет свое объяснение. В III—VII веках нашей эры далеко шла слава о золотых и серебряных дел мастерах богатого и могучего государства Сасанидов, существовавшего на территории современного Ирана. По всему Ближнему Востоку расходились их изделия: литая и чеканная золотая и серебряная посуда, утварь, украшения. Прихотливый растительный и животный орнамент, живые, полные движения и изящества сцены охоты, фантастические сюжеты на блюдах, чашах, ковшах и кувшинах до сих пор изумляют богатством композиции, точностью рисунка, мастерством деталей.

Арабы, завоевавшие в VII—VIII веках Ближний Восток, положили конец династии Сасанидов и искусству ее мастеров. Мусульманская религия, которую принесли с собой арабы и которая стала господствующей, не разрешала изображать людей и животных. Бытовые изделия и украшения обрели новую форму, на блюдах и чашах появились новые мотивы — разнообразный, но скучный своей сухостью геометрический орнамент, затейливая вязь цитат из Корана.

А как же быть со старой посудой, которой за несколько веков правления Сасанидов накопилось изрядно?

Ее пришлось сбывать на сторону. К приятному удивлению ближневосточных торговцев, греховные изделия стали охотно брать северные племена. Жрецы всевозможных богов и боженят быстро смекнули, что богатые

поделки из неизвестного здесь блестящего металла с изображениями людей и животных незнакомого, фантастического облика можно удачно использовать в культовых целях. Приколотил блестящее блюдо на дерево — считай, что это символ солнца, и поклоняйся ему. Мелкие изделия можно положить в амбар к идолу и тем самым возвеличить его богатство, а значит, и уважение к нему.

Еще две-три сотни лет назад в иных амбарах находили десятки пудов старого серебра в изделиях.

Между прочим, это пристрастие к серебру не раз использовали разные пройдохи и мошенники. Даже в близкие к нам времена на Севере выгодно сбывали краденую церковную посуду. Иные просто делали ее сами. Сообщают, что в Тобольске в прошлом веке жил «один поляк Р.», который тайно имел специальную мастерскую для изготовления подобных изделий и весьма небезвыгодно сбывал их шаманам.

Когда типов, подобных «одному поляку Р.» не оказывалось, шаманы отливали изделия сами.

Наш уралец писатель-путешественник К. Д. Носилов, отдавший много лет жизни изучению Северного Урала, в одном из очерков, написанных в начале нашего века, сообщает о серебряном идолу: «Она не здесь, — рассказывал вогул, — но мы ее знаем. Она тогда же (с приходом русских) через наши леса была перенесена верными людьми на Обь; где она теперь, у остяков ли, где в Кызыме, у самоедов ли где в Тазу, я точно не знаю, но с той поры, как она здесь была, у нас остался с нее слиток — «Серебряная Баба», которая до сих пор хранится у одного вогула в самой вершине нашей реки (Конды).

— Ты ее видел, дедушка?

— Не раз, не два видел на своем веку, — ответил Савва.

— Какая же она?

— Серебряная...

— На кого походит? Как сделана?

— На бабу походит, бабой и сделана.

— Одета?

— Нет, голая... Голая баба — и только. Сидит. Нос есть, глаза, губы, все есть, все сделано, как быть бабе...

— Большая?

— Нет, маленькая, всего с четверть, но тяжелая такая, литая; по Золотой Бабе ее и лили в старое время; положили ту в песок с глиной, закопали в землю, растопили серебра ковши и вылили и обделали, и вот она и живет.

— Где же она у этого ямнельского вогула хранится?

— В юрте хранится, в переднем углу. Как зайдешь к нему в юрту, у него в переднем углу полочка небольшая сделана, занавесочкой закрыта, за ней в ящике старом она и сидит. Как откроешь ящик — и увидишь ее на собольей шкурке.

— Что же ей приносят?

— Большие шелковые платки, потом серебро она любит, шкурки дорогие.

— Куда же это все после идет?

— На нее идет, серебро кладут в ящик, шкурки стелют под нее; платками ее закрывают, окутывают...»

Значит, идол был золотым, а копии его — серебряными?! Но, может быть, собеседник Носилова сочинил все это?

Однако примерно в те же годы о серебряном женском идоле, находящемся в Юмнель-Пауле, сообщал этнограф П. П. Инфантьев. Составитель остяцкого словаря Х. Паасонен тоже слышал от одного местного жителя о серебряном божке, величиною с фут, хранившемся в специальном амбаре у верховного жреца в Нахрачах.

И Оронтур-Пауль, и Юмнель-Пауль, и Нахрачи — это все один район в бассейне Конды.

Возможно, следовательно, что первоначальный идол был золотым.

Промелькнуло же лет сто назад в одном из изданий Русского географического общества сообщение о каком-то золотом идоле в пещере в верховьях Сосьвы. Не туда ли унесли его жрецы?

Но кто возьмется утверждать это наверняка?

Кто ее видел?

Чем же объяснить, что сведения о Золотой Бабе столь противоречивы? Уж не тем ли, что ее никто не видел?

Вот одно из первых свидетельств — барона Герберштейна, —относящееся к 1549 году: *«Не мог указать ничего, наверное, от какого-нибудь такого человека, который видел бы это собственными глазами».*

А вот одно из последних. Ипполит Завалишин в своем «Описании Западной Сибири», вышедшем в 1860-х годах, писал: *«Внешний вид и устройство его (идола) неизвестны были и самим обоготворявшим. Постоянно охраняемая двумя стражами в красных одеждах, с копьями в руках, его кумирня была закрыта для вогулов. Один только старейший и главный шаман имел право входить в кумирню».*

В промежутке между этими так далеко отстоящими друг от друга сведениями — та же картина: среди людей, описывавших Золотую Бабу, нет ни одного, кто бы видел идола своими глазами. Больше того, ни один из них не говорит о том, что рассказывает со слов людей, лично видевших Золотую Бабу.

Значит, рассказы о ней получены даже не из вторых или третьих, а не ближе чем из четвертых-пятых рук. Как они, эти рассказы, обрастали при этом домыслами, можно только догадываться, вспоминая детскую игру в глухие телефоны.

Это — рассказы. Еще хуже — с изображениями. Авторы их действовали каждый по своему разумению, отталкиваясь только от немногословного и туманного описания.

Достаточно посмотреть, как, отталкиваясь от одной строчки Меховского, художник, «разделявавший» карту Олая Магнуса, изобразил на ней тюленей. Меховский, сам никогда не видевший тюленей, но слышавший о них, назвал тюленей морскими собаками. Художник же, не имевший перед собой ничего другого, кроме этой одной строчки, изобразил на рисунке плавающих в океане и разгуливающих по льдам огромных собак, похожих одновременно и на тигров. Так рождались изображения, еще более затруднявшие познание истины.

Стоит взглянуть также и на изображение Золотой Бабы, приложенное к «Космографии» Андре Тевэ и полученное им якобы от одного поляка, с которым он встретился в Турции. Не говоря уже о самом идоле, похожем скорее на католическую мадонну, — природа, строения и прочее на рисунке не оставляют сомнения в

источнике, которым пользовался художник,— все это явно европейское.

Конечно, вполне возможно, что было время, когда доступ к Золотой Бабе (если она существовала) был свободнее, чем впоследствии, что ее могли видеть многие. Если она и охранялась, то не более чем всякая другая святыня в любой другой стране. Но эти очевидцы, к сожалению, не оставили свидетельств.

Зато строки из Софийской летописи по случаю кончины епископа Стефана Пермского, жившего «посреде неверных человек», молящихся Золотой Бабе, можно понять как свидетельство того, что ей в то время поклонялись, невзирая на запрещения миссионеров. То же самое можно понять и из послания митрополита Симона «великопермскому князю Матвею Михайловичу и всем пермичам большим людям и меньшим». В гневном послании митрополит московский и всея Руси пробирал пермичей и их князя за поклонение Золотой Бабе и болвану Войпелю. Очевидно, пермичи не обращали внимания на угрозы издалика — москвиты еще не очень прочно стояли на Каме.

А Матвей Меховский, краковский профессор медицины? По его словам, «никто проходящий поблизости... не минует ее», то есть Золотую Бабу. Никто! Значит, даже обязаны были знать о том, где Золотая Баба, обязаны были побывать у нее.

Последующие описатели: Дженкинсон, Бельфоре, Гваньини, Петрей — все они сообщают о поклонении не заочном, а в общении с идолом — с жертвами, гаданием, беседами с оракулом.

Даже на рисунках у А. Вида, А. Тевэ, С. Мюнстера, на карте Неизвестного — около Золотой Бабы изображены молящиеся. Правда, это могло быть фантазией художника, однако... Однако именно этот момент — *общий* для всех, очень разнохарактерных, изображений Золотой Бабы!

Доверчивость, бывшая неотъемлемой чертой мирного маленького лесного народа, со временем могла смениться настороженностью. Погоня за Золотой Бабой любителей наживы, охота на нее церковников вынудили, в конце концов, хранить местопребывание идола в тайне — сначала от чужих, а потом даже и от своих: ведь среди своих тоже могут быть предатели.

Вот и оказалось, что о Золотой Бабе все знали только понаслышке. А в этом случае как не заподозришь в каждом из описаний возможность преувеличений.

К тому же уж очень мало знали в те времена в Европе о странах и народах на северо-востоке Русского государства. Недостаток знаний восполняли выдумками. *«Этим рассказам, как видно, верили до тех пор, пока русские не стали крепкою ногою в Сибири и не дали знать миру, что тут живут тоже люди, со всеми принадлежностями человеческой породы, отличающиеся от других только языком и образом жизни»*, — писал один ученый.

Недостаток знаний, так сказать, первооснова возникновения сказочных вымыслов. А причины в каждом отдельном случае могли быть разные.

Люди торговые — стремились устранить конкурентов описанием ужасов и трудностей. Люди ратные — не лишали себя удовольствия иногда похвастать своими доблестями, хотя бы и вымышленными. В их рассказах противник и условия сражений всегда страшнее, чем они были на самом деле.

Были, конечно, и просто некритичные люди, воспринимавшие как действительность местные предания, а также и такие, про которых обычно говорят: «у страха глаза велики». Людей, способных преувеличивать виденное и слышанное, способных давать ему иное, фантастическое толкование, на земле всегда хватало.

И хотя какое-то зерно правды всегда можно найти в любых, самых диковинных вымыслах — как трудно отделить правду от вымысла!

Подноготная сказок

Но, бывало, люди пытались вылущить зерно истины из подобных сказок. И небезуспешно.

У известного географа, археолога и этнографа академика Д. Н. Анучина есть интереснейший труд под названием «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака», где он, кстати говоря, много места уделит и Золотой Бабе. Труд этот посвящен разбору древнего рус-

ского памятника письменности — «Сказания о человецех незнаемых в восточной стране». Очень остроумно и дельно Анучин доказывает, каким путем многие реальные факты обрести домислами, превращаясь в нечто совершенно невероятное.

«Многие известия его (Сказания), — пишет он, — совершенно согласны с действительностью, другие вероятны или возможны, третьи основаны тоже, очевидно, на действительных, хотя и преувеличенных или неверно понятых фактах, и только некоторые — представляются явно мифическими, но и то едва ли придумывались нарочно, а скорее передающими ходившие между югрой и посещавшими их русскими поверья и рассказы».

Так, загадка описанных в «Сказании» полулюдей-полузверей, все тело которых покрыто волосами, объяснялась тем, что заезжие путники видели местных аборигенов в не знаемой ими доселе одежде из шкур мехом наружу.

Страшные своей фантастичностью «рты на темени» этих людей («коди ядят, они крошат рыбу и мясо да кладут под колпак или под шапку») тоже имеют свое простое объяснение: в малице, меховой одежде северных народов, сшитой вместе с капюшоном, отверстие для лица делалось так, что закрывало рот, оставляя открытыми только глаза; пищу приходилось засовывать внутрь, как бы поднося ко рту.

И уж совсем не трудно разгадать основу «свидетельства» «Сказания» о людях, умирающих на зиму и воскресающих летом, а также о таких, что живут и ходят под землей. Да, на часть долгой зимы, особенно на ее буранный период, когда передвижение по тундре становилось невозможным, северные народы жили под снегом, в занесенных «с головой» чумах, проделывая глубинные «ходы сообщения» между ними.

И уж если так просто и остроумно объяснимы такие фантастические байки, то, наверное, поддаются «расшифровке» и причудливые особенности Золотой Бабы?

Вот, скажем, прилагательное «золотая». В лексиконе древних манси и хантов такого слова не было. Вернее, быть-то оно было, но являлось многозначным. Как, например, у русских (да и многих славянских народов) слово «красный» обозначало не только цвет, но и каче-

ства (красная девица, красное крыльцо, красный угол, красный денек).

Маленькие лесные народы с примитивным запасом слов могли называть золотым все чем-то особенно ценное, важное, красивое, богатое. Да и у русских слово «золотой» употреблялось не только в приложении к вещам из золота — золотые руки, золотой человек, золотое слово, золотые уста. Почему бы не предположить, что имя Золотой Бабе дали именно русские и совсем не потому, что идол был из золота, а потому что около него, по слухам, хранились большие богатства (и притом не обязательно золотые)?

А инструменты с трубными звуками? Их объяснить тем легче, что авторы, приводившие эти слова, и сами уже кое-что пытались объяснить, высказать свои предположения.

Герберштейн: *«Я думаю, что это происходит от сильного непрерывного дуновения ветров в эти инструменты».*

Гваньини: *«Я сказал бы, что это ничто иное, как какие-либо инструменты, положенные здесь издревле или подземные каналы, так устроенные самой природой, что они при непрерывном дуновении ветров постоянно издают звон, рев и трубный звук».*

Что ж, история, пожалуй, знакомая — музыкально-вокально-шумовые фокусы были на вооружении у жрецов всех времен и народов. Тем более, что в этом им часто помогала сама природа. В одном из старых журналов я вычитал: «В акациевом лесу Африки ветер доносит до вас звуки флейты. Не стоит, однако, искать исполнителя среди птиц, животных или насекомых. Осмотрите внимательно ветку акации. Среди нежных листьев торчат твердые шипы. Они пронизаны отверстиями — это работа жуков-древоточцев. Легкий ветерок проходит по извилистым ходам и заставляет петь эту природную флейту».

Или еще. В Кызыл-кумах геологи обнаружили недавний «поющий лес». Когда-то это был могучий мангровый лес, а теперь от него остались пеньки — окаменевшие пустотелые столбы. «Когда зашумит ветер, то неожиданно, словно из-под земли, разносится могучая, удивительного тембра музыка», — пишет очевидец. Другой добавляет, что музыка походит на звуки труб.

Кроме поющих деревьев, давно известны поющие скалы. Природа щедро снабжала музыкой — сумей только использовать ее.

Жрецы разных богов давно научились использовать музыкальные шумы в своих целях. Вот что делалось, например, для приманки людей в храм за несколько веков до нашей эры в Сирии.

В статье Саларева «О золотой бабе, Северной богине», напечатанной в 1815 году в «Вестнике Европы» — журнале, «составляемом Михаилом Каченовским», есть такие строки о сирийской богине Атергатис: *«Северные народы под своею богинею Бабою почитали ту самую, которая у восточных народов известна была под названием Сирийской, означавшей землю. Я приведу на сие следующие доказательства.*

1. Храм Сирийской богини находился в Гиерополисе и Лукианово, описание чрезмерного его богатства весьма сходно с описанием богатства храма Золотой Бабы; во храме Бабы скрывалось множество музыкальных инструментов, которыми жрецы производили шум и приписывали его самой богине; во храме Сирийском слышен был также подобный шум...»

Что же касается слов Клемента Адамса о прорицаниях идола, то не кроется ли секрет в таком простом фокусе, как эхо?

Вот что пишет один из путешественников по Северу, кажется, К. Д. Носилов:

«Можно видеть, как, плывя на лодке мимо священного мыса, остяки неожиданно кидают, словно по команде, свои весла и поднимают крик зычным диким голосом, словно взывая к божеству, спрятанному где-то против этого места, прося его помощи, покровительства».

Дело, конечно, не в том, что ответит эхо, а в том — как истолкует его жрец. Можно ведь и вопрос задать так, что эхо даст нужный ответ. Вспомним-ка детскую игру:

— Сколько раз придем опять? — кричат ребята у опушки.

— Пя-а-ать! — отвечает лес.

— Кто украл хомуты? — забавляются озорники, зная, что услышат в ответ:

— Ты-ы!

Разве не могли задавать подобные же вопросы жре-

цы богини, чтобы получить от нее заранее ожидаемый ответ?

Что касается другой «странности» идола в образе женщины, а именно, что «она держит в утробе сына, да и не одного», то и этому может быть найдено несколько простых истолкований.

Во-первых, большинство-то сведений говорит об одном ребенке на коленях и о другом — у ног (об «утробе» пишет, кажется, один лишь Герберштейн). В таком случае Золотая Баба похожа почти на любую скульптуру христианской мадонны с сыном на коленях и с ангелочком у ног.

А во-вторых, если даже взять описание Герберштейна за самое достоверное, то и оно может оказаться не таким уж крепким орешком. Я беру книгу путешественника-этнографа Владимира Иславина «Самоеды в домашнем и общественном быту», изданную в Петербурге в 1847 году. И нахожу там: «...посреди самого острова Вайгача находится камень по имени Неве-Хэге, т. е. Мать болванов и назван потому, что к нему бросают разные монеты, ружья, топоры, ножи, пуговицы и т. д. и что у него, как у матери, все это хранится в утробе».

Но ведь кроме монет и пуговиц так внутри статуи можно хранить и маленького идола, а если надо, то и двух!

Меня, кроме того, сильно взволновала одна неожиданная находка. К Веньке, нашему однокурснику, приехал гость — дядя, работник какого-то советского учреждения в Румынии. Привез ему кучу альбомов и открыток. Среди них я увидел одну картинку... Как будто что-то кольнуло меня, когда я дошел до нее.

Деревянная статуя изображает сидящую на стуле женщину. На левой ноге ее сидит девочка. А у той — тоже на левой ноге — еще ребенок, скорее всего мальчик. Это же прямая иллюстрация ко многим описаниям Золотой Бабы!

Конечно, я полез к Венькиному дядьке с расспросами. Но он мало что мог сообщить. Сказал лишь, что видел статую в древнем замке Бран, близ города Брашова, в музее средневекового искусства и быта. До войны замок служил летней резиденцией королевской семье. Вещи там собирались с незапамятных лет, многие сохранились еще со времен постройки замка, с XIV века.

Я тут же в связи с этим вспомнил, что в Румынии и сейчас много венгров, а замок Бран находится на границе, некогда разделявшей венгров и румын. А что если подобную же скульптуру (возможно, бронзовую) унесли с собой на Урал предки современных венгров, ходившие с Аларихом в Рим?

Заманчивое предположение! Но, увы, кроме этого, пусть весьма важного подозрения, никаких доказательств мне добыть не удалось.

А хотелось бы. Уж очень интересная родственница обнаруживается у Золотой Бабы.

О родственниках

Кстати — о «родственниках» Золотой Бабы. Если верить всем исследователям, то их у нее великое множество. Тут и *Иомала* (*Юмала*) древних скандинавских саг, и древнеславянская богиня *Сива*, и вогульская *Куальтысь-Сан-торум*, и зырянская *Зарни-Ань*, и древнеиндийское божество подземного мира *Иома*, и пермская *Кылдысин*, и тибетская (и китайская тоже) богиня бессмертия *Гуань-ин*, и древнегреческая *Артемид*, и фригийская *Кибела*, и скифские «Каменные бабы»... Отталкиваясь от наружного сходства (по описаниям) зачисляли в родственники даже Будду.

Конечно, она похожа на многих, но...

Когда я читал эти изыскания, меня не оставляла одна мысль. Вернее — цепочка мыслей.

Эти поиски родственников Золотой Бабы, может, и имеют какое-то значение для истории разных религий, для понимания взаимосвязи их, но едва ли прибавляют что-то к истории самого идола, о котором идет речь. Сходные черты в культе, в обрядах, в созвучии имен и даже во внешнем виде идола еще ни о чем не говорят.

Один ученый, Н. С. Трубецкой, в статье «К вопросу о Золотой Бабе» еще в 1906 году очень точно, по моему, сказал, что Золотая Баба — «это одна из широко распространенных у разных народов типов богини — покровительницы человеческого рода, заведующей его размножением и судьбою отдельных людей и покровительствующей главным занятиям того народа, который поклоняется ей».

Ясно, например, почему именно было много богинь-женщин. Это же наследство матриархата, стадию которого прошли, кажется, все народы. И поэтому у каждого народа была и богиня.

Археологи, открывшие и описавшие так называемую Ананьинскую культуру на Урале (VII—III века до н. э.), пришли к выводу, что ананьинское население почитало древнее божество — владычицу зверей и хранительницу домашнего очага. Они нашли глиняные статуэтки женщины.

На Гляденовском кострище (II в. до н. э. — III в. н. э.), которое вероятнее всего было когда-то жертвенным местом, археологи тоже нашли много свидетельств культа прародительницы рода — так называемые вотивные жертвенные фигурки, частью литые.

Значит, и в этих краях у древних предков нынешних северных народов тоже существовал культ женщины-матери.

Полез я в энциклопедию. Нашел слово «религия». Читаю: «Религия — одна из форм общественного сознания, искаженное фантастическое отражение в сознании людей господствующих над ними природных и общественных сил».

Ага, значит, если у кого «господствующие силы» общие, значит и в религиях у них тоже может быть что-то общее! Скотоводы поклонялись коню, быку, лосю — у кого какой зверь больше ценится — или приносили их в жертву. Жившие в лесах молились дереву, в горах — скалам.

Но искать общее в религиозных верованиях и обрядах у народов, живших в разные эпохи истории, — дело скользкое.

В той же статье энциклопедии есть и такие строки: «религиозные взгляды и соответствующие им учрежде-

ния изменяются в зависимости от изменения условий жизни общества, они преходящие и существуют только в определенных исторических условиях».

Все правильно. Все так, как надо мне! Изменились условия, изменилась жизнь — изменилась как-то и религия. Как же в этом случае можно приписывать вогулам, скажем, X—XII веков, что они исповедовали культ тибетско-китайской богини первых веков нашей эры, как это пытаются сделать те, кто утверждает, что Золотая Баба — это Гуань-ин? Идол и культ — вещи разные. Идола можно перенести из одного места в другое, от одного народа к другому, и он станет там новым идолом с новыми функциями. Обличье то же, а вера другая.

А религию так можно перенести от народа к народу только насильно. Мало ли русские миссионеры снабжали вогул, остяков, самоедов и зырян иконами — что-то не видно было у них в чумах или на мольбищах этого добра: не тот тип бога, который нравился этим народам, был им привычен, соответствовал их религии. Статую же мадонны могли взять и обоготворить — она подходит на вырезанных из дерева идолов.

Вот такое «родство» с Золотой Бабой надо искать. Это принесет больше пользы, так как может объяснить многое.

И уж ни в коем случае нельзя считать близкими родственницами Золотой Бабы «каменных баб». Конечно, недалекому человеку так рассуждать легче всего: и там и тут «баба». Но ведь коса сенокосная и морская коса — не одно и то же.

Те каменные изваяния, что во множестве находили и находят на широкой — чуть не в полмира — полосе, тянувшейся от Галиции и Пруссии на Западе до Дальней Сибири на Востоке (отдельные находки зафиксированы во Франции и даже в Англии) — это то, да не то.

О происхождении и значении каменных баб много гадали. Литература о них — необъятна. Им приписывали много ролей, от роли надгробных памятников (как следствие культа предков) до роли... указателей на дорогах. Но никто не видел в них идолов какого-то божества. И недаром находки каменных баб, датируемых от глубокой древности (V—IV века до н. э.) до позднего средневековья (чуть ли не XIII—XIV вв.), принадлежат

многим и многим народам — от скифов и половцев до славян и тюрков, многим эпохам — от скифской до позднекочевнической. Известны даже изваяния, относящиеся к археологической эпохе бронзы.

Попадали какими-то путями иногда каменные бабы и на север Урала.

В Серовский краеведческий музей однажды принесли старинную фотографию. На ней среди отвалов породы и остатков каких-то построек запечатлено каменное изваяние человеческого тела со скрещенными на поясе руками. Головы у изваяния нет — то ли фотограф не сумел поймать ее в кадр, то ли ее не было совсем. Сомнений не было — на снимке красовалась каменная баба. Но как она попала на самый север Свердловской области? Старожилы вспомнили, что в начале нашего века в Богословском горном округе при разработке какого-то рудника обнаружили невиданную прежде в этих краях скульптуру. А как она попала сюда, куда девалась потом, установить никто не мог. Так этот снимок и остался загадкой.

Нет, каменная баба — совсем даже не родственница своей Золотой тезке!

Недаром на подобные предположения так обрушился в свое время русский ученый — ориенталист (знаток Востока) Н. И. Веселовский в статье «Мнимые каменные бабы», напечатанной в 1905 г. в «Вестнике археологии и истории» (вып. XVII), категорически заявляя: *«Что же, спрашивается, есть в этом обдорском идоле общего с каменными бабами? Решительно ничего».*

И я тоже думаю — решительно ничего!

* * *

Что же все-таки известно о Золотой Бабе достоверного? А, пожалуй, ничего.

Что идол существовал и существует? Никто не взялся бы утверждать это ценой собственной головы. Да и был ли идол один или было несколько — все это неизвестно.

Что он был где-то на Северном Урале? Но где именно — никто за тысячелетие не сказал точно.

Что он был золотым? А может быть, это только имя идола — ведь никаких подтверждающих деталей никем не приводилось.

Обо всем остальном нечего и говорить: все это еще более противоречиво и неясно.

Может быть, все это и в самом деле только сказка — одна из тех, что во множестве ходили по миру о нашей стране в давние времена? Примечательно, что с ростом истинных представлений о северных землях, сообщения о Золотой Бабе исчезают со страниц географических сочинений. Еще более примечательно, что в «отписках» (отчетах) русских землепроходцев конца XVI — начала XVIII веков, этих основных документах тех лет, нет и намека на Золотую Бабу. А уж им ли было не знать!

Куда она исчезла? Не Ермак ли?..

А может, сообщения о Золотой Бабе исчезли потому, что исчезла она сама? Тогда — куда же она могла деваться?

Ну, деваться-то было куда.

Кто-то из историков на основании анализа норвежских саг высказал предположение, что капище Золотой Бабы разграбили древние скандинавы и увезли идола с собой.

Его могли захватить и новгородцы или москвиты в один из своих опустошительных походов. Захватить, разбить на куски, превратить в доступный сбыту драгоценный металл. Это же могло быть и позднее.

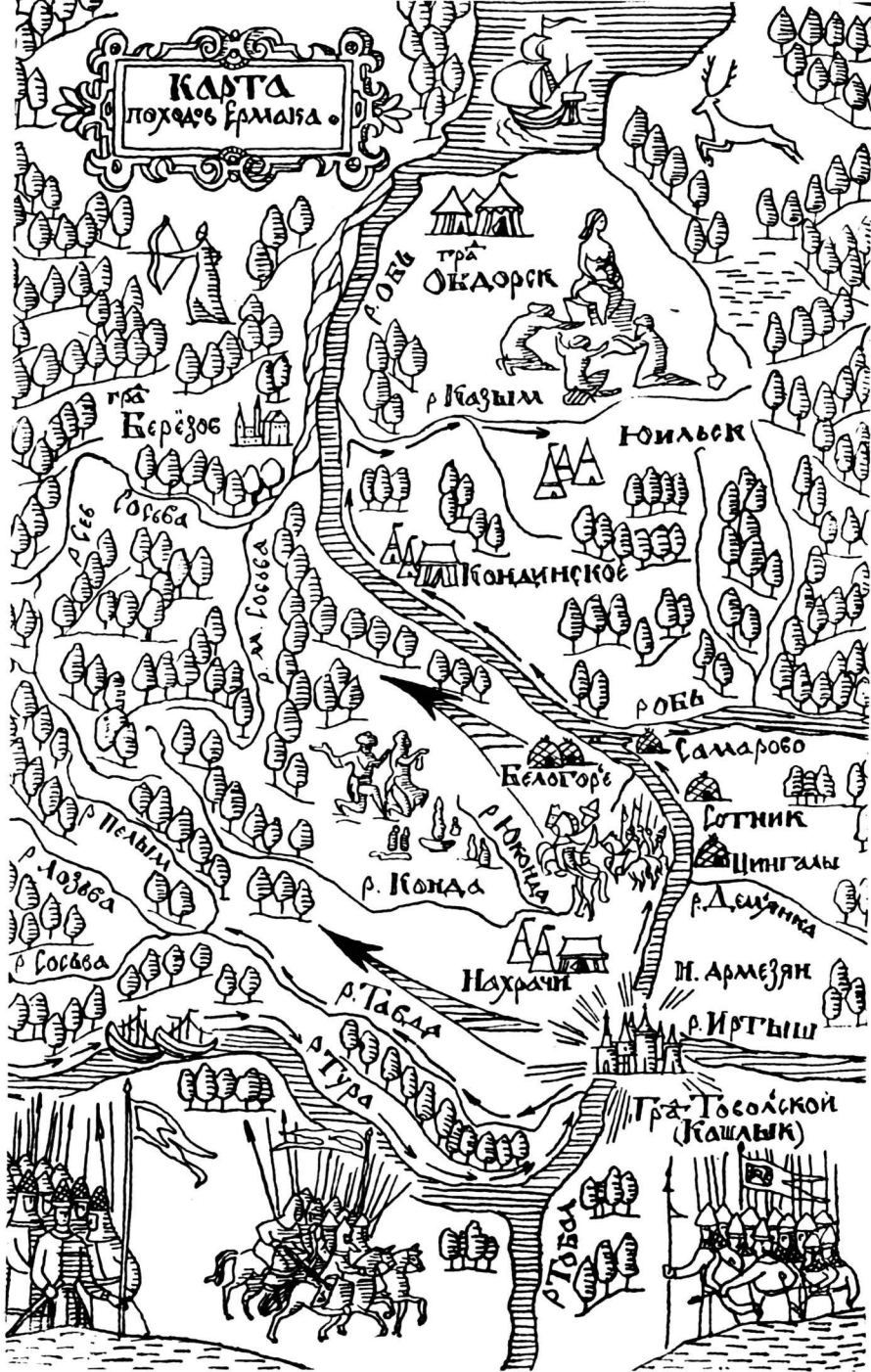
Может быть, во время одного из таких походов, когда были перебиты все, кто охранял идола и знал его местопребывание, идол так и остался где-то в непроходимых местах, не знаемый остальными, потерянный и забытый. Это же могло быть и позднее, в случае скоропостижной смерти хранителей.

А может быть...

* * *

К началу 1583 года дела Ермака шли неплохо. Осенью он без боя (решающие бои уже были позади) занял Кашлык — столицу Сибирского царства; коварный Кучум «бегаша на степь, в казачью орду»; главнокомандующий татар — любимый племянник хана — Махтум-кули был взят в плен; остяцкий князь «именем Бояр, со многими

КАРТА похода Ермала.

остяки», а за ним и мансийские князьки Суклей и Ишбердей пришли (добровольно) с дарами просить мира и покоя; посланный Ермаком атаман Иван Кольцо, пробравшись «волчьей тропой» в Москву, бил челом Сибирским царством грозному царю Ивану и, снискав его милости, вез герою похода жалованные государем два панциря, два кубка и шубу с царского плеча, а также обещание военной помощи.

Можно было отдохнуть, подлечить раны, пополнить запасы, укрепить городки в предвидении возможных битв. Однако Ермак занимается в это время отнюдь не такими приятными и легкими делами.

В начале марта, еще до того, как вскрылись реки, он посылает своего любимца пятидесятника Богдана Брязгу с отрядом казаков вниз по Иртышу.

Зачем? Летопись говорит: собирать ясак.

Летописи... Ох, и доставили они хлопот позднейшим исследователям, вынужденным докапываться, кому служил автор каждого такого «сказания»! Ибо только этим путем можно было выяснить, где он должен был соврать, а где — сказать правду.

Уж очень странно, что Ермаку захотелось в такой момент пополнить свои запасы соболей и белок, а не заняться подготовкой к будущим боям и голодным осадам — Кучум-то готовился к ним. И что-то уж слишком часто в описании похода Брязги встречаются имена преследуемых идолов и разоренных мольбищ!

Может быть, смекалистый атаман предвидел, что, захватив святыни, он легче привяжет к себе инородцев? А исключение этой силы из дальнейшей борьбы за Сибирь очень было необходимо Ермаку.

Пройдя вниз по Иртышу, Брязга взял Аремзянскую волость с ее укрепленным городком, разбил татар на Тургасском городище и, не задерживаясь, на конях, добрался до устья реки Демьянки, «до большого их сборного княжца Демаяна». А что было дальше — стоит послушать ученого немца Г. Ф. Миллера, состоявшего на русской службе при Академии наук и по ее поручению составившего в 1740-х годах первое научное описание истории Сибири. Для этого он переворошил все архивы сибирских городов и вывез оттуда — в оригиналах и в копиях — несколько возов ценнейших исторических документов.

Миллер писал: «Демьян, или Нимнян, собрал до 2000 человек остяков и вогулов, которые, вероятно, пришли с реки Конды. Он ожидал казаков с тем большей смелостью, что для обороны имел на горе большой и крепкий городок. Казакам было весьма трудно овладеть этим местом. В течение трех дней они упорно старались взять городок, но ничего не достигли... Брязга случайно узнал от татар, которые служили у него в обозе подводчиками, о причине упорства остяков. Среди татар был один чуваш, которого хан Кучум когда-то вывез из Казани; он часто бывал прежде среди остяков; по его словам, у них имеется идол, про которого остяки рассказывают, что он привезен к ним из России, где его почитали под именем Христа. Этот идол вылит из золота и сидит в чаше, в которую остяки наливают воду, и после того как они выпьют этой воды, они твердо верят, что с ними не может случиться никакого несчастья. Вероятно, это и является причиной их упорства. Он прибавил, что, если ему разрешат, он отправится к остякам и попытается украсть идола; во всяком случае, он надеется провести намерения остяков для того, чтобы казаки могли принять свои меры.

Это предложение было принято, и вечером того же дня чуваш был отпущен в городок к остякам под видом перебежчика. На следующее утро он опять был в казачьем лагере и принес следующее сообщение. Остяки находятся в большом страхе, они поставили идола на стол, а вокруг него жгут в особых чашах сало и серу. Сами же в великом множестве стоят и сидят перед столом и возносят идолу непрестанные молитвы, что и помешало чувашу украсть его. При этом они гадают — сдаваться ли им казакам, или продолжать сопротивление, и уже пришли к тому заключению, что лучше сдаться. После этого казаки с новой силой начали наступление, которое едва только началось, как большинство остяков и вогулов бежали из городка и рассеялись по своим юртам. Оставшиеся прекратили сопротивление, и казаки могли без особых усилий овладеть этим местом.

Нужно сказать, что после сдачи городка казаки искали идола, но нигде его не нашли. Если на этом основании рассказ об идоле считать за басню, то можно впасть в ошибку, потому что остяки легко могли скрыть свою святыню или перевезти ее в другое место. Как известно,

остяки еще в недавнее время, после того как их привели в христианскую веру, тщательно скрывали своих важнейших идолов, и спустя многие годы о них нельзя было получить какие бы то ни было известия. Что же касается того обстоятельства, будто бы упомянутый идол был привезен из России и что остяки его называли именем Христа, то, судя по описанному изображению его как сидящего в чаше, сообщение о происхождении его из России вызывает большие сомнения, и надо думать, что это добавление принадлежит составителю летописи».

Пожалуй, Миллер в своих сомнениях прав. Что-то не было известно до сих пор о золотых статуях Христа в русских церквях.

Но казаки искали идола после сдачи городка. Значит, именно он был зачем-то им нужен!

Мало того, дальнейшие остановки отряда Брязги тоже связаны со священными местами остяков и вогулов: «...Минован опустелое мольбище остяков — Рачево городище, поплыл до Цингалинских юрт и до Нарымского городка, что нынче Сотниковские юрты, где встретил женщин и детей, объятых страхом... Далее поплыл в Колпуховские волости... приплыл в Самарово...»

Но в Самарове (ныне Ханты-Мансийск) — одном из крупнейших остяцких городков, резиденции местного князька — Брязга долго не задержался. Уже через неделю отряд пристал у Белогорья. «*Ту бо у них мольбище большое*», — говорит летописец.

Опять мольбище! Но, может быть, казакам там нужно было что-нибудь иное? Обратимся опять к Миллеру: «Близость реки Оби позволила Брязге произвести разведки по ее берегам. Он дошел только до Белогорской волости, которая была первой от устья Иртыша вниз по течению... Как рассказывает летопись, там в древние времена было место поклонения некоей знаменитой богине, которая вместе с сыном восседала на стуле нагая. Ей остяки приносили часто жертвы и дары, за что она, оказывала им помощь на охоте, рыбной ловле и во всех их делах. Если кто-либо не исполнял данное ей обещание принести что-либо в жертву, то она до тех пор устрашала и мучила его, пока он не выполнял свое обещание. Если же кто-либо приносил ей дары не от доброго сердца, то он должен был ожидать внезапной смерти. Эта богиня, перед которой тогда как раз собралось множе-

ство народа, при приближении казаков приказала себя ухоронить, а самим осякам куда-либо спрятаться. Это было исполнено, и когда казаки высадились на берег, то они не нашли там ничего, кроме пустых юрт».

Как это все похоже на описание Золотой Бабы и у Меховского, и у Герберштейна, и у многих других! Может быть, это она и есть? Но Миллер не очень верит здесь летописи: *«Можно представить лежковерному летописцу верить в то, что он рассказывает про осяцкую богиню и что ни в какой мере не подтверждается последующими известиями. Некоторое сходство с этим рассказом имеет еще более древний рассказ про языческую богиню, державшую ребенка на коленях, которую почитали в низовьях реки Оби под именем «Златой Бабы». Я расспрашивал про нее тамошних осяков и самоедов, но ничего не узнал, и то, что нам сейчас рассказывают на реке Оби про Белогорского шайтана, совсем не похоже на вышеприведенный рассказ.*

Достоверно лишь то, что белогорские осяки имели знаменитого шайтана, от имени которого делал предсказания приставленный к нему шайтанщик. Вероятно также и то, что при приближении казаков шайтанщик тщательно укрыл свою святыню и посоветовал осякам также спрятаться от казаков».

А что же Брязга? Пошел, не задерживаясь, дальше? Ведь там — ниже по Оби — крупные осяцкие городки. Увы, нет! Как пишет тот же Миллер — *«Хотя Брязга не имел случая заняться распространением в этой местности русской власти, он все же пробыл там три дня».*

И только потом... повернул назад. Да, повернул назад, а не пошел вперед!

Зато едва успел вернуться отряд Брязги, как по его следам отправился сам Ермак Тимофеевич. Похоже, что он был недоволен результатами похода Брязги, увлекшегося погоней за идолами. Летопись говорит: *«Ехал вниз Иртыша реки, воевал Кодские городки, князей Алачевых с богатством взял, и все городки Кодские и Казымский городок со многим богатством князя их взял».*

Взглянув на карту, видишь, как далеко ушел Ермак по сравнению с Брязгой. Кодские городки — это село Кондинское на Оби, до которого Брязга так и не дошел. Казымский городок, он же Юильский, — при реке Казым. Это уже на параллели Березова — на 64-м градусе север-

ной широты. Ермак первый с юга пришел в те края, куда русские еще полтораста-двести лет назад добирались с севера. Он замкнул круг географических путей в Сибирь.

Но дальше он не пошел, в Казыме был крайний северный предел его предприятий.

Зато, вернувшись в Кашлык 20 июня, он уже через десять дней пошел в другую сторону — на юг и на запад. Поднявшись по Тоболу, он вошел в устье Тавды и двинулся вверх по ней, как бы охватывая в кольцо бассейн реки Конды — области иртышского левобережья, болотистые, озерные, густотаежные, а потому труднопроходимые. Паченка, Кошуки, Чандырь и Таборы — основные вогульские городки на Тавде — поклонились знамени Ермака. У устья Пелыма он повернул обратно: стоял уже октябрь, реки вот-вот покроются льдом. В ноябре — вероятно, уже не на стругах, а на конях — казаки вернулись в Кашлык.

Год для русских был удачливым. Но можно представить себе, каков он был для тех, кто охранял идолов! Золотая Баба, если она была в этом районе (или какой-то другой главный идол), вероятно, все время находилась в «походном состоянии», готовая к экстренному перенесению на новые места. Может быть, ее забросили где-нибудь в заказымских болотах? Или спрятали где-то поблизости?

А может, это она разлетелась вдребезги от пушки воеводы Мансурова во второе лето после гибели Ермака? Вот как об этом рассказывал Миллер: *«Множество остяков, живших на Иртыше и на Оби, подошли однажды к городку и целый день с такой силой наступали на него, что русские только с великим трудом могли их отразить. Хотя к ночи остяки и отступили, но на следующий день, еще до рассвета, они стали готовиться к новому, более сильному наступлению. Они принесли с собой своего знаменитого шайтана, которого белогорские остяки почитают больше всех других, поставили его в виду городка на дерево и приносили ему жертвы, прося его помощи для победы над русскими. Но благодаря этому шайтану русским удалось освободиться сразу от всех вражеских нападений. Мансуров велел навести на шайтана пушку, и когда он был разбит на мелкие куски, то этого было достаточно, чтобы рассеять толпы остяков, которые теперь ни на кого уже больше не могли наде-*

ятыся. Они отправились назад в свои юрты, а те, которые жили поблизости, через несколько дней вернулись к Мансуровскому зимовью с ясаком и поминками, прося установить с ними мирные отношения, чтобы им больше не опасаться русских».

Но, кто знает, может, это другой идол, так сказать заместитель его, а сам он пребывал в то время где-нибудь на Конде — единственной крупной реке, не освоенной Ермаком?

А может быть, виноват Филофей?

Сто с небольшим лет спустя за идолами народов, населявших бассейн Оби, открылась новая охота. Основная. Говоря языком нашего века — тотальная.

В 1702 году в Тобольск прибыл новый (десятый уже) митрополит тобольский и сибирский Филофей, в миру — Лещинский. Воспитанник Киевской академии, дававшей весьма солидное по тому времени образование, Филофей был человеком разнообразных и порой весьма неожиданных увлечений.

Он, например, любил стихи, и один из его биографов утверждает, что «такой был охотник писать стихи, что писал их (вероятно, в часы раздумья и вследствие мгновенно возникшей какой-нибудь особенной мысли) на пробелах деловых бумаг и на поступивших на его имя конвертах».

Кроме силлабических виршей, он увлекался театральными представлениями и завел в Тобольске первый на Урале и в Сибири театр, для которого сам «славные и богатые комедии делал».

С увлечением создавал он первую же на Урале и в Сибири славяно-латинскую школу — затея была одобрена Петром I. Добивался и устройства в Тобольске типографии для печатания учебников, но здесь потерпел неудачу: в этой просьбе Петр ему отказал.

И было у Филофея еще одно увлечение, правда имевшее прямое отношение к его служебным обязанностям. Он любил крестить «инородцев», обращать их из языческой в православную веру.

Все девять предшествовавших ему сибирских митрополитов, вместе взятые, не окрестили столько татар, ос-

тяков и вогулов, сколько окрестил их Филофей. Он развил в этом отношении активнейшую, прямо-таки бурную деятельность.

С поразительной для его возраста и здоровья настойчивостью он предпринимал одну за другой опаснейшие далекие экспедиции — и крестил, крестил, крестил... Всех, кто попадется под руку.

Особенно активен Филофей был в период с 1709 по 1721 годы. В июне 1712 года он на каком-то хлипком суденышке плавал к березовским осяткам. В феврале 1714 года — Филофей в Пелыме, крестит вогулов. В том же году летом — опять в Березове. На следующий год — он уже у кондинских вогулов. В 1716 году — пробирался вверх по Оби, к сургутским осяткам. В этом же году крестил нарынских и кетских осятков. К 1720 году Филофей (согласно собственному донесению по начальству) крестил до тридцати тысяч язычников и магометан.

Годы 1720—1726 ретивый «креститель» отдыхал от дел в монастыре, замаливая грехи. Но летом 1726 года, за год до смерти, он — уже семидесятишестилетний старик — снова едет в самые низовья Оби — в Обдорск. Здесь настырного старца осятки чуть было не отправили на тот свет, поближе к богу, о котором он проповедовал; однако Филофей не только остался жив, но и прибавил еще какую-то цифру к общему числу душ, уловленных им в лоно христианской церкви.

Надо сказать, что души эти ловились довольно легко. Надеть на шею блестящий крестик, испить ложечку красного вина, дать себя помазать масляной кисточкой по лбу — это даже нравилось: они и сами мазали своим богам губы салом и кровью жертвенных животных! Получить новое имя — тоже неплохо, что-то вроде запасной одежды! Даже выстроенные для них русскими церкви можно терпеть: пусть себе строят, они нас не трогают!

Вот только с идолами своими им расставаться не хотелось.

— Терпим! — говорили они с детской хитрецой. — Нам не мешают. А на охоту идешь — помогают. Пусть наши с вашими стоят. Не подерутся.

На этой почве возникало немало недоразумений: то в церкви у алтаря попы найдут языческих идолов, то у Христа оленьей кровью вымазаны губы...

Было и другое. Не всегда одной лишь проповедью

обходился Филофей и его прислужники. Еще в 1703 году в своей большой челобитной царю Петру («о 25 статьях»!) он просит разрешить ему сурово преследовать иноверцев, уклоняющихся от обращения в христианство, вплоть до умерщвления. На сие Петр не согласился, уговаривая фанатичного миссионера быть помягче. Но до неба высоко, до царя далеко. Даже в апологетических «житиях» Филофея и то проскальзывают недвусмысленные упоминания о его жестокостях.

Детски-наивные и в общем-то мирные «инородцы» научились соответственно реагировать на это. Случалось — и церковка сгорит дотла; бывало, кто-то из миссионеров и еле ноги унесет, а иной и головой поплатится за слишком ретивое приобщение к вере Христовой. Бывало, и самого Филофея за бороду хватали. Все бывало, всякое бывало...

Сподвижником Филофея во многих походах его и бытописателем их был воспитанник Киевско-Могилевской коллегии Григорий Новицкий, попавший в Тобольск не по своей воле, а, говоря его словами, «брани смущения междоусобные и времен злоключение предаша неволи». Короче говоря, отправился в «места не столь отдаленные» — в ссылку.

Грамотный и толковый человек, хорошо знавший Овидия, не чуждый и сам виршеплетству, Новицкий оставил нам блестящее описание походов Филофея. Вероятно, современники читали его «Краткое описание о народе остяцком», как увлекательный приключенческий роман. Нам, избалованным «классикой» библиотечки военных приключений, может быть, оно покажется не столь интересным, да и — надо прямо сказать — недоступным по языку (его нужно переводить с русского на русский), но право же, оно увлекательно.

Сочинение имело успех и не только как чтиво. Им пользовались многие историографы Сибири: Сулоцкий, Черепанов, Спасский и более других — швед (или немец) И. Б. Мюллер.

Этот пленный драгунский капитан перевел «Описание» Новицкого и включил его целиком в свою книгу «Жизнь и нравы остяков», нигде даже не упомянув имени истинного автора. В наше время он, несомненно, удостоился бы хлесткого фельетона и был бы привлечен по соответствующей статье Уголовного Кодекса за плагиат.

В те годы Мюллеру его нечестная махинация сошла с рук, он цитировался во всей Европе как автор оригинального сочинения; а Новицкого вспомнили лишь у нас, да и то вдолги после его смерти.

Новицкий очень интересно рассказывает и о «лдистом окиане» и о «пределах полуношных», и о костях легендарного зверя «маманта» (который «иже влагою землею живет и в пещерах земных обретается»), и о многом другом. Но есть в этом описании места, могущие нас в данном случае заинтересовать.

Это — рассказы о преследовании идолов и об уничтожении их. Таких эпизодов в сочинении Новицкого, пожалуй, больше всего.

Филофей и его помощники хватали идолов больших, средних и малых, видя в них главное зло, и уничтожали их. Каких только идолов не попадалось им в руки! Один *«изсечен бе из древа, одевая одеждою зеленою, злообразное лицо белым железом обложено, на главе его черная лисица положена»*. Другой *«в среде поленце от пятьдесят лет прикладными обвитое сукнами, а на верху с жести изваянная личина, мало что бяше подобие человека»*. Третий — тоже высечен из дерева *«наподобие человеке, сребрен, имеющ лице: сей действием сатаниным проглагола бездушный и предвозвести надходяще себе близь разорение»*. Вспомним, что Золотой Бабе приписывали функции оракула. Этот тоже «предвозвещал».

Одного из них шайтанщики просили осенить крестом и сохранить наравне с иконами, для чего они обязались построить специальную церковь. Новицкий говорит, что споры между шайтанщиками и миссионерами продолжались до ночи, а затем идола кто-то выкрал и подставил вместо него другого; этот и был сожжен, а тот, что украден, унесен в дальнее место. Так что, хотя Новицкий и говорит, что Филофей *«все кумиры бездушные сокрушиша, скверные капища и кумирницы разореша и сожгоша. Прострежесе падеж и разорение сих даже до Березова»*, кое-каким идолам удалось спастись.

Новицкий считает, что главных, «первоначальных» богов во всей «остяцкой стране» было три: Старик Обский, Гусь и Кондинский.

Старик Обский — сооружение сложное, *«имеющее скверное свое хранилище в усть Иртиша недалеко от Самарова града... Бысть же сей по их зловерию бог рыб...»*

дска некая, нос аки труба жестяны, очеса стекляны, роги на голове малые, покрит различными рубищы, сверх одеян червленою одеждою з золотою грудью».

Другой — Гусь — попроще: «...Гусь боготворимый идол их бьяше изваян из меди в подобие гуся; име скверное жилище в юртах Белогорских при великой реке Оби... почитается бог птиц водяных».

Третий «...первоначальный же и паче всех настоящий кумир» обитает в одной кумирне с Гусем в Белогорских юртах.

Первых двух идолов крестовой рати Филофея, кажется, удалось уничтожить. А вот третий... Его судьба, по словам Новицкого, была такова: «Егда искореняющаяся идолобесие, сохраниша сего истукана и унесоша в Конду, откуда же и Кондийским нарекоша».

Но куда же именно «унесоша»? В село Кондинское на Оби или на реку Конду? Можно понять и так и так.

Позднейшие ученые, в частности К. Ф. Карьяляйнен, считают, однако, что божество, избежавшее сожжения, было унесено на реку Конду — в Нахрачи.

Надо посмотреть, нет ли его там. Это тем более интересно, что Новицкому, как он сам сообщает об этом, видеть сего идола не удалось.

А что было в Нахрачах?

Селение Нахрачи на реке Конде издавна считалось языческой Меккой — здесь были резиденция верховного остяцкого жреца, древние мольбища, шайтаны всех рангов и размеров. И все это было даже еще в начале нашего века.

Издавна, но не всегда. Во времена Ермака о Нахрачах что-то не было слышно. Ни сам Ермак, ни даже Богдан Брязга на Конду не пошли. Может быть, тогда там ничего не было? А появилось позднее, когда Ермак, как в клещи, зажал стрелами своих боевых маршрутов бассейн Конды, но самого этого района не коснулся? Не там ли и осели наиболее противившиеся переходу под руку русского царя и православной церкви родовые группы, а с ними и главные идолы?

Во всяком случае, посланцы Филофея, в числе которых был и знакомый уже нам Новицкий, нашли в 1714

году в «Нахрacheевых юртах» богатую поживу — целое гнездо всяческих идолов.

Тут был и тот, что «изсечен бе из древа, одеян одеждою зеленою» и у которого «злообразное лицо белым железом обложено». Около него, в «чтилище», находились также «меньшие кумиры».

Главного нахрачинского идола высоко ценили не только кондинские остяки. «Обские и прочих протоков шайтаншики» просили «державца (владельца) скверного сего истукана» Нахрача Евплаева отпустить идола в их селения. Тот не отпустил, рассчитывая умиловить миссионеров. Что из этого вышло — смотри выше: идола пришлось выкрасть, заменив его другим, который и был сожжен торжествующими миссионерами.

Этнограф П. Инфантьев сообщал о серебряном женском идоле в Ямнель-Пауле, Серебряный слепок с Золотой Бабы видел в Оронтур-Пауле вогул собеседник писателя-путешественника К. Д. Носилова. Составителю остяцкого словаря Х. Паасонену рассказывали: «Верховный остяцкий жрец, живущий в Нахрачах, под охраной своей имеет амбарчик с живущим в нем божком, которого называют в обычной речи «Большой старик»... божок серебряный, величиной с фут, стоит на столе... Жрец ежегодно объезжает все остяцкие селения, возит с собой идола и дает целовать его правую руку, за что берет 10—15 копеек и другие дары, которые складывает в амбар к божку».

Это все — и Ямнель-Пауль, и Оронтур-Пауль, и Нахрачи — в бассейне реки Конды. И это все — в двадцатом веке.

В двадцатом же веке, а именно в 1926 году, как сообщает археолог А. Ф. Теплоухов со слов нахрачинского милиционера В. К. Клещекого, на реке Юконде (приток Конды) нашли литых шайтанов — медного (в Яхват-Пауле), серебряного (на улице в д. Карым) и еще одного из какого-то «неизвестного металла» (на р. Левдым). Находки отправили в Тобольск в Окружном партии на имя т. Искры. Тот передал их в местный краеведческий музей. Дальнейшая судьба их неизвестна. Может быть, они до сих пор лежат в запасниках музея?

В том же 1926 году Теплоухов приобрел в юртах Старо-Катошихинских (пониже Нахрачей) медного идола. Владелец шайтана вогул Дмитрий Пакин рассказал:

«Божок издревле находился в их семье, отец был шаман и временами ездил вниз по Конде и до Оби к осякам за данью... Перед смертью, видя, что дети его уже не интересуются шайтаном, спрятал его куда-то». Потом, перекрывая крышу, сыновья шамана нашли идола на чердаке.

Теплоухов в специальном исследовании пытался доказать, что это — тот самый идол, которого спасли от миссионеров в 1714 году, и что он был принесен с западного склона Урала в глубокой древности.

Все эти идолы словно бы не имеют никакого отношения к Золотой Бабе. Но что-то их тут уж очень много! Похоже, что сюда, как в наиболее безопасное место, когда-то стащили всех особо чтимых богов — конечно, тех, которых сумели спасти от разных напастей. А позднее, когда и бассейн Конды стал тоже небезопасным для идолов местом, главных богов (в том числе и Золотую Бабу, если она там была) увезли куда-нибудь еще, а в Нахрчах оставили лишь их заместителей.

Есть интересное свидетельство старого работника Комитета Советского Севера при ВЦИК В. П. Евладова. Он пишет: *«Путешествуя в 1920-х годах по Ямалу, Северному Уралу и Тазовской тундре, я неоднократно спрашивал о Золотой Бабе ненцев (раньше их звали самоедами), особенно стариков и шаманов. Никто из них, за исключением одного старика, кочующего по Северному Уралу, не мог ничего рассказать мне о ней. Уральский же ненец сообщил, что он слышал от стариков, будто в тундре, севернее Уральских гор и хребта Пай-Хой, в прошлые времена был золотой идол, которому ненцы, ханты, манси и коми, кочевавшие в тундре, приносили жертвы.*

Этот золотой идол был откуда-то привезен. Была ли это Золотая Баба или иное божество, ненец сказать не мог, но, по его словам, сейчас этого идола уже нет, так как в какое-то давнее время его бросили на дно глубокого озера Северного Урала, которое с той поры считается священным. Название озера ненец назвать также не смог».

А что в самом деле — надоело шаманам возиться с таким беспокойным хозяйством, привлекавшим столь нежелательное внимание пришельцев, взяли они да и бросили идола в озеро! И если уж у русских так много копий одного бога — Христа, то почему бы и Золотой Бабе

и другим языческим богам не иметь удобных для хранения и перевозки портативных копий? Пропадет такая копия — не страшно, всегда можно изготовить новую.

Озеро же можно объявить священным. Есть же у христиан какой-то там Иерусалим, где будто бы хранится «гроб господень».

Священное озеро... священное озеро... Где-то мне о нем приходилось читать!..

Ах да, вот где...

За чем охотились Кузнецовы?

Однажды мне попала в руки книга о Северном Урале, читая которую, я все время как бы спотыкался о странные неясности, и до последней страницы меня не оставляло подсознательное чувство, что за этими неясностями кроется что-то совсем не относящееся к теме экспедиции, отчету о которой посвящена книга.

Ничего определенного, безусловно, доказательного я привести бы не смог, одни только подозрения. Возможно, что я в своих подозрениях совсем не прав и на самом деле все объясняется гораздо проще, но и умолчать о них не хочу.

...В ноябре 1908 года Русское географическое общество получило письмо от одного довольно известного в столичных кругах доктора. Сообщая о желании своих знакомых — братьев Н. Г. и Г. Г. Кузнецовых, наследников богатейшей чаеоторговой фирмы, — снарядить за их счет экспедицию на Полярный Урал, доктор предлагал обществу взять ее под свое покровительство.

Как явствует из письма, братья-чаеоторговцы, воспылав неожиданной страстью к науке, вознамерились сколотить большую группу ученых и предоставить им все необходимое для «всестороннего исследования в естественноисторическом отношении обширного района Полярного Урала: реки Кары, побережья Байдарацкой губы и р. Щучьей».

Как бы заранее уверенный в успехе, доктор одновременно обратился к видным руководителям отечественной науки — начальнику Главного гидрографического управления А. И. Вилькицкому, директору Геологического комитета академику Ф. Н. Чернышеву и другим — с пред-

ложением порекомендовать кандидатуры молодых ученых для поездки в экспедицию.

Не дожидаясь ответа на свое письмо, доктор уже начал деловые переговоры с необходимыми людьми в Тюмени и Тобольске о заготовке снаряжения, транспорте, рабочих и прочем.

То ли Географическое общество не поддержало идеи Кузнецовых, или знакомство доктора с академиком Чернышевым подсказало ему новое решение, но только экспедицию взяла под свое покровительство сама Императорская Академия наук. Это было в феврале 1909 года.

Дело закрутилось в бодром темпе. Довольно быстро составила экспедиционная группа: геолог и астроном О. О. Баклунд, топограф Н. А. Григорьев, ботаник В. Н. Сукачев, зоолог Ф. А. Зайцев, геолог В. Г. Мухин и в качестве еще одного зоолога Д. Я. Вардроппер — ученый агроном и компаньон какой-то торговой фирмы в Тюмени.

Почему-то долго не могли найти этнографа. Лишь в последний момент «пришлось пригласить» на эту роль студента Я — ча.

Начальником экспедиции предполагался доктор. Но он внезапно заболел, и группа во главе с Баклундом в начале мая выехала в Тюмень.

Многое было странным и непонятным в этой экспедиции.

Что купчики решили выбросить несколько тысяч рублей «на науку», это не казалось удивительным: благотворительность была в моде, ею, как фиговым листком, прикрывали срам эксплуатации людей, дурно пахнущие махинации и не всегда честную борьбу с конкурентами.

Странным казалось то, что братья-чаоторговцы решили сами ехать в эту труднейшую экспедицию. Богатые, изнеженные барчуки, типичные представители тогдашней золотой молодежи, приезжавшие в Москву только отдохнуть от кутежей в парижских ресторанах, они — как утверждали близкие к ним люди — решили устроить что-то вроде увеселительной охотничьей прогулки. Охота за Полярным кругом — это, пожалуй, не менее экзотично, чем охота на львов в Африке! Будет чем похвастать в заграничных кабаках...

Однако сие не было единственной странностью. Немало странного творилось и во время похода.

Состав экспедиции резко разделился на две самостоятельные группы: братья Кузнецовы обособились в отдельную компанию, в которую входили также их знакомый помощник присяжного поверенного А. Г. Болин и наемные егеря Джапаридзе, Чаев и Политов. Они и выехали месяцем раньше, «чтобы перед началом экспедиции ознакомиться с жизнью и природой Сибири».

Выехали раньше, а к отплытию из Тюмени парохода «Северный», предоставленного экспедиции для перевозки грузов и людей из Тобольска, не появились. *«Точное местопребывание их осталось неизвестным членам экспедиции, а место встречи с ними не было заранее установлено»*, — писал в своем отчете Баклунд.

Не появились «охотники» и в Тобольске, где экспедиция пересела на другой пароход — «Ангару», чтобы плыть до Обдорска.

Зато при остановке «Ангары» у села Демьянского местные жители рассказали членам экспедиции, что около месяца назад в каюке к берегу приставала компания людей, говоривших между собой не по-русски и одетых в серые куртки. Их было шестеро. Стало ясно, что Кузнецовы где-то впереди.

Заметим, кстати, что Демьянское — село, где некогда было одно из главных молебниц остяков.

Лишь 14 мая около деревни Цингалинской «Ангара» встретила группу Кузнецовых. Они присоединились к экспедиции.

Из Обдорска (точнее — из Иондырских юрт на протоке Вылпосл) в конце мая экспедиция, погрузив на восемьдесят оленьих нарт имущество и людей, вышла в направлении к реке Собы. Дальнейший путь предполагался таким: верховье реки Лонгот-еган — река Ходата — Щучье озеро — гора Большой Заяц — река Кута — гора Минисей — река Кара — мыс Толстый на берегу Карского моря — и обратно через реки Щучью и Байдарату к пескам Санго-пан на Малой Оби.

Об охоте компания словно бы позабыла — только раз, на стоянке в районе реки Харава, Н. Кузнецов и Болин «пошли с ружьями на розыски волков, но им не повезло».

Зато вся группа Кузнецовых, а также и этнограф (если не считать его примыкавшим к группе) оживились при приближении горы Минисей.

Они «с нетерпением изо дня в день ждали, что на северном горизонте откроется гора Минисей». Но в ответ на их нетерпеливые расспросы остяки или молчали или избегали прямого ответа. «Когда останавливались на ночлег, они уверяли, что Минисей совсем близко; на следующий же день, когда отправились дальше, они заявляли, что до Минисея далеко». Их нежелание вести русских к этой горе было настолько явным, что Баклунд не преминул записать в отчете: *«Небольшие переходы последних дней, жалобы остяков на усталость оленей, их заметное уклонение от прямого направления к г. Минисей, произвели... впечатление, как будто инородцы неохотно везут экспедицию к священной горе обдорских тундр»*.

Так вот в чем дело — гора считалась священной!

И тут я вспомнил вычитанное у В. Иславина в его книге «Самоеды в домашнем и общественном быту», вышедшей еще в 1847 году:

«Посреди самого острова Вайгача находится камень по имени Неве-Хэге, т. е. Мать болванов... У отца и матери божков четыре сына, которые все разбрелись по тундре и в разных местах промышляют по ней. Это: Нью-Хэге — сын — истукан, маленький утес на Вайгаче; Минисей — возвышение у Уральского хребта...» и другие. Минисей!

Между прочим, именем Минисей остяки называли всю северную оконечность Уральского хребта, всю горную группу, которою Урал вдается в тундру. Из трех гор, составляющих эту группу, две имели название: путешественник Гофман в 1848 году дал им имена Минисей и Константинов Камень. Третью же гору, о названии которой ничего не удалось выяснить ни у местных жителей, ни в литературе, экспедиции предстояло окрестить. Едва ли без участия самих Кузнецовых горе присвоили их имя.

Гора Кузнецовых оказалась господствующей вершиной северной оконечности Урала, Минисей и Константинов Камень были ниже. Зато Минисей имеет особо характерную форму, отличающую его от других окружающих гор. Он острым ребром выдается из впадины между горой Кузнецовых и Константиновым Камнем. Это — трехгранная пирамида. Верхняя часть одного из склонов образована почти вертикальной стеной кварцита и у вер-

шины фантастически зазубрена. На одном из ребер — ряд неглубоких пещерок. У подножия горы — озеро.

Это озеро — Емынь-лор, — по словам остяков, *священное!*

«Становится понятным, — пишет Баклунд, — почему гору выбрали главным хранилищем идолов».

Да, тут оказались и идолы. Предметы жертвоприношений стали встречаться еще при спуске с горы Кузнецовых в сторону Минисея, в пещерках склона горы. Много встретилось их на мыске священного озера.

Но, как говорит отчет: *«Гора Минисей по части ожидаемых (кем?) на ней предметов культа не оправдала возлагаемых на этот счет надежд. Можно думать, что часть их была спрятана».*

Остатки жертвоприношений да несколько деревянных идолов — вот и вся добыча тех, кто этим интересовался. Кто же интересовался этим больше других?

Первым на вершину Минисея поднялся Болин! Один! Что хотел увидеть там, на безжизненной вершине, помощник присяжного поверенного? Волков? Белых медведей?

На другой день в лагере появился пустозерский ненец Сядей с караваном оленей, груженным запасами экспедиции. Где-то невдалеке он поджидал экспедицию в течение двух недель.

Заметим кстати, что Сядей по-ненецки — идол и что за две недели можно увезти с горы не только всех идолов.

Все дни стоянки у горы Минисей поблизости кочевали ненцы. Многие из них нередко подъезжали к лагерю.

Ученым тут делать больше было нечего, предстояло отправляться в дальнейший путь на Север: на реку Кару и по ней к Карскому морю.

Но тут обнаружилось неожиданное. Группа Кузнецовых объявила о своем решении вернуться обратно. Хотя уж если они ехали охотиться, то заниматься этим можно было лучше всего у моря — там, куда шла сейчас экспедиция.

Кузнецовы забирали с собой и «своих» охотников, которые многим могли бы помочь ученым в их трудном походе, освободив их хотя бы от приготовления пищи, устройства жилища и прочего.

Столь же неожиданно собрался и этнограф Я., при-

хватив с собой переводчика-ненца Максима Ядопчу, с которым он не расставался. (Этого переводчика как своего выученика дал экспедиции обдорский поп отец Иринарх.)

В результате такого распределения «с самого начала возникло серьезное затруднение для партии, направлявшейся на север, так как она осталась без переводчика с самоедского языка», — констатировал в отчете вежливый Баклунд.

И это именно тогда, когда экспедиция вступила в края, населенные именно самоедами, то есть ненцами.

Мало того, «собранные в пути и вполне упорные коллекции возвращающаяся партия с собой не взяла». Их пришлось оставить в тундре под присмотром ненца Сядея.

Кузнецовы не постеснялись даже нахально обделить палатками ученых, продолжавших путь. «Во избежание недоразумений, — пишет Баклунд, — особенно со стороны Я., возвращающейся партии (всего 7 человек) были предоставлены две больших и одна малая палатки, продолжающая путь партия (9 человек) располагала, таким образом, одной большой и одной малой палатками». Пришлось купить берестяной чум.

Короче говоря, ученых беспардонно надули.

Как бы там ни было, экспедиция разделилась, и 10 июля партии отправились — каждая своим путем. «Машущие шапками и кинематографирующие уходящий караван до-минисейские спутники быстро скрылись из виду за первым поворотом речки...»

Даже киноаппарат, взятый для научных целей, не побрезговали забрать с собой «до-минисейские спутники»!

Но ученые были довольны: «Баба (особенно такая!) с возу — кобыле легче». Избавившись от капризных и неудобных спутников, они, хотя и не без трудностей, успешно добрались до берегов Карского моря и, обогнув Урал с северо-востока, форсировав реки Байдарату и Щучью, 30 августа вышли на Малую Обь в районе рыболовных песков Санго-пан. Отсюда их на лодках перевезли на Халас-пугор — Кладбищенский остров. Здесь экспедиция поставила свой лагерь между группой чумов и обширным кладбищем, «носящим некрасивые и слишком откровенные следы недавнего посещения коллектора эт-

нографических редкостей Я-ча». Так гласит отчет. Баклунд был тактичен.

Как же возвращались «до-минисейские спутники», вышедшие со стоянки номер двадцать шесть одновременно с группой Баклунда?

А они и не выходили!

После ухода северной партии группа Кузнецовых оставалась здесь еще три дня. Здесь — около священной горы Минисей. Что они делали там, в отчете не сообщается. По-видимому, это осталось неизвестным для остальных.

Лишь 13 июля партия вышла в обратный путь и 1 августа, на два дня позднее Баклунда, добралась до Санго-пан. Через два дня ее привезли в Обдорск.

Этнограф же пустился один дальше — вниз по Оби. Что он там делал, отчасти уже известно из отчета о посещении Кладбищенского острова. Полтора месяца он копался где-то на Оби, в отрезке между Обдорским устьем и рекой Щучьей. В своем отчете впоследствии он докладывал, что «...изучал обстановку старых заброшенных остяцких и самоедских кладбищ, вскрыл и осмотрел 402 могилы... Собрано больше 300 черепов... приобретено небольшое количество остяцких и самоедских вещей, среди которых главное внимание обращают на себя предметы культа, грубые идолы с жертвенных мест... одетая в горностаевый халат фигура бога Орта с медным ликом...»

И так далее. Только 16 августа, с последним пароходом, этнограф прибыл в Обдорск. Задержавшаяся из-за него экспедиция на другой же день отправилась домой. Кузнецовы и Болин выехали еще 8 августа.

«Громоздкую этнографическую коллекцию» (слова из отчета) отправили в Тюмень с баржой: пароход отказался взять ее.

Коллекция эта почему-то считалась собственностью братьев Кузнецовых. В отличие от других коллекций — геологической, зоологической, ботанической — она была передана Московскому университету как дар Кузнецовых.

Какая охота влекла братьев-чаоторговцев на далекий Север? Охота за черепами? Уж очень подозрительно их пристрастное внимание к жертвенным и священным местам, слишком откровенно поплевывали они на остальные, истинно научные цели экспедиции.

Уж не искали ли они следы чего-то такого, что, как они, возможно, думали, окупило бы все их расходы на «увеселительную охотничью поездку»?

Вероятно, только священное озеро у горы Минисей знает, чем они занимались три дня после того, как остались там одни.

Рукопись, открывшая многое

Вот уж верно, что — не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Я уже совсем запутался в изобилии выписок, в сотнях разных предположений — своих и чужих — и потерял путеводную нить, которая могла бы привести меня к каким-то выводам.

Но вдруг, мне кажется, я нашел эту нить, нашел путь к выводам. Пусть они расходятся с общепринятыми, я готов стоять за них.

А дала мне эту нить рукопись. Никому не известная рукопись неизвестного поначалу автора.

Однажды мне сообщили адрес человека, распродававшего старые книги и вещи. Денег у меня, конечно, было немного, но на одну-две книжечки — из тех, что давно ищешь и никак не найдешь, я бы мог выделить из только что полученной стипендии.

Заставленная вековой давности шкафами, этажерками, фисгармонией и граммофоном, столами и столиками, «вольтеровскими» креслами, в которые никто уже не рискует садиться, и «венецианскими» трюмо, глядеться в которые совершенно бесполезное занятие, — узкая и длинная комната с необычно высоким потолком, увенчанной пыльной-препыльной люстрой с хрустальными подвесками, производила странное впечатление. Жить в ней, по-моему, нельзя. Ходить — тоже. Я даже подумал, что хозяин передвигается в ней, пожалуй, только лишь переползая под столами и перебираясь через шкафы, которые стояли не только вдоль стен, но и поперек.

Старик, заткнув за пояс полы длинного стеганого халата и все время поправляя сползающие с длинного разноцветного носа очки в продолговатой оправе, полез на один из шкафов, где наверху лежали штабелями перевязанные в аккуратные пачки книги. Бормоча что-то в прокуренные усы и забавно топорща свою давно не стри-

женную языкатую эспаньолку, он развязывал тугие, в несколько узлов, перевязки пачек длинными, в бугорчатых суставах, пальцами.

Среди книг, что и говорить, попадались ценные: восемнадцатый и девятнадцатый век, прижизненный Державин, издания, вышедшие из типографии Новикова, комплекты «Русской старины» и «Аполлона». Но больше — увесистые тома «Нивы» и «Родины», «Пробуждения» и «Журнала для женщин». Мне все это не по средствам, да и ни к чему: не мой «профиль».

Со вздохом, то ли сокрушенным, то ли презрительным, старик увязал снова пачки и, в раздумье почесав эспаньолку, бочком передвинулся между столом и фисгармонией к другому шкафу и извлек из него еще две связки.

Здесь было кое-что более интересное для меня — уральские издания, дореволюционные, двадцатых и тридцатых годов. «Уральская библиотечка занимательного краеведения» — интересно, но у меня есть. «Пермская летопись» Шишонко — надо бы, но, знаю, мне не по зубам эти восемь внушительных томов в солидном переплете. Еще что? «Пермский краеведческий сборник» 1924 года издания... Это возьмем, тем более, что и цена, предусмотрительно проставленная в уголочке на обороте обложки, меня устраивала.

А это что? Большая, форматом «Огонька», папка из толстого картона с коленкорovým корешком. Толстый, прямо-таки увесистый том с надписью «Бумагодержатель» на лицевой обложке. Внутри — рукопись, вернее — машинопись. Скропленные посредине скрепками-кнопками большие, старинного формата листы. Синяя лента машинки с малоформатным шрифтом. Старая орфография — ять, твердый знак, аго, яго... Заглавного листа нет — неизвестно, кто автор, название рукописи, год и место написания ее. Второй лист — замызганный, грязный, порванный. «Дальний север — это один из богатейших, оригинальных, таинственных окраин нашей России и Сибири...» — таковы первые строчки. В середине — тоже Север, вогулы, остяки, самоеды... Это по моей части. Это — то, что я никак, прямо-таки никак; не могу выпустить из рук!

Как можно равнодушнее я захлопнул тяжелую корку папки, стараясь унять дрожь пальцев. Но старик

занятый набивкой папирос, склонился над деревянной коробкой для табака с резными буквами на крышке — «Катык» и, кажется, ничего не заметил.

— Что это за рукопись? — спросил я.

Старик послунил готовую папиросу и, прищурившись, посмотрел на меня из-под мохнатой желтой брови.

— Право, не знаю. Сосед...

— Что сосед? Он писал ее?

— Не сказал бы, не сказал бы... Он, видите ли, оставил мне ее, как и эти вот книги, — и он показал на разворошенную мною стопку. — А он ли писал — не скажу. Думаю, что не он.

— А кто был ваш сосед?

Старик опять прищурился, будто от дыма, хотя рука с папиросой лежала на отлете у края стола.

— Работал... В Уралплане, по-моему, когда-то работал. Помер, знаете ли... Лет десять назад. И вот как человек одинокий оставил мне... — Тут он закурил наконец папиросу и, нутужно закашлявшись сиплым астматическим кашлем, закончил, словно спрятав последние слова в платок, которым в это время аккуратно обтирал бородку. — За должок...

Больше вытянуть из него ничего не удалось. За рукопись он запросил дорого. Может, и не дорого, но не по моему карману. Однако, когда я выложил деньги — от стипендии остались только жалкие гроши, — он неожиданно задумался и, вдруг решительно отодвинув деньги, стал аккуратно завертывать рукопись в старую газету. Увязав веревочкой, он торжественно вручил ее мне со словами:

— Пользуйтесь. Пока. Когда будет не нужна — вернете.

С заветной папкой под мышкой, даже забыв на столе великодушно предложенный стариком в качестве бесплатного приложения «Краеведческий сборник», я помчался домой.

* * *

Целую неделю просидел я вечерами, прямо-таки обсасывая рукопись по косточкам. Что за клад этот труд неизвестного автора! Это, без сомнения, самая полная, самая обстоятельная монография о русском Севере на то

время, в которое она была создана. Ее без преувеличения можно назвать географической, этнографической и экономической энциклопедией русского Севера.

«Полярные области Дальнего Севера», «Народы Дальнего Севера», «Звери и их жизнь», «Рыболовство», «Промыслы населения», «Пути сообщения и торговля» — таковы названия объемистых (по 60—70 страниц) глав, дающие понятие о широте замысла автора. Но тут обстоятельно охвачены и история края, ископаемые богатства его, климат... Да пусть мне укажет кто-нибудь, что там не охвачено!

И что очень примечательно, написано все это не сухим наукообразным языком, а живым, я бы сказал даже — поэтическим. Очерки наполнены публицистической страстностью и взволнованностью человека, влюбленного в этот край.

Автор, несомненно, — человек, близко и основательно знакомый с темой. Все, о чем он сообщает, взято непосредственно на месте, из первых рук, там почти не встретишь чужих цитат, ссылок на книги и авторитеты. А если и встречаются, то обязательно сверенные и перепроверенные лично. Видно, что это не дилетант, а человек, для которого изучение Севера стало его профессией, основным делом всей жизни. Он не просто описывает то, что видел там за много лет, а и обобщает и анализирует статистические данные, спорит с прочно установившимися, но на деле ложными взглядами, ратует за рациональное широкое освоение Дальнего Севера, рисует перспективы его развития.

Правда, многое сейчас уже устарело. Мудрено ли, столько лет прошло...

А сколько? И кто же, в конце концов, автор этого почти пятисотстраничного труда, так и оставшегося неизвестным людям?

Внешний обзор рукописи дал мало. Вот разве пометки, поправки и дополнения... Они, несомненно, сделаны рукой автора, — значительно дополняют или исправляют содержание. Почерк поправок — один по всей рукописи: тонкий, изящный, почти бисерный. И чем-то знакомый...

Я снова и снова вчитывался в текст, вылавливая в нем автобиографические штрихи, на которые, надо сказать, автор не поспешил.

«...Мне не забыть никогда, как я однажды, еще в 1883 году, путешествуя по самому хребту Северного Урала...»

— Ну, по Северному Уралу в те годы путешествовали многие. Это хотя и зацепка, но слабая. А зачем он шел туда?

«...Проводя геогностические исследования Северного и Полярного Урала в 80-х годах...»

— Ага, он геолог!

«...После исследования моего в гидрографическом отношении в 1894 году реки Конды от ее вершины до устья...»

— Значит, не геолог, а гидрограф? Или — и то и другое?

«...Первый проект устройства рельсового пути (для соединения Оби с Печорой) был выдвинут автором этого очерка еще в 1883 году...»

— Уж не известный ли это промышленник и предприниматель А. М. Сибиряков, прекрасный знаток этого края и автор многих проектов освоения его, в том числе проектов грунтовых, водных и железнодорожных путей? Но...

«...Но он (проект), к сожалению, был перехвачен обманчивым образом известным деятелем Сибири А. М. Сибиряковым...»

— Значит, нет — не Сибиряков. Ну что же, пойдем дальше.

«...Несмотря на то, что я прожил, исследуя этот остров (Новую Землю), три года на нем...

— Ну, зимовщиков на Новой Земле до революции было не так-то много, все наперечет. Уточнить бы — когда? А вот...

«...Когда я приезжал туда в 1887 году на этот полярный остров для исследования... Эта колония (в западном устье пролива Маточкин Шар) была основана мной в 1890 году...»

— Итак, был там в годы 1887—1890! Теперь дело лишь за справочной литературой. А не подскажет ли сама рукопись, когда она создана?

«...Город Березов, имея всего одну паровую мельницу, и то построенную только в 1918 году...»

— Ага, одна засечка времени есть! А еще?

...Средний пробег, полученный нами при проезде на

пароходе «Храбрый» в 1918 году, дал следующие цифры...»

— Значит, писано это в 1918—1920 годы. И едва ли позднее, — ибо старой орфографией после уже никто не пользовался. А вернее всего в 1919 году. Выходит, что автор был жив еще в 1920-е годы... И наконец:

«...В 1914 году, проходя в бухту Находка на своей яхте «Салетта»...»

— Вот оно!

* * *

Ну, конечно же, это Носилов! Это его яхта «Салетта», снимки с которой не раз печатались в разных изданиях, бороздила просторы Карского моря и Обской губы. И в Находке она бывала — не в той, ныне более известной, дальневосточной, а в Обской, что неподалеку от Нового Порта. «Салетта» — любимица Носилова. Даже у себя на даче, под Шадринском, построив для плаванья по Исети прогулочную яхту, он назвал ее именем своей верной спутницы по скитаниям в северных морях.

Итак, Носилов... Когда-то знаменитое имя. Путешественник, писатель — беллетрист и публицист, ученый — геолог, географ, этнограф, энтузиаст исследования Уральского Севера. Человек необычной и беспокойной жизни. Из тех, что по-хорошему зовут одержимыми...

Сын сельского попа из-под Шадринска, отданный в Пермскую семинарию, чтобы пойти по стопам отца, он не преуспел в богословии и за два года до окончания бросил опостылевшую бурсу. С юношеских лет его сжигала страсть к путешествиям, к изучению дальних стран, к открытиям белых пятен планеты. Не хватает знаний? Не беда — он в одиночку штурмует толстые тома университетских учебников, едет налегке в далекий Париж, в Сорбонну, с кафедры которой гремит голос почитаемого им великого географа, объехавшего добрую половину земного шара, ученого-коммунара Элизе Реклю.

Но главный его учитель — сама Земля. Ветры дальних странствий, романтика манящих неизведанностей увлекают его в дорогу. Пусть для начала это не так уж далекий Верхотурский уезд Пермской губернии, и не такие уж глухие и неизведанные коми-пермяцкие верховья

Камы — это пока еще проба сил, репетиция подвига. А затем, почуяв окрепшие крылья, он ринется в отважный поход на Северный и Полярный Урал с дерзкой задачей — найти и указать людям путь из Азии в Европу, из Обского бассейна в Печорский. Дело сделано, но оборотистый промышленник Сибиряков опережает молодого исследователя — слава достается ему. Обидно, конечно, но не беда, в жизни еще много нехоженных троп. Вот хотя бы Новая Земля — можно сказать сама *terra incognita* под носом. Три года зимует он там, исследуя архипелаг, недалекий вроде, но неизвестный, как луна. Привозит оттуда пухлые тома научных отчетов и кипы тетрадей с наблюдениями, ящики коллекций и... ворох новых проектов наилучшего использования богатств этого, хоть и далекого, но своего, русского, клочка земли. И впридачу — чемодан рукописей: очерки, рассказы, статьи.

Вскоре он — известность. Его с охотой печатают и перепечатывают газеты и журналы, издатели ловят его на ходу за полу сюртука, чтобы получить от модного автора новое произведение об экзотическом севере. Его с интересом читает Чехов и делится впечатлением с самим Львом Николаевичем Толстым, и тот перепечатывает (почти целиком) один из очерков писателя-путешественника в своей работе «Что такое искусство».

А он уже снова в пути — огибает Ямал в поисках кратчайшего прохода из Обдорской губы в Байдарацкую, проплывает искареженную заламами таежную реку Конду — от верховий до устья, барражирует Обь и Иртыш... Объезжает Алтай, Крым, Черноморье, Туркмению, Казахстан. Колесит по Турции, Египту; Палестине; Китаю, Корее, Маньчжурии...

Кажется, уже достаточно, впечатлений хватит не на одну-две, а на три-пять жизней, за плечами — десятки тысяч километров троп и дорог, полтора десятка изданных книг, сотни статей, очерков, проектов, докладов, отчетов...

Но вечному путешественнику не сидится, даже отдыхая у себя на зауральской даче, он бороздит на паровом ботике «Ямал» мутные воды Исети, стоя на носу суденышка и вглядываясь вдаль, как там — на Ямале, ставшем второй родиной.

Революцию он встретил немолодым — под шестьде-

сят. Конечно,— в очередном плавании по ледовитым морям. И только жестокий тиф, надолго бросивший неумного бродягу на больничную койку, оторвал его на какое-то время от привычного дела и знакомого фарватера. Однако, едва оправившись, он спешит по вызову молодого Советского правительства в Москву, чтобы возглавить работы по изучению и освоению северных окраин страны. Старый путешественник и писатель читает лекции, печатает статьи о Севере, готовится к новым полярным экспедициям. Говорят, что в 1921 году в Кремле его на заседании слушал Ленин...

Кто знает, что он успел бы сделать еще, если бы тиф и довершивший злое дело нелепый солнечный удар не уgomонили его навсегда. В 1923 году он умер где-то на юге, тоскливо глядя на висевшую у кровати карту русского Севера.

Вот кто такой был Носилов — таинственный автор неизвестной рукописи.

* * *

Да, он был истинным и авторитетнейшим знатоком Уральского Севера. И поэтому его свидетельства очень ценны. Это именно он записал в 1900-е годы рассказ кондинского вогула о серебряной копии Золотой Бабы — одно из наиболее важных (если не самое важное) свидетельство о ней нашего времени. Никто из писавших о Золотой Бабе за последние два века не был так близок к разгадке ее тайны...

И вот — его рукопись. Написанная незадолго до смерти. Обобщающая почти все его знания о Севере, собранные за полвека. Рукопись неизданная и никому не известная. Что-то в ней? А вдруг...

* * *

В рукописи Носилова я нашел, можно сказать, обобщение фактического положения дел с Золотой Бабой на уровне 1918 года. Хотя, по всему видно, что это не интересовало автора — он не вдавался в отвлеченные теоретические рассуждения, а лишь приводил факты, известные ему и вполне достоверные.

А известно ему, надо сказать, было многое — больше, чем кому-либо из его современников.

Слежу за цепочкой приводимых им фактов, взятых из разных мест рукописи. Они невольно подводят к определенным выводам.

«Кроме домашних, у самоедов имеются общественные идолы, хранящиеся где-нибудь в пустынной тундре, в лесах, в особых амбарчиках, со следами жертвоприношений вокруг.

Это — покровители оленеводства, рыбного и звериного промыслов и благополучия самоедов. У божков есть даже свои хранители — вотчинные самоеды, на обязанности которых лежит сохранять и досматривать за ними, оберегать, чтобы к ним не попал русский или зырянин, чтобы не потрогали белые медведи и другие звери.

Эти укромные места, выбранные в недоступных местах полярной тундры, где-нибудь за речками и болотами, непроходимыми топями, далеко обходятся самоедами и посещаются ими только через известное число лет, для чего оповещается за год вся тундра».

Это у самоедов, то есть у ненцев. Учтем слова об общественных идолах. И о том, что чужим их не показывают.

А вот у вогулов — манси:

«Среди шайтанов Дальнего Севера есть и такие, что далеко известны и считаются настоящими божествами Севера».

То же самое у остяков — хантов:

«Среди многочисленных истуканов, которых остяки делают решительно в каждой юрте... есть и общественные старинные идолы, которым остяки поклоняются или ежегодно, при начале промыслового сезона или через известное число лет — через три, семь и двенадцать — священные у них числа».

То, что общественные идолы есть и у ненцев, и у манси, и у хантов — это, в общем-то, не ново, конечно. Но какие они сегодня?

У ненцев, например, такие:

«Когда я зимовал на Новой Земле, обитающие там крещеные самоеды сообщили мне, что в вершине Оби есть шайтан Ялмал — добрый, милостивый, помогает заблудившимся, живет в лесной, скрытой от глаз хижине, ездит на белых лошадях, защищает человека от лесного злого существа, носит русскую одежду и лисью широкую

остроконечную шапку. Он ревниво охраняется, к нему допускают только избранных...

Другое божество — Нугобей, брат его, что живет на реке Енисей, еще больше и еще почетнее. Ему приносят в жертву исключительно золото, на нем золотая остроконечная шапка, русская одежда, у него белый дом. Идол существует и поныне, уважаемый, охраняемый юракскими самоедами, помогает им на войне и считается всеведующим. Посещают его только приближенные к нему табидеи.

В самой северной части Ямала издавна сохраняется особенно почитаемый оленеводами шайтан Ялмал, в виде громадного, одетого в белые оленье шкуры мужика, ростом в четыре ручных сажени. Около него тысячи голов принесенных в жертву оленей, сотни черепов белых медведей и моржей и масса денег, по преимуществу серебряных, заложенных за пазуху, где есть и дорогие соболя, и драгоценные шкурки черно-бурых лисиц, и голубые песцы в большом количестве».

Что жертвы закладывали за пазуху — это стоит заметить («утроба»). Но вот дальше для нас целое открытие... Хотя Носилов сообщает о нем спокойненько, как бы мимоходом, мы-то, как и он сам, конечно, понимаем цену этого сообщения:

«В вершине реки Полуй, впадающей у Обдорска в реку Обь, хранится еще по настоящее время Золотая Баба. Она — в золотой одежде, особо почитается женщинами-самоедками. Но к ней допускаются только избранные поклонницы, потому что она уже не раз была предметом покушений на ограбление. Сохраняется она у одного самоеда в ящичке, куда и складываются все жертвы, преимущественно золотые вещи».

Вот ведь какое дело выходит — оказывается, Золотая Баба в верховьях Полуя! А это — очень близко к Юильску на Казыме, к тем местам, куда зачем-то (в поисках главных идолов?) ходил Ермак, но, увязнув в болотах, повернул назад. Однако, может, это только лишь слух?

А что за идолы у народа манси? Надо признать — их изрядное количество.

«Из известных мне шайтанов на Северной Сосьве замечателен Чехрын-ойка, что на озере Елбын-тур — покровитель на воде, на суше от непогоды. Ему приносятся в жертву десятками олени.

На притоке Конды речке Соус-мы-онзя есть Старик в виде медного истукана. Он покровитель звериного промысла, любит деньги — серебро и медь, их кладут в отверстие векового дерева, которое растет около его свайного амбара.

Около села Шаимского на той же реке известен Лопанзюк в виде лягушки — покровитель рыбного промысла.

В Омутинском пауле почитается Созо-Анзю в виде утки. Сидит она в углу свайного амбарчика. Ей приносят в жертву деньги, как покровительнице птичьего промысла.

В Печорах-пауле на берегу озера стоит Санг-пупи — птичий шайтан, сделанный из семи уток. Это покровитель утиного промысла.

В Ямчин-пауле почитается деревянный шайтан, который будто бы помогает убивать медведя и разного зверя. К нему нельзя прикасаться, чтобы не заболеть какой-нибудь болезнью.

В Нюрах-пауле был медный истукан, довольно большого размера, но ввиду того, что он плохо помогал жителям Нюраха, его недавно переплавили и сделали из меди котел, который потом пропцли какому-то русскому заезжему торговцу».

Как видим, с богами особенно не церемонились, перестал помогать — долой его! А ведь это очень важно — знать, что боги, идолы могли меняться. За тысячу лет какой бог сможет выдержать такое испытание «делом»? — далеко не всякий.

Но — дальше. Вот и богини пошли.

«В Печерах-пауле, на реке Конде, известна покровительница женщин — Чагва-Еква, идол в виде женщины. Она помещается в старой необитаемой юрте, при ней два короба приношений — серебра и меди.

Там же на Конде известна еще другая почитаемая старуха — Ной, тоже покровительница женщин и лечительница их.

В Ямнель-пауле есть старик Уй-Хурн, в виде медведя. Он хранится в амбаре вместе с серебряной бабой как покровительницей всех родов вогулов».

А дальше следует важное дополнение к рассказу об этом идолу, записанному в 1900-х годах.

«Эту серебряную бабу, находящуюся в Ямнельском

пауле, нам привелось видеть лично, нарочно отправившись туда, чтобы посмотреть это известное божество, почитаемое на всем этом Дальнем Севере.

Мы нашли его в юрте вогула, живущего в самых недоступных местах вершин реки Конды, куда можно пробраться только весною на лодке в самое половодье. Там всего один житель, на обязанности которого хранить это почитаемое божество всего Севера. Он с трудом показал идола, захваченный нами врасплох, неожиданно.

Баба оказалась действительно сделанной из серебра, в виде маленькой, с четверть величины, голой женской фигурки. Она хранится в переднем углу его одинокой юрты за занавескою. В особом ящичке, предназначенном для жертв, скопилась порядочная кучка серебряных монет и вещей, видимо, старинной выделки — тарелочки, ковшички, стаканчики.

Вогул-хранитель сообщил нам, что она также принимает охотно в жертву и шелковые вещи, и парчу, и золото. Он, кажется, не простит себе до смерти то, что решился показать ее нам, так как этого не простят ему его сородичи. Но мы успокоили его, что никому об этом не скажем.

Даже отправляясь на свои промыслы, он носит идола в лосином ухе за плечами. Так строго сторожит он ее потому, что она уже раз была украдена одним неверующим вогулом и продана священнику в село Сатыга, откуда ее выкупили только за большую сумму.

По словам вогула — это подлинная серебряная баба, когда-то почитаемая на реке Каме (кондинской) еще их сородичами, и которая была унесена сюда после того, как Уральский хребет был занят русскими».

А, думаете, нет таких идолов у хантов? Тоже есть. Описав хантейского покровителя рыболовства «Осетра» — чучело старика, сохраняемое в лесном амбарчике где-то около Обдорска, «Чохол-Онза» и других божков, Носилов представляет далее и богинь.

«Точно так же остяками почитается баба, по одним словам, сделанная из серебра, а по другим — из золота, в виде нагой женщины, только уже одетой в шелка, парчу и дорогие меха. Она тоже покровительствует рыбному промыслу, и остяки бросают ей в воду против мыса (на реке Оби), где она находится, серебряные деньги

каждый раз, когда огибают его, отправляясь на рыбный промысел.

Суеверие это перешло и к тамошним русским рыбакам. Мне однажды указывали очень богатого рыбопромышленника, который, огибая этот священный мыс на своем судне, бросил в воду даже свой дорогой золотой перстень».

Еще Золотая Баба?.. Да и не одна!

«Около Оксарковских юрт, что ниже Обдорска, меня уверяли, что у одного остяка-рыболова до настоящего времени сохраняется Золотая Баба, с четверть величины. Первоначально она была на Печоре, но когда Стефан Великопермский стал там крестить зырян, ее перенесли сюда на сохранение. Здесь она тайно и хранится поныне как покровительница инородцев. Судя по описанию видевших ее остяков, она в точности — и по размерам и по фигуре — походит на ту серебряную бабу, которую я видел в Ямнельских юртах, в вершине Конды. Вероятно, она вылита по одному и тому же образцу.

Что касается подобных отливок, то они охотно исполняются даже русскими рыбаками, торгующими в этом краю. Отчасти они и сами веруют в эти божества, а отчасти прикидываются такими, чтобы пользоваться доверием остяков и сбывать им подобные изделия, привозимые из Ирбита или даже из Москвы. Какого угодно шайтана сделают вам кустари Тюмени и Тобольска, издавна исполнявшие всевозможные заказы русских рыбаков на серебряные украшения, предназначенные для выгодной перепродажи инородцам».

Прикину пока для себя самое главное. Во-первых, что Золотая Баба в то время была уже не одна. Их было по крайней мере три — в верховьях Полуя, «на Оби против мыса» и около Оксарковских юрт, ниже Обдорска. Во-вторых, что эти Золотые Бабы имели отнюдь не великанские размеры, а были величиной всего лишь «с локоть» (фут, четверть), точно соответствуя своей копии — Серебряной Бабе. И, в-третьих, что прежнего почета, описанного в старых книгах, она уже не имела: нет для нее богатых кумирен, не несут ей баснословных даров, добраться до нее можно запросто — нет при ней сверхбдительных стражей с оружием, нетрудно даже выкрасть ее.

Нет, не тот почет, не та слава, не то значение стало

у Золотой Бабы. «Не тот коленкор», как говаривал мой отец.

И не потому, что, скажем, исчез идол, с которого остались лишь копии — для язычников это большого значения не имело, они могли и не знать о подмене оригинала копией. А потому, что, как говорит энциклопедия, если «изменились условия жизни общества», то изменились и «религиозные взгляды и соответствующие им учреждения».

И вот каким представляется мне сейчас исторический путь этого легендарного идола, морочившего головы ученым (да и неученым тоже) людям почти целое тысячелетие, вот каким видится конец Золотой Бабы...

Конец легенды

Где-то в конце первого тысячелетия нашей эры люди с Запада — славяне и скандинавы, — проникнув в области, прилегающие к Уральскому хребту, страну доселе Западу неизвестную и таинственную, привезли домой известия о необычном народе незнакомой страны.

То, что они увидели там, поразило их. Настолько, что даже самые простые и реальные факты казались им фантастическими, сказочными. Попытки рассказать об этой необычности привели к еще большему нагромождению фантастики. Так родились легенды, сказки о далеком таинственном народе.

Последующие поколения землепроходцев в чем-то развеяли часть этих сказок, а в чем-то еще более усугубили их.

А у него, у этого северного народа, хотя и разделенного на многие племена, которые говорили на разных языках, занимались разными промыслами, кочевали в разных областях, но имели и много общего, — была своя религия, свои боги, свои идолы.

И, так сказать, индивидуального пользования и общественные — родовые и племенные, а поверх всех этих — и всенародные, общие для всех родов и племен.

И таких всенародных — был не один идол, а несколько. Каждый из них носил свою функцию покровительства. К тому же в разное время были и разные идолы.

Среди них — и Золотая Баба. Трудно сказать, была ли она главным идолом. Вернее всего — нет. Вспомним первое русское свидетельство о ней: о народах, «молящихся идолам, огню и воде, и камню, и Золотой Бабе, и волхвам и деревьям». В другом — на век позднее — упоминалось рядом с Золотой Бабой имя и другого идола — «болвана Войпеля».

Нет, не была она главным идолом. Одним из главных — да. Главным его считали другие, посторонние люди. Для них он был главным потому, что был золотым, т. е. сулящим богатство, в случае, если удастся овладеть им.

Этим же, отнюдь не этнографическими, мотивами было вызвано и позднее внимание к ней. В том числе и ученых. Ибо ученым волей-неволей приходилось комментировать многочисленные сообщения о ней. Логика простая и естественная — раз о ней больше, чем о других идолах, сообщений, значит и комментарий требуется больше. О болване Войпеле не написано и тысячной доли того, что написано о Золотой Бабе. А ведь он был идолом не меньшего калибра и значения.

Возможно, что первоначально идол Золотой Бабы был один. То ли принесенная из Рима с походом Алариха античная статуя, то ли обмененное на пушнину (а может, и выкраденное) изваяние Христа или Мадонны, а, может, даже (пусты!) и на статуэтку Гуань-ин или Будды... Теперь это не так важно. Важно лишь то, что она была не местного изготовления, — эти народы литьем в таких масштабах не занимались. И, наряду со своими идолами, сделанными из подручного материала: дерева, камня, имели еще и привозных.

Но потом в силу условий, заставивших разные племена то враждовать, отдаляясь далеко друг от друга в борьбе за угоды и власть, то отходить от преследования наседавших на край разных народов, в том числе и русских, — потом могли появиться и копии. Идола вблизи нет, а вера в него осталась, — значит, надо сделать нового.

Недаром у этих народов бытуют схожие легенды и мифы.

Например, ивдельские манси рассказывали такое: «Главный бог — Торум — послал некогда на землю три бога: одного — в Ивдель, другого — в Пелым, третье-

го — в Няксимволь¹. Все три бога потом вознеслись, но ивдельский вернулся обратно, чтобы принести народу манси счастье».

У ненцев в середине прошлого века бытовал миф о четырех сыновьях «матери болванов» Неве-Хэге, которые разбрелись по тундре и промышляют в разных местах ее. Они олицетворены в камне. Это — Нью-Хэге, маленький утес на Вайгаче, Минисей — на северной оконечности Уральского хребта, полуостров Ямал и, наконец, скала в Кузьмином перелеске, что в лесах, верстах в 20 от Мезени.

У хантов — свои легенды. Главный их бог Мастерко, заботясь о счастье народа, определил для него четырех маленьких «подручных» богов. Но они, эти боги, рассорясь между собой, разошлись по разным местам. Один из них поселился в окрестностях Обдорска, около юрт Вылпосл, об остальных в разное время давались разные сведения.

Не есть ли эти схожие легенды — свидетельство того, что с главных (главного?) идолов были сняты в свое время копии и распределены между группами племен в разных местах Уральского Севера? Три народа — три сына, три идола!

Идолы, как видно, не сидели подолгу на одном месте — кочуя, народы уносили их поближе к новым местам обитания.

Так же вот скиталась и Золотая Баба. А поскольку в одно и то же время ее «видели» в разных местах, очевидно, скиталась не она одна, а ее копии. Путешественник по Северу Ю. Кушелевский в своей книге «Северный полюс и земля Ялмал» (1868 г.) вроде подтверждает это: «В настоящее время коренных идолов, например Золотой Бабы и других, уже нет, а существуют их копии, которые поддерживаются не народно, а избранными, в особенности шаманами, из одних только корыстолюбивых их видов».

Едва ли в таком случае это был большой идол — хлопотно было бы тащить через всю Европу к себе на Урал исполнинскую золотую (пусть даже и медную) статую. Вернее всего, что она была не такой уж большой, а сла-

¹ По другим сведениям — в озеро Ватко-Тур, которое считалось у манси священным.

ву о ее громадности создали преувеличенные слухи, основанные на величине и пышности ее кумирен, на богатстве ее сокровищницы, на особой тщательности ее охраны.

Но за этим идолом шла особая охота из-за его выдуманной ценности. Да и сами народы ценили его, вероятно, больше других. Повидав и посравнив разных богов — из дерева, из кости, из камня, примитивных и грубо сделанных, какой-нибудь вогул, конечно же, отдавал предпочтение искусно сделанной блестящей скульптуре, которую ему своими руками не сработать. И нес дары больше и чаще именно ей, а не топорному болвану. Да и функции покровительства у нее были более широкие, не то что, скажем, у рыбного бога — лягушки Лопанзюк, которую, если путина не удалась, можно и в костер бросить за ненадобностью. Почтение родителей и благоволение ко всем промыслам сразу в огонь не бросишь.

А там уже пошло нарастать, как снежный ком: больше даров стало у идола — возросло и уважение к нему.

Но до поры до времени. Изменялись условия жизни, изменялись и взгляды на идолов. Многие приняли христианство, многие окультурились около русских, как-никак двадцатый век пришел и к ним — повидали моторные суда, новейшей системы ружья и снасти, научились и в бинокль смотреть, и перед фотоаппаратом позировать, кое-где в чумах и граммофон появился... Нет, не теми уже глазами смотрели на Золотую Бабу язычники начала XX века, что их предки во времена Герберштейна ли, Ермака ли, Филофея ли. А уж к нашим годам, надо думать, ей только старики и поклонялись по старой памяти, многие идолы вообще пошли на свалку или заброшены были в старых амбарчиках, притулившихся где-то в таежных топях.

Не случайно молодые ненцы, ханты и манси, выучившиеся в средних школах и университетах, ставшие комсомольцами и коммунистами, ничего не знают о Золотой Бабе. Даже легенды о ней редко кто слышал.

Не явствуем ли из этого, что Золотой Бабы, по-видимому, уже нет, что она для нас потеряна? Если и есть копии ее, то это все же не оригинал.

Сколько на ее долю выпало испытаний: за нею гонялись и древние скандинавы, и новгородские ушкуйники,

и ретивые попы-московиты, и отряды Ермака, и «крестовая рать» Филофея, и ученые, и воины, и проходимцы!

Если даже никому из них не удалось поймать золотую богиню, то она могла быть забыта где-то в лесах после того, как внезапно погибли ее хранители. Наконец, уничтожена самими жрецами во избежание греха, для предотвращения новых неприятностей. Многолетние религиозные преследования могли убедить маленькие северные народности в том, что основная приманка, влекущая на их земли пришельцев, это — главные родовые идолы. Значит, надо избавиться от них, и этой ценой обеспечить покой своему народу.

* * *

Но ведь это все опять-таки предположения. А ведь и оригинал Золотой Бабы был, и копии с него видели люди. И если уж не оригинал, то хоть какая-то копия его могла еще сохраниться? И находка ее, несомненно, что-то прояснила бы в сложной и запутанной истории древнего идола.

Так что стоит поискать? Пожалуй, да.

Тем более, что появился дополнительный повод к походу в те места.

Дело в том, что, собирая сведения о священных горах на Северном Урале, я встретился с интересным сообщением.

Как-то, возвращаясь в город, я опоздал на последнюю электричку и вскочил в вагон поезда Хабаровск — Москва. За полтора-два часа пути успел познакомиться и поговорить с геологом, бывшим уральцем, а ныне работающим где-то в Якутии.

Геолог рассказал мне, что на столе у своего деда, старого уральского геолога, он видел в детстве красивый штуф горного хрусталя. В центре штуфа — большой, идеально прозрачный, четко ограненный природой кристалл, а по бокам — два маленьких. «Золотая Баба и ее дети» — звал этот штуф дед. Рассказывая внуку вместо сказок различные истории из своей богатой приключениями жизни, он поведал и историю этого штуфа.

Однажды — это было еще в начале нашего века — дед, тогда еще молодой геолог, повстречал в тайге человека. В изодранной, покрытой засохшей кровью одежде, он лежал с закрытыми глазами у комля поваленной

бурей старой лиственницы и тихо стонал. Мошка густо облепила его лицо, особенно глаза, губы и нос. Рядом валялась, хищно оскалив зубы и закатив потускневшие глаза, матерая рысь. В горле ее торчал нож.

Оставив собранные за день образцы и освободив крошны, дед взвалил человека на спину и полдня волок его до лесной избушки. Неделью выхаживал его и, только когда убедился, что человек останется жить и день-два может обойтись без его помощи, отправился в далекое, но единственное в этой округе селение, чтобы известить сородичей раненого.

Когда прощались, Максим (так звали раненого манси) горячо благодарил спасителя и подарил ему единственное, что нашлось в мешке,— прекрасный штуф горного хрусталя.

— Со святой горы,—пояснил он,—удачной охоте поможет. От напастей уберезет...

Талисман от напастей, тем более такой ненадежный (он был у Максима в момент поединка с рысью), не очень был нужен деду, но он, конечно, взял красивый кристалл. Однако по привычке геолога спросил:

— Откуда?

Максим показал высящийся на горизонте треугольник горы, но предостерег:

— Туда не ходи. Живым не вернешься. Золотая Баба не пустит.

— А как ты ходишь?

— Мне можно. Я шаман. Служу богам.

Так этот кристалл и остался у деда на столе памятью о давнем таежном эпизоде.

— Вас это должно заинтересовать в связи с поисками следов Золотой Бабы,— закончил свой рассказ мой собеседник.— Меня же до сих пор интересует сам кристалл. Сдается мне, что тот горный хрусталь должен обладать пьезоэлектрическими свойствами. А пьезокварц... Ну да сами слыхали, наверное, как он важен в наше время.

— Что же за гора это: как имя ее и где она, в каком районе? — спросил я геолога.

— В том-то и дело, что не знаю. Как будто где-то за Ивделем. Можно было бы уточнить все это у старого краеведа Стефана Аристарховича Закожурникова. Дед дружил с ним и передал штуф ему в подарок. Но я не

бывал в родном городе уже много лет и не знаю, когда еще мне это удастся.

Я тогда же записал бегло рассказ геолога на клочке бумажки. Пьезокварц, минерал, ранее пригодный разве только для огранки дешевеньких бус, теперь стал ценнейшим сырьем для радиотехнической промышленности. Такая находка ценна сейчас для нас, пожалуй, не менее Золотри Бабы.

А может, и она сама окажется тут же и укажет путь к подземной кладовой сокровищ, которую ей издавна предназначено было охранять? Две тесно переплетенные загадки — загадка прошлого и загадка настоящего — зовут в поход.

Значит, решено — идем!

Письмо геодезиста Михаила Лебедева краеведу Стефану Аристарховичу Закожурникову

Дорогой Стефан Аристархович!

Простите, что пишу карандашом. Мы, геодезисты, не имеем права пользоваться на работе ни чернилами, ни химическим карандашом — полевые записи могут промокнуть и непоправимо испортиться.

Да, я теперь имею право сказать: мы — геодезисты. Два месяца назад я закончил курсы и получил назначение — нивелировщиком в изыскательскую партию.

Все мне нравится здесь: и походная, богатая приключениями жизнь; и ответственная, требующая высокой точности, работа; и край — суровый, полный своеобразной прелести, богатый, но малоизведанный. Мы ведем изыскания вариантов железной дороги, которая через несколько лет ворвется далеко в глубь тайги и преобразит эти места.

Я часто вспоминаю здесь наши беседы и Вас. Новыми глазами смотрю на этот район моего родного края. Я пришел сюда не как гость, а как свой человек: хоть немного, но знаю и прошлое этих мест, и географию их, и их богатства. Еще и еще раз благодарю Вас за то, что познакомили меня со всем этим, научили деятельно лю-

бить свой край — постоянно и настойчиво изучать его и осваивать.

Сейчас мы проходим своей трассой недалеко от места гибели Тимы, всего в каких-нибудь десяти-пятнадцати километрах от Шаманихи. Со вчерашнего дня наша база — в селении, где когда-то останавливались Тима с ребятами. И встретили здесь... Кого бы, Вы думали? Ярослава Мальцева!

Он, оказывается, успешно защитил диплом и преподает в средней школе одного из поселков этого далекого таежного района. Сюда он приехал с группой поселковых ребят, участников всеуральского геопохода. Они будут штурмовать Шаманиху, чтобы выполнить программу, намеченную когда-то Тимой.

Они же рассказали нам о страшной истории, разыгравшейся здесь прошлой осенью — в те дни, когда Вы еще лежали в больнице, а Ярослав готовил свой диплом. О ней-то, главным образом, я и хотел написать Вам.

* * *

Прошлой осенью здесь появился необычный для этих мест бродячий фотограф. Он ходил из дома в дом и предлагал желающим сделать за недорогую плату снимок любого размера. В конце беседы он неизменно спрашивал, как бы между прочим, не знает ли кто бывшего шамана, который когда-то был последним стражем священной горы. Ему сказали, что шаман живет под наблюдением какой-то старухи, кажется, его дочери, в небольшом селении, километрах в пятидесяти отсюда.

Фотограф исчез, так и не сделав никому ни одного снимка.

А неделю спустя вновь напомнил о себе. Охотник, вышедший по первому снежку на промысел, увидел его по дороге на Шаманиху. И не одного, а с древним стариком, у которого вместо рук были высохшие культипки. Старик вроде был пьян, шел пошатываясь и все время как будто пытался остановиться и сесть. Но фотограф, идя на шаг сзади, протягивал руку к его спине — и тогда старик вскидывал голову и ускорял шаг.

Заподозрив недоброе, охотник, добравшись до селения, рассказал здесь о виденном. Однако все взрослые мужчины ушли в тайгу, и идти на поиски было некому.

Спустя несколько дней в селение прилетел вертолет. Изыскатели, облетывавшие район будущей трассы, заметили в лесу труп человека.

— Не пропал ли кто-нибудь из ваших? — спрашивали они в селении.

Тогда им рассказали о том, что видели на подходе к Шаманихе несколько дней назад.

К этому времени вернулись из тайги и охотники. Начались поиски. Вертолет указывал путь. Собаки помогали искать след. Но след был виден и без собак — свидетельства происходившего были слишком ясны для таежных следопытов, умевших по малозначительным признакам, невидимым другим людям, составить картину того, что тут происходило несколько дней назад. Конечно, помогал и свежий снежок, прикрывший недавно тайгу.

...Вот здесь лежал человек. Может — упал от усталости, может — его повалили. Следы короткой борьбы.

Передний совсем с трудом передвигает ноги, спотыкается. Задний бодр, ступает твердо.

Вот здесь двое сидели, на некотором расстоянии друг от друга. Там, где сидел слабый, — пустая водочная бутылка. Там, где сильный, — консервная жестянка, обертка от плавленого сыра, обженок копченой колбасы. Он ел один!

Вот кострище. И снова следы борьбы. На снегу капли крови.

Опять тропа бесстрастно свидетельствует о том, что шли двое — слабый впереди и сильный сзади.

Вот неожиданно следы свернули в сторону. Тот, первый, пытался бежать — сломанные ветки, клочья одежды на сучьях. Упал, запнувшись за корягу. Опять борьба.

Почти у самой вершины Шаманихи — незаметный даже в десяти шагах, замаскированный амбарчик на столбах. Слабый не подходит к нему, он лежит. Горстью снега он вытирает кровь. А сильный бежит. Бежит к амбарчику. Полусгнивший самострел сработал с запозданием — огромная стрела воткнулась в дерево в десяти шагах.

...Разрушенный амбарчик — капище идолов. Их здесь сотни — больших и малых, деревянных и металлических, укутанных в полуистлевшие тряпки и голых. Серебря-

ные тарелочки, на которых раньше в церквах подавали просфоры. Церковная чаша для причастия. Меха, меха, меха. Один из идолов одет в полицейский мундир. К кончикам аксельбантов привязаны медные пластинки с изображением зверей и птиц. Берестяной туес и вываленная из него груда монет — медных, серебряных. Вероятно, было и золото.

...Обратный путь. Тот, сильный, уходит один! Слабый ползет за ним. Первый ускоряет шаг. Слабый, собрав силы, встает. Крадется. Бросается на своего врага. Короткая борьба. Похоже, что слабый толкает сильного куда-то в сторону, тянет его.

Вот она — волчья яма, где конец всей этой истории.

У края ее — труп старика с культами вместо рук. Лицо его разбито.

Умирая, он подполз к краю ямы, и голова его свесилась туда: он наслаждался итогом борьбы, мучениями врага...

А там — на дне глубокой, пахнувшей сыростью и гнилью ямы — тот, кто был виновником этой страшной истории, — фотограф. С перебитой при падении ногой, прижатый к стене большим трухлявым обрубком бревна, он полусидел, полулежал, не в силах шевельнуться. Около него лежала горстка золотых монет... В руках он держал бронзовый подсвечник с фигурой купальщицы. Глядя на него безумными глазами, фотограф гладил фигурку дрожащими руками и бессвязно шептал:

— Золотая Баба... Золотая Баба... Ты нашла меня... Я нашел тебя...

Когда фотографа вытащили, его пришлось связать: он бросался на каждого, кто, как ему казалось, хотел взять у него подсвечник, кусался и бился.

Все найденное в капище увезли на пяти нартах в местный музей.

Безумного фотографа отправили в больницу. Он так и не выпускал из своих окостеневших от напряжения рук злополучный подсвечник с купальщицей.

* * *

Через месяц я вернусь в наш родной город на камеральные работы. Проектировщики ждут результатов изысканий. Главный инженер шутит, что если наш

вариант утверждают (он много выгоднее!), то станцию в этом районе надо назвать Золотой Бабой. Но начальник партии говорит, что хотя и поэтично, а ни к чему, тем более, что слово «баба» уже совсем уходит из нашего лексикона. Он предлагает дать станции имя Дружба. Мне тоже кажется, что это лучше.

А что, кстати, слышно нового о поисках Золотой Бабы? Неужели эта загадка истории так и не будет разгадана? Теперь, после находки рукописи Носилова, ее искать намного легче. Я и сам готов принять участие, если пригожусь...

До скорой встречи, дорогой Стефан Аристархович!

Уважающий Вас геодезист
Михаил Лебедев.

ЧТО ЧИТАТЬ О ЗОЛОТОЙ БАБЕ

Автора «Легенды о Золотой Бабе» часто спрашивают в письмах, что читать по этой теме, чтобы познакомиться с нею шире и глубже.

Литературы, где так или иначе упоминается Золотая Баба, много — вероятно, сотни названий. Но специальных трудов, посвященных ей, — очень мало, а таких, которые рассматривали бы проблему исчерпывающе и со всех сторон, нет.

Наиболее обстоятельные из специальных работ следующие:

1. Саларев в. **О Золотой Бабе, северной богине.** «Вестник Европы». Москва. 1815, май, ч. XXI, стр. 129—136.

Первая русская работа, посвященная специально этой теме. К сожалению, она бедна и по привлеченному материалу и по выводам. Автор на основании сходства некоторых внешних черт облика Золотой Бабы и культа ее, сообщенных в сочинениях Герберштейна, Гваньини и др., с обликом сирийской богини Астергатис и культом ее, описанным древнегреческим историком Лукианом, пытается отождествить эти два божества, разделенные друг от друга целым тысячелетием и четвертью дуги земного шара.

2. Анучин Д. Н. **К истории ознакомления с Сибирью до Ермака.** «Труды имп. Московского археологического общества. Древности». т. IV. Москва. 1890, стр. 227—313.

Первый на русском языке обстоятельный свод известий о Золотой Бабе с попыткой истолкования их. Приводятся тексты М. Меховского, С. Герберштейна, А. Вида, А. Дженкинсона, А. Гваньини, Д. Флетчера, Петрея де Эрлезунда, Г. Новицкого, В. Иславина, Ю. Кушелевского, Н. Гондатти и др. Даются фрагменты карт с изображением Золотой Бабы.

Можно смело сказать, что вся последующая русская литература по этому вопросу не могла обойти труда Д. Н. Анучина. Он и до сих пор не потерял своего значения.

3. Веселовский Н. И. **Мнимые каменные бабы.** «Вестник археологии и истории». Вып. XVII. СПб. 1905. Есть отдельный оттиск.

Автор — известный русский ориенталист и археолог — резко протестует против попытки некоторых ученых причислить Золотую Бабу к семье каменных баб. В полемике приводит много важных и интересных ссылок на русские летописи, труды Меховского, Герберштейна, Адамса, Дженкинсона, Гваньини, Флетчера и др., на рассуждения и доводы Уварова, Домбровского, Гануша, Нарушевича, Косгомарова, Носилова. Даются рисунки и фрагменты карт.

4. Трубецкой Н. С. **К вопросу о Золотой Бабе.** «Этнографическое обозрение». 1906, № 1—2, стр. 52—62.

Автор так излагает задачу своей работы:

«Разыскания новейших путешественников и этнографов показали, что Золотая Баба, или, по крайней мере, копия с нее, и сейчас существует и хранится где-то у инородцев северо-западной Сибири, но где именно — неизвестно (вероятнее всего, в Казымских юртах). Понятно, что пока этнографы не проникли в ее таинственное убежище и не изучили ее культа на месте, о Золотой Бабе нельзя сказать ничего окончательного. Возможны только более или менее вероятные и правдоподобные предположения, и с этой точки зрения я и прошу посмотреть на предлагаемую статью».

В статье, обильно оснащенной ссылками на Карьялайнена, Носилова, Гваньини, Дженкинсона, Вида, Герберштейна, Меркатора, Гондатти, русские летописи, Карамзина, Михайлова, Арсеньева, Кл. Попова, Смирнова, Кандинского, Георги, Рычкова, Верещагина, Потанина, М. Буха, С. К. Кузнецова и мн. др., — автор высказывает предположение, что Золотая Баба — это вогульское божество Куалтысь-сань-торум, жена бога Торума, известная удмуртам под именем Кылдысин-Му. Проследивая по удмуртской религиозной мифологии и эпосу сходство героини этих преданий с Золотой Бабой, Трубецкой строит свою гипотезу исторической эволюции взглядов на нее местных народов.

5. Алексеев М. П. *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей*. 2 изд. Иркутск, 1941, 612 стр.

В примечаниях и комментариях к текстам 50* иностранных авторов, писавших о Сибири в XIII—XVII веках, на страницах 116—121, 154—157 и 205—206 этой книги М. П. Алексеев (ныне академик) дает, пожалуй, всеобъемлющую сводку известий о Золотой Бабе русских и иностранных авторов, публикует репродукции оригинальных рисунков и карт, сталкивает различные мнения о ее происхождении и местонахождении, о ее месте на религиозном Олимпе у разных народов и т. д.

Тексты, сверенные по первоисточникам и заново переведенные автором, отличаются высокой точностью и обстоятельностью. Комментарии — всесторонни и глубоки. Обилие приводимого материала — на грани возможного. Ни один человек, изучающий историю Золотой Бабы, не может пройти мимо этого, восхищающего своей полнотой (при относительной краткости) труда.

По-разному и в разной степени обстоятельности, но так или иначе касаются вопроса о Золотой Бабе многие. Упомянем лишь незначительную часть таких трудов.

1. Летопись Сибирская краткая (Куингурская), изданная А. Зостом, СПб, 1880.

2. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяком. СПб. 1884.

3. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. 1937, т. 2. 1941.

4. Страленберг. Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии. СПб. 1797.

5. Абрамов Н. А. Описание Березовского края. «Записки Имп. Русск. Географич. Общества». 1857, кн. XII.

6. Миддендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 1 и 2. СПб. 1860—1877.

7. Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 1, Москва. 1862.

8. Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ямал. СПб., 1868.

9. Кандинский Г. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. «Этнографическое обозрение». Москва, 1889, № 3, стр. 102—110.

10. Смирнов И. Н. Пермь. Казань, 1891.

11. Лопарев Хр. Самарово. Село Тобольской губернии и округа. Материалы и воспоминания о его прошлом. СПб. 1892.

12. Всероссийский словарь — толкователь. Под ред. В. В. Жукова. Издание А. А. Каспари. СПб, 1893, стр. 644.

Это, кстати сказать, единственный из словарей и энциклопедий, где упомянута Золотая Баба. Словарь на основании каких-то никому не известных источников уверяет, что идол «был уничтожен Стефаном, христианским проповедником в 1389 году».

13. Носилов К. Д. У вогулов. Очерки и наброски. СПб, 1904.

14. Павловский В. Вогулы. Казань, 1907.
Особенно гл. IV. «Религиозная эволюция вогуличей».

15. Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов. СПб, 1910.

16. Лебедев М. А. Пермь Великая. Исторические очерки. «Журнал Министерства нар. просвещения». 1917. № 11—12.

17. Стоит также упомянуть, что в 1930-х годах в Москве издательством «Федерация» был издан роман М и л и я Е з е р с к о г о «Золотая баба». Но о самом идоле там почти ничего нет.

18. В самое последнее время, в 1960-е годы, на страницах наших газет и некоторых журналов («Вокруг света», «Знание — сила») появились многочисленные статьи о Золотой Бабе, распространенные по линии АПН: «Золотая Баба аримаспов» («Вокруг света», 1960 г., № 1), «Утерянное сокровище» (февраль 1960 г., напечатана в десятках газет) «В поисках «Золотой Бабы» («Комс. правда», 1 апр. 1961 г.), «Вокруг древней легенды» (декабрь 1961 г. Многие газеты) «В поисках «Золотой Бабы» («Знание — сила», 1965 г., № 7) и другие. Все они представляют собой или

точную копию или модификацию одной и той же статьи журналиста Л. Теплова. Они очень легковесны, изобилуют неточностями.

19. Марков С. **Земной круг**. Москва. 1966. Изд. «Мысль».

В главе «Слово о Золотой Бабе» автор высказывает предположение, что идол Золотой Бабы — это изображение древней китайско-тибетской богини милосердия Гуань-ин, перенесенное в давние времена по торговым путям из стран буддийского мира на далекий Север.

Из многочисленных библиографических работ о жизни, быте и верованиях северных народов можно порекомендовать одну из последних и наиболее интересных:

20. Никольский Н. П. **Обзор литературы по этнографии, фольклору и языку хантов и манси**. «Советская этнография», 1939, № 2, стр. 182—207.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	3
Тетрадь первая. Реферат и примечания к нему, сочиненные Стефаном Аристарховичем Закожурниковым . . .	4
Тетрадь вторая. Воспоминания старшего топорабочего Миши Лебедева	28
Тетрадь третья. Разоблачения Нутика Лабковского .	42
Тетрадь четвертая. Хроника одного дня Фаины Крыловой	56
Тетрадь пятая. Исповедь Ярослава Мальцева	76
Тетрадь шестая. Записки Тимофея Лебедева	90
Какая она?	92
Кто ее видел?	97
Подноготная сказок	100
О родственниках	105
Куда она исчезла? Не Ермак ли?	109
А может быть, виноват Филофей?	116
А что было в Нахрачах?	120
За чем охотились Кузнецовы?	123
Рукопись, открывшая многое	130
Конец легенды	143
Письмо геодезиста Михаила Лебедева краеведу Стефану Аристарховичу Закожурникову	149
Что читать о Золотой Бабе	154

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В течение нескольких лет наше издательство выпускает «Уральскую библиотеку путешествий, приключений и фантастики».

В этой серии изданы книги:

И. Ликстанов, «Зелен-Камень», повесть.

Е. Кораблев, «Четверо и Крак», «У пяти ручьев», «Созерцатель скал», романы.

А. Литвинов, «В краю огнедышащих гор», записки кинооператора.

Л. и М. Немченко, «Летающие к братьям», научно-фантастические рассказы.

А. Домнин, «Поход на Югру», повести.

В. Стариков, «Вертолет берет одного», повесть; «Вас зовут четверть третьего?», сборник научно-фантастических рассказов и повестей.

Ю. Яровой, «Высшей категории трудности», повесть.

В. Шустов, «Человек не устает жить», повесть.

Просим присылать отзывы о «Библиотеке», ваши замечания, предложения к составу серии.

Курочкин Юрий Михайлович
Легенда о Золотой Бабе

Второе, дополненное, издание.
Печатается по изданию Пермского
книжного издательства, 1963 г.

Редактор *В. Артюшина*
Художественный редактор
Я. Черников
Технический редактор
Т. Меньщикова
Корректор *М. Казанцева*

Сдано в набор 4/I 1968 г. Подписано
в печать 10/IV 1968 г. Бумага газет-
ная. Формат 84×108^{1/32}. Уч.-изд.
л. 8,34. Усл. печ. л. 8,45.
НС14126. Заказ 14. Цена 40 коп.
Тираж 50 000 экз.

Средне-Уральское книжное издатель-
ство, Свердловск, Малышева, 24.
Типография издательства «Уральский
рабочий», Свердловск, проспект
Ленина, 49.

ЧЕВЖА КХАНЪ ВЪ НАШИХЪ ЗЕМЛЯХЪ
Всей Сивирѣ Тоболскаго
Города Исѣха Розныхъ
Градѣва

СѢВЕРЪ

ПОМОРЕ

РЕКА
СѢВЪ

ЮГРА

ВОСТОКЪ

Корельской

Архангелской

Двина

градъ
Оустюгъ

Запа

река Двина

Пермь

река
КАМА

градъ
Оуба

градъ
Березовѣ

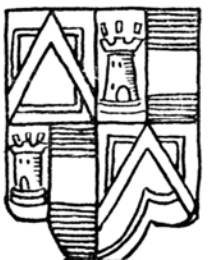
река
Сиртышъ

градъ
Тоболскаго

градъ
Тюменѣ

р. Ока

КАЗАНЬ

40 коп.

Средне-
Уральское
Книжное
Издательство
Свердловск 1968